

В. Д. Горячева

Средневековые
городские центры
и архитектурные
ансамбли Киргизии

ФРУНЗЕ 1983

АКАДЕМИЯ НАУК КИРГИЗСКОЙ ССР
Институт истории

В. Д. Горячева

Средневековые
городские центры
и архитектурные
ансамбли Киргизии
(Бурана, Узген, Сафид-Булан)

Научно-популярный очерк

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИЛИМ»
Фрунзе 1983

Работа представляет собой историко-археологический очерк, в котором на основе полевого раскопного, эпиграфического, нумизматического, фольклорного материала с привлечением сведений из средневековых письменных источников описываются наиболее значительные памятники истории и культуры Киргизии: Буранинский, Узгенский археолого-архитектурные комплексы, мавзолей Шах-Фазиль, а также средневековые города, с которыми они были связаны.

Книга рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся историей края и произведениями монументального зодчества Киргизии.

*Утверждено к печати
Ученым советом Института истории
и принято РИСО
Академии наук Киргизской ССР*

Ответственный редактор
кандидат исторических наук *К. И. Петров*

Рецензенты:
доктор исторических наук *Ю. А. Заднепровский*,
кандидат исторических наук *К. М. Байпаков*

Всю старину мы должны тщательно охранять не только как памятники искусства, — это само собой, — но и как памятники быта и жизни древних времен. Сюда должны приходить экскурсии, здесь должны быть развернуты музеи, здесь должны даваться подробные объяснения посетителям...

В. И. Ленин

ВВЕДЕНИЕ

Всестороннее исследование культурного наследия народов нашей страны было и остается одной из важных задач советской исторической науки. КПСС и Советское правительство всегда придавали и придают большое значение максимальному использованию прогрессивного опыта мировой человеческой мысли в коммунистическом воспитании советских людей.

Осуществление в СССР культурной революции, формирование общенародной социалистической культуры, служащей интересам трудящихся масс — одно из величайших достижений советского народа. Развиваясь как национальная по форме и интернациональная по содержанию, социалистическая культура впитала в себя все лучшее, что создано народами нашей страны за тысячелетия, стала единой культурой новой исторически сложившейся общности — советского народа.

Общеизвестно марксистско-ленинское положение о том, что социальное развитие общества в ту или иную эпоху находит свое глубокое выражение в прогрессе культуры. Подобно тому, как «наука движется вперед пропорционально массе знаний, унаследованных ею от предшествующего поколения»¹, культура каждой общественно-экономической формации, поднимаясь на качественно новую ступень своего развития, прочно опирается на достижения прошлого. Сам марксизм «завоевал себе свое всемирно-историческое значение как идеология революционного пролетариата тем, что марксизм отнюдь не отбросил ценнейших завоеваний буржуазной эпохи, а, напротив, усвоил и переработал все, что было ценного

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 568.

в более чем двухтысячелетнем развитии человеческой мысли и культуры»¹.

Намечая программу коренных социальных преобразований первого в мире социалистического государства, В. И. Ленин и руководимая им Коммунистическая партия исходили из того, что «только точным знанием культуры, созданной всем развитием человечества, только переработкой ее можно строить пролетарскую культуру»².

Часть этой культуры наследована нами в виде памятников старины и искусства. Разнообразные по содержанию и назначению они в самых многообразных аспектах отражают многовековой опыт народа, пройденные им общественно-экономические формации, его материальные и духовные потребности и потому не могут рассматриваться вне связи с историей. Сами памятники являются, таким образом, историческими источниками.

С первых дней Советской власти в нашей стране были заложены основы государственной охраны памятников истории и культуры. В декабре 1917 г. был создан Комиссариат исторических имуществ и коллегия по охране памятников при нем, и уже в апреле 1918 г. В. И. Лениным подписан декрет Совета Народных Комиссаров «О памятниках республики».

Позднее функции Комиссариата были переданы Наркомату просвещения, подразделения которого в годы гражданской войны провели огромную работу в области музейного строительства и охраны исторических, научных и культурных ценностей. В последующие годы система охраны памятников крепла и совершенствовалась³.

При жизни В. И. Ленина был издан цикл законодательных актов, которые вместе с юридическим обеспечением сохранности исторических памятников предполагали их широкую пропаганду и научное изучение. В марте 1923 г. В. И. Ленин подписал декрет Совета Народных Комиссаров «Об учете и регистрации предметов старины и искусства», 7 января 1924 г. — «Об учете и охране памятников искусства, старины и природы». Эти законы должны были гарантировать сохран-

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 337.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.

³ См.: Охрана памятников истории и культуры. Сборник документов. М., 1973.

ность памятников как достояния всего советского народа, посылку вокруг вопроса об отношении Советского государства к культурному наследию многие годы шла идеологическая борьба.

Ультралевые деятели, считавшие себя специалистами по пролетарской культуре, предпринимали попытки уничтожения наследия прошлого¹. В. И. Ленин резко выступал против этих тенденций. На III съезде комсомола он так сформулировал свое отношение к культурному наследию: «Пролетарская культура не является выскочившей неизвестно откуда, не является выдумкой людей, которые называют себя специалистами по пролетарской культуре. Это все сплошной вздор. Пролетарская культура должна явиться закономерным развитием тех запасов знания, которые человечество выработало под гнетом капиталистического общества, помещичьего общества, чиновничьего общества»².

В. И. Ленин требовал творческого отношения к культуре прошлых поколений, которую не следует хранить так, «как архивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство — вовсе не значит еще ограничиваться наследством...»³. Творческий подход к проблеме сбережения культурного наследия и преемственное его осмысление легли в основу последующих государственных мероприятий по охране, изучению и пропаганде памятников.

В ряду правительственных актов особое место занимает постановление Совета Министров СССР (и принятые на его основе постановления Советов Министров союзных республик) от 14 октября 1948 г. «О мерах улучшения охраны памятников культуры»⁴ с развернутым положением об охране памятников и инструкциями о порядке учета, регистрации, содержания и реставрации памятников.

В принятых в последующие годы документах подчеркивается, что в нашей стране памятники истории и культуры служат базой для широкой пропаганды исторических знаний, а также для максимального использования культурного наследия в си-

¹ Охрана памятников истории и культуры..., с. 9.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 304.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 542.

⁴ О мерах улучшения охраны памятников культуры. Постановление Совета Министров СССР от 14 октября 1948 г. М., 1949.

стеме воспитания, поскольку всестороннее и гармоничное развитие человеческой личности является самой высокой целью коммунистического общества.

Проявлением постоянно растущей заботы Коммунистической партии и Советского государства о культурном наследии являются Закон Союза Советских Социалистических Республик (принят 29 октября 1976 г.) и Закон Киргизской ССР (31 декабря 1977 г.) «Об охране и использовании памятников истории и культуры». По решению директивных органов в республике создан музей под открытым небом на базе Буранинского археолого-архитектурного комплекса. Не за горами время, когда Узгенский археолого-архитектурный комплекс, древние постройки Сафид-Булана и другие выдающиеся памятники Киргизии станут местом паломничества туристов как крупные историко-культурные центры Средней Азии.

В данной книге рассматриваются культовые сооружения, представляющие значительный интерес для исторической науки. Необходимо их разностороннее изучение также с учетом запросов атеистической пропаганды, поскольку даже в настоящее время в сознании и поведении отдельных людей цепко держатся вредные традиции и привычки, религиозные пережитки. Чтобы показать реакционную сущность средневековой идеологии (в частности ислама), навсегда покончить с религиозными пережитками в сознании людей, нужно глубокое знание не только истории самой религии, но и связанных с нею культовых сооружений, всестороннее, с материалистических научных позиций осмысление содержащихся в них сведений.

Как всякое произведение искусства, архитектура отражает, прежде всего, духовную культуру. Одним из факторов ее всегда была религия, влияние которой на все стороны жизни первобытнообщинных и раннеклассовых обществ было сильным. Она проникла в сознание и быт, установила контроль над многими сторонами жизни. В феодальную эпоху воздействие религии еще более усилилось. Ф. Энгельс так охарактеризовал ситуацию, сложившуюся в тот период: «Средние века присоединили к теологии и превратили в ее подразделения все прочие формы идеологии: философию, политику, юриспруденцию. Вследствие этого всякое общественное и политическое движение вынуждено было принимать теологическую форму. Чув-

ства масс вскормлены были исключительно религиозной пищей; поэтому, чтобы вызвать бурное движение, необходимо было собственные интересы этих масс представлять им в религиозной одежде»¹.

Ислам как общественное явление включает определенную совокупность идей, обрядов, систему религиозных учреждений и их кадры в лице духовенства. В. И. Ленин дал четкую характеристику духовенству в классовом обществе: «Все и всякие угнетающие классы нуждаются для охраны своего господства в двух социальных функциях: в функции палача и в функции попа. Палач должен подавлять протест и возмущение угнетенных. Поп должен утешать угнетенных, рисовать им перспективы (это особенно удобно делать без речительства за „осуществимость“ таких перспектив...) смятения бедствий и жертв при сохранении классового господства, а тем самым примирять их с этим господством, отваживать их от революционных действий...»².

В. И. Ленин указывал, что в странах Востока общественный прогресс тормозится мусульманским духовенством. В своем выступлении на VIII съезде партии в 1919 г. он отмечал, что народы Средней Азии — киргизы, узбеки, таджики, туркмены — все еще «всецело в подчинении у своих мулл»³, и это обстоятельство мешает социалистическому преобразованию Средней Азии.

За годы Советской власти в корне изменились условия общественной жизни народов Советского Востока. Канули в вечность нищета и бесправие, темнота и невежество, гнет и насилие.

Однако в мире происходят события, заставляющие нас помнить свой интернациональный долг по отношению к другим народам, живущим за рубежом и борющимся за свою социальную и духовную независимость. Реакционная роль части мусульманского духовенства, тесно связанного с миром капитала, существенным образом сказывается на освободительной борьбе народов этих стран. Слова В. И. Ленина о необходимости «борьбы с духовенством и прочими реакционными и средневековыми элементами, имеющими влияние в отсталых

¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 314.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 237.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 158—159.

странах», а также «борьбы с панисламизмом и подобными течениями, пытающимися соединить освободительное движение против европейского и американского империализма с укреплением позиции ханов, помещиков, мулл и т. п.»¹, актуальны и в наши дни.

Большую роль в этой борьбе играют наука и просвещение. Научно-техническая революция оказывает огромное воздействие на сознание людей. Атеизм, основанный на историческом материализме, новейших достижениях науки и фактах действительности, позволяет проводить радикальную критику религиозных догм и течений как современного буржуазного, так и средневекового феодального общества. Сегодня вопросам идейно-воспитательной, в том числе атеистической работы среди населения уделяется большое внимание.

Как подчеркнул Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропов на июньском (1983 г.) Пленуме, «всю нашу идеологическую, воспитательную, пропагандистскую работу необходимо решительно поднять на уровень тех больших и сложных задач, которые решает партия в процессе совершенствования развитого социализма»². А в постановлении, принятом Пленумом, четко записано: «Необходимо активнее вести пропаганду научно-материалистических взглядов среди населения, уделять больше внимания атеистическому воспитанию»³.

Испытанной формой агитационно-пропагандистской работы нашей партии является многообразное использование памятников истории и культуры. Они хорошо иллюстрируют ленинскую мысль о том, что в социалистическом государстве «все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации»⁴. Дивная красота этих построек сама по себе доказывает ложность и порочность религиозных догм, причисляющих все земное и живое — к реакционному, временному и призывающих к уходу от жизни в мифическое царство небесное. В тексте книги на том или ином памятнике наглядно

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 166.

² Правда, 1982, 16 июня. — М.: Политиздат, 1976, с. 90—91.

³ Там же.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 289.

проступает метафизическая основа религиозной идеологии, реакционная сущность политики мусульманских служителей культа и феодалов-эксплуататоров.

Использовать сведения непосредственно из местных источников, обладающих определенной информативностью, всегда имеющие историческую значимость, равно как и осязаемую земную красоту построек, — значит вести самую действенную и убедительную борьбу с пережитками прошлого. Изученные и отреставрированные, превращенные в общенародное достояние свидетели далекой старины заговорят вновь. Научные данные о них, вливаясь в арсенал историко-культурного познания края, дополняют комплекс средств и методов идейно-политической работы в республике.

Настоящая книга посвящена трем наиболее значительным историко-культурным центрам средневековья. Она написана по материалам историко-топографического и археолого-архитектурного изучения памятников зодчества Киргизии, расположенных на городищах Бурана, Узгена и с. Гулистан (бывший Сафид-Булан).

Средневековые городские центры и архитектурные ансамбли Киргизии относятся к исторически важной и интересной эпохе становления и развития феодальных отношений, к тому периоду, когда слагались среднеазиатские народности. Этногенетические процессы протекали сначала в рамках древнетюркских государственных образований, а затем в Караханидском каганате, в состав которого входила и территория нынешней Киргизии как один из центров этих раннефеодальных государств.

История возвышения Караханидской династии представляется в настоящее время как естественное продолжение развития государств древних тюрков. После установления своего политического господства в восточной части Средней Азии тюрки-кочевники оказались в сфере влияния культуры оседлоземледельческого населения и сами постепенно начинали переходить к земледелию.

Оседание кочевников было вызвано, главным образом, внутренними социально-экономическими факторами. Значительную роль в этом процессе сыграло классовое расслоение и обеднение основной массы кочевников вследствие эксплуатации со стороны феодализирующейся военно-административной верхушки.

В VIII—XII вв. в долинах Тянь-Шаня, как и в других областях Средней Азии, растут старые и возникают новые города, развиваются ремесла и торговля. В местах расселения и политического господства тюркских племен одновременно протекал и другой процесс — тюркизация (прежде всего по языку) оседлого населения не только горных, но и равнинных районов Ферганы и Семиречья. Об этом свидетельствует повсеместное распространение древнетюркской рунической письменности — и в областях Семиречья, и в Фергане. Из письменных источников известно, что согдийцы и другие проживавшие в городах представители торгово-ремесленного и земледельческого населения носили тюркские имена и титулы, заимствовали их одежду и нравы. В свою очередь и тюркоязычное население испытало известное согдийское влияние. Уже в XI в. в составе носителей городской культуры Тянь-Шаня были тюрки, вчерашние кочевники¹. Сложные этногенетические процессы оставили свой след и в материальной культуре средневекового Киргизстана.

Политическая история Караханидского государства связана со многими войнами. Принятие Сатукком Бограханом (внуком основателя династии — Бильге-Кюль Кадыр-хана) ислама в качестве официальной государственной религии со второй половины X в. послужило предпосылкой для политического признания этой династии в мире «мусульманского Востока». С 90-х годов X в. Караханиды начинают экспансию на запад, расширяя границы своих владений. Победоносные походы на территорию Мавераннахра и взятие Бухары в 999 г. повлекли за собой ряд неудачных попыток завоевания Хорасана и Хорезма в 1006—1008 гг.

Во главе государства стояли два правителя: верховный каган с титулом Арслан (лев) кара-хакан и соправитель Богра (верблюду) кара-хакан. В 433/1041—42 гг. единый каганат раскололся на два отдельных караханидских государства: Восточное со столицей в Баласагуне (позднее в Кашгаре) и Западное со столицей в Узгенде (позднее в Самарканде).

¹ Кляшторный С. Г. Эпоха Махмуда Кашгарского. — СТ, 1972, № 1, с. 18 и след.

Все последующее время характеризуется серией междоусобных столкновений правителей этих двух государств и их уделов, а столичные города, в первую очередь, Баласагун и Узгенд, оказывались в руках то одних, то других представителей правящей Караханидской династии.

В 1089 г. сельджукид Малик-шах завоевывает Мавераннахр. Бограхан Харун, владетель Баласагуна и Кашгара, был вынужден признать вассальную зависимость от сельджукидов. Вскоре на территорию Чуйской и Таласской долин переселяется большая группа тунгусо-маньчжурских племен — кара-киданей, которые основали здесь свое государство — конфедерацию кочевых западномонгольских племен. Столицей империи был избран Баласагун, прежде всего, как политический центр тюрков¹. Появление их в 1129—1130 гг. в Северной Киргизии изменило политическую ситуацию во владениях Караханидов, но не повлияло на культурную жизнь городов.

После 1141 г., когда в битве в Катванской степи объединенное мусульманское войско сельджукидов и караханидов потерпело поражение от киданей, илеки подчинились гурхану и стали править в качестве вассалов последних. Владычество их продолжалось до начала XIII в., до завоевательных походов хорезмшаха Мухаммеда. Ко времени монгольского нашествия многие города Семиречья и Ферганы были уже полуразрушены.

Время политического господства Караханидов характеризовалось важными изменениями в социально-экономической жизни государства, основанного на военно-ленной системе, которая получила быстрое развитие и в других государствах Средней и Передней Азии. Однако в северных районах государства, в местах кочевого скотоводства, глубоких сдвигов в развитии феодализма по сравнению с предшествующим временем не произошло.

Феодализация общества, развитие производительных сил, интенсивный процесс оседания кочевого населения, изменение политической ситуации, связанной с объединением значительной части Средней Азии под властью Караханидов и ликви-

¹ Пиков Г. Г. Некоторые вопросы государственного устройства Западной Ляо. — Изв. СО АН СССР, серия общ. наук, 1979, № 1, вып. 1, с. 155 и след.

дацией политических границ между Мавераннахром и Семиречьем,— все это способствовало дальнейшему развитию строительства, техники, архитектуры и искусства. Все эти сложные процессы наложили свой отпечаток на историко-культурные памятники средневекового Киргизстана.

* * *

Изучение историко-архитектурных памятников Киргизии связано с процессом ее добровольного вхождения в состав России. Уже в 70-х гг. XIX в. в отчетах и докладах выдающихся русских путешественников и исследователей природы Средней и Центральной Азии А. П. Федченко, Н. А. Северцова содержатся интересные сведения о памятниках зодчества Киргизии, сопровождаемые схематическими зарисовками и литографиями, которые в наши дни приобретают особую ценность. В это же время энтузиасты исторического краеведения (Ф. В. Поярко, В. Д. Городецкий, Н. М. Ядринцев, В. М. Флоринский, В. П. Наливкин и другие) проводят раскопки у памятников архитектуры и дают их описание. Деятельность краеведов привлекала внимание центральных научных учреждений России, и в 80-х гг. XIX в. Императорская (Санктпетербургская) археологическая комиссия (в составе которой были такие исследователи, как Н. Н. Пантусов, А. М. Фетисов, Н. И. Веселовский) организует в Чуйской и Ферганской долинах археологическую разведку. К сожалению, эти раскопки не дали существенных результатов и немногим дополнили имевшиеся представления об архитектурных памятниках и городских центрах Киргизии.

Поездка в 1893—1894 гг. в Среднюю Азию В. В. Бартольд и организация в 1895 г. в Ташкенте Туркестанского кружка любителей археологии послужили стимулом к дальнейшему изучению памятников архитектуры Киргизии и многовековой истории края. В этот период произведены сравнительно подробные обмеры и описания объектов архитектуры, фиксируются бытующие легенды, делаются попытки привлечения в той или иной степени сведений письменных источников для датировки архитектурных сооружений (В. П. Ровнягин, С. В. Домбровский, Н. Г. Маллицкий, Н. Н. Пантусов, Н. Н. Щербина-Крамаренко). Опубликованная в эти годы литература стала хорошим подспорьем для последующего исследования историко-культурного наследия Киргизстана.

Значительный вклад в изучение средневековой истории, архитектурных и археологических памятников Киргизии внес русский востоковед академик В. В. Бартольд, который в очерковой форме изложил общие сведения о культурной жизни края. На основе данных, содержащихся в сочинениях восточных авторов IX—XVI вв., он, в частности, дал первую сводку историко-географических сведений о ряде древних городов Киргизии и связанных с ними памятниках материальной культуры.

Историко-археологическое изучение памятников средневекового Киргизстана в дореволюционный период не было систематическим и планомерным. Подлинно научная и всесторонняя работа развернулась лишь после Великой Октябрьской социалистической революции. С первых лет Советской власти была обеспечена государственная охрана памятников. На смену одиночкам-любителям приходят работники специальных учреждений науки и культуры. В 1920 г. проблема охраны памятников среднеазиатской старины была выдвинута особой комиссией ВЦИК и СНК по делам Туркестана в число проблем «государственной важности, учитывая особые задачи советского строительства на Востоке»¹.

В 1923 г. издается специальный декрет о государственной охране памятников зодчества Туркестана, в том числе узгенских памятников и буранинского минарета, которые объявляются общепародным достоянием. С организацией Средазкомстариса все памятники, подлежащие реставрации и ремонту, были обследованы и взяты на учет; организовывались экспедиции для работ на Буране, в Узгене, у мавзолея Шах-Фазиль. Ремонтные работы сопровождались археологическими исследованиями нижних частей памятников и прилегающих к ним участков. Впервые на этой основе были произведены архитектурно-искусствоведческие и археологические исследования по совершенно новой методике полевых работ, результаты которых нашли отражение в экспедиционных отчетах, хранящихся в Государственном архиве Узбекской ССР, а также в публикациях «Известий» и материалов Средазкомстариса.

Большой вклад в исследуемую проблему внес архитектор Б. Н. Засыпкин, видный теоретик архитектуры и практик-рес-

¹ ЦГА Уз. ССР, ф. 399, оп. I, д. 12, л. 99.

тавратор, который впервые дал историко-архитектурный анализ многих памятников Средней Азии, в том числе исследуемых сооружений Киргизии. Его публикации и подготовленная к печати монография¹ по сей день остаются важным историко-архитектурным источником сведений о памятниках Бураны, Узгена и Сафид-Булана.

Объектами более или менее систематического изучения исследуемые памятники архитектуры стали с 30-х годов, когда был создан Комитет наук при СНК Киргизии и начали работать археологические экспедиции Киргизского пединститута и, особенно, Семиреченская и Памиро-Ферганская экспедиции под руководством профессора А. Н. Бернштама (1938—1952 гг.).

Заслуги А. Н. Бернштама в изучении истории и археологии Киргизии, в том числе памятников древнего зодчества, значительны. Он применил комплексный подход к изучению памятников материальной культуры и истории края, в показе самобытного развития зодчества Киргизстана с древнейших времен до XIX в., в раскрытии характера взаимоотношения культуры кочевнических племен и оседлоземледельческого населения на территории Киргизии в I тысячелетии н. э. В своих работах А. Н. Бернштам рассматривал объекты зодчества на широком фоне историко-культурных процессов, протекавших в средние века.

Памятникам архитектуры Киргизии посвящена специальная работа А. Н. Бернштама², в которой обобщены сведения, содержащиеся в разрозненных публикациях, главным образом, архитектора Б. Н. Засыпкина и искусствоведа Б. П. Денике.

В монографии А. Н. Бернштама приводятся материалы, касающиеся топографического положения буранинского минарета, Узгенского комплекса и мавзолея Шах-Фазиль; автор описывает их строительные и декоративные особенности, связывает данные археологического исследования памятников со сведениями письменных источников и итогами предшествующего архитектурно-искусствоведческого их изучения. Представляют интерес теоретические суждения А. Н. Бернштама о месте названных памятников Киргизии в архитектуре Сред-

¹ Засыпкина Б. Н. Выдающиеся памятники архитектуры Киргизии. — Фрунзе, 1954; см.: ЦГА Уз. ССР, ф. 2406, оп. 163, л. 1—126.

² Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии. — М., 1950.

ней Азии. Он ставит такие важные вопросы, как национальные черты в архитектуре, происхождение купольно-портальной композиции и архитектурной терракоты («резной декоративной терракоты») и др.

Отдавая должное оригинальности и смелости выдвинутых А. Н. Бернштамом концепций и гипотез, нельзя не отметить, что некоторые из них были односторонне категоричны, хотя основывались на очень небольшом фактическом материале. Таковы, например, выводы о «тюркских» и «иранских» традициях в средневековом зодчестве Киргизстана, об особом значении династии Караханидов в создании целого архитектурного направления в среднеазиатском зодчестве и пр., вызвавшие в свое время справедливые критические замечания.¹

В годы войны памятники исследуются по линии Союза советских архитекторов. Производятся новые, более точные обмеры, фиксируется техническое состояние, делаются графические проекты с прорисовками орнаментов, частично исследуются они в искусствоведческом плане.

Новый этап в истории изучения памятников наступает в послевоенное время. Как уже отмечалось, в 1948 г. принято постановление Совета Министров СССР, поднявшее на более высокий уровень дело охраны, изучения и реставрации культурного наследия. Сотрудниками Узбекских специальных научно-реставрационных мастерских была составлена подробная проектно-сметная документация на реставрацию и частичную консервацию памятников зодчества Киргизии, вновь исследуются монументальные надписи на порталах узгенских мавзолеев и в интерьере мавзолея Шах-Фазиль, а также надгробные памятники — кайраки.

Памятники Киргизии привлекают внимание исследователей в области истории и теории архитектуры, общих проблем истории искусства Средней Азии и Казахстана; они упоминаются в обобщающих трудах архитекторов и искусствоведов по истории градостроительства, искусства и архитектуры Советской Киргизии.

¹ Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-Ата. (Из истории архитектуры Мавераннахра IX—X вв.). — Искусство зодчих Узбекистана, вып. II. — Ташкент, 1963, с. 77—81; Усейнов М. А. Некоторые вопросы изучения зодчества народов Советского Востока. — XXV Международный конгресс востоковедов. — М., 1960, с. 2—7 и др.

Особо следует отметить издания «Трудов» по итогам работ Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции в Узгене и на Ак-Бешиме (1953—1955), ознаменовавшихся целым рядом интересных открытий, косвенно касающихся и памятников архитектуры. В 1956 г. памятники зодчества исследовались архитектором А. М. Прибытковой по линии Московского научно-исследовательского института теории, истории и перспективных проблем советской архитектуры. В результате вышла серия работ по строительной культуре Средней Азии IX—XII вв. Определенное место в этих исследованиях отводится памятникам Киргизии.

В 1970—1975 гг. Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры Киргизской ССР (СНРПМ) проводят археолого-архитектурные исследования в целях реставрации узгенских мавзолеев и буранинского минарета (П. С. Факторович, Б. В. Помаскин). Для раскопочных археологических работ названных памятников привлекался Узгенский отряд Киргизской археологической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР под руководством Д. Ф. Винника. И хотя исследования памятников были связаны с задачами реставрации, их результаты вышли за рамки практических работ. Принимая участие в работе отряда с 1970 по 1972 гг., мы попутно занимались изучением городищ Бурана, Узгена и Сафид-Булана, выявлением и эстампированием эпиграфических памятников, сбором фольклорного материала.

В настоящее время в государственных архивах и республиканских органах охраны памятников накопилось немало публикаций и неизданных материалов по отдельным вопросам исследования памятников зодчества Киргизии X—XII вв. Однако приходится констатировать, что в историко-археологическом плане эти сооружения все же изучались мало. Многие проблемы их исследования либо затрагивались отчасти, либо не рассматривались совсем (например, историко-топографические наблюдения, история сооружения каждой из построек и сложения ансамблей в связи с общей историей города, генезис архитектурных форм памятников и др.). Некоторые аспекты изучения зодчества Киргизии средневековой поры требуют дополнений, исправлений, а также обобщения ранее проведенных исследований.

Автор настоящей работы стремился, — насколько позволяет подзаголовок «научно-популярный очерк», — показать, что сделано исторической наукой в изучении средневекового города Киргизии и его зодчества, а также дополнить имеющиеся сведения новыми фактами, которые по данной проблеме еще не привлекались¹. В силу специфичности и характера источников, не все затронутые нами вопросы освещаются с достаточной полнотой, а некоторые остаются неясными или проблематичными.

Широкомасштабные стационарные раскопки, развернувшиеся в настоящее время на городище Бурана, а также будущие исследования узгенских и сафид-буланских памятников, без сомнения, дадут новый материал по средневековой архитектуре, истории и культуре Киргизстана.

Автор глубоко признателен своему учителю профессору М. Е. Массону за многочисленные консультации и определенные монеты с городищ, за научное руководство — ныне покойному П. Н. Кожемяко, за ценные замечания — С. Г. Агаджанову, В. А. Лившицу, С. Г. Кляшторному, Ю. А. Заднепровскому, С. Б. Луниной, Б. Д. Кочневу, сотрудникам Института истории АН Киргизской ССР. Автор благодарен В. Н. Настичу за перевод текстов кайраков и извлечений из сочинения «Мулхакат ас-сурах» Джемаля Карши.

В иллюстративном приложении использованы архивные фотоснимки и чертежи 1927—1963 гг.: Б. Н. Засыпкина, К. С. Крюкова, Е. Н. Юдицкого, Е. З. Зауровой; рисунки исполнены Ю. В. Жуковым.

¹ Работа написана в 1978 г., поэтому не учтен ряд новых публикаций.

...В стране Чу в одном месте есть следы большого города; его минареты, гумбезы и медресе в некоторых местах сохранились. Так как имени этого города никто не знает, то монголы его называют Монара...

(Мухаммед Хайдер-мирза, XVI в.)

БУРАНА

Археологические открытия последних лет ввели в научный оборот сведения о группе архитектурных памятников на городище Бурана. До 1970 г. в литературе фигурировал расположенный в юго-восточной части Чуйской долины, у подножья хребта Киргизский Ала-Тоо минарет, хорошо известный всему окрестному населению как «Бурана».¹ Среди русского населения и в литературе за ним закрепилось название «Башня Бурана».

Именем минарета названы мелководная речка, некогда приток реки Чу, на левом берегу которой он расположен, а также большое городище (на полях колхозов «Бурана» и «Алчалу»). В 11 км к северо-востоку от городища находится современный город Токмак, к югу — знаменитое замечательными находками ювелирных изделий первых веков нашей эры ущелье Шамси, изобилующее памятниками кочевников. В средние века по этому ущелью проходил караванный путь в Кочкорскую долину. В 6 км к северо-западу от минарета лежат развалины Ак-Бешимского (Ак-Пешинского) городища.

В киргизских народных преданиях минарет фигурирует как башня, усыпальница, сторожевая вышка, но истинное его назначение забыто. Согласно легендам, эту башню якобы построил живший здесь некогда могущественный правитель по имени Арслан-хан для своего единственного сына (или младшего сына, оставшегося в живых), которому оракулы предсказали смерть от укуса каракурта. В надежде спасти жизнь наследнику ханского престола мальчика вместе с матерью поселили на самом верху башни, чтобы никакая нечисть не могла проникнуть в их покой. Но каракурт, все-

¹ Бурана (араб.) — минарет, башня. См.: Ю да х и н Ж. К. Киргизско-русский словарь. — М., 1965, с. 160.

таки принесший смерть сыну (как и старшим его братьям), был случайно занесен служанкой в корзину с ягодами.

По другим вариантам в легенде фигурирует единственная дочь Арслан-хана. Ее оберегали не только от каракурта, но и от взоров назойливых женихов. После смерти красавицы, последовавшей от укуса ядовитого насекомого, хан похоронил дочь в той же башне, где она прежде проживала. Таким образом, в легенде содержится намек на буранинскую «башню» как на усыпальницу особы царской крови.

ЧТО МЫ ЗНАЕМ О БУРАНЕ

Конкретных исторических сведений о минарете и городе, в пределах которого он располагался, в средневековых письменных источниках не имеется. Однако с полной уверенностью можно отнести к Буране и постройкам, окружающим минарет, сообщения «Та'рих-и Рашиди» Мухаммеда Хайдера о развалинах города Монара (приводятся ниже). Тождество Бураны с Монарой, о которой упоминается в этом источнике, в свое время доказал русский ученый и консул в Кашгаре Н. Ф. Петровский.¹ Его мнение поддержал уже известный в то время востоковед В. В. Бартольд. «Монарой» названа башня и в первых упоминаниях о ней европейцами в 60-х годах XIX в. — в «Записках русского географического общества»². Буранинские постройки запечатлены участником Кокандского похода 1863—1864 гг. художником Успенским. В его альбоме рядом с «Бураной» изображен «небольшой минарет»³. Некоторые сведения о нем были сообщены на IV Археологическом съезде России, проходившем в 1877 г., где также демонстрировался рисунок памятника⁴.

В 1885 г. пишпекским краеведом Ф. В. Поярковым в 1,5 верстах от минарета было открыто несторианское кладбище,

¹ Петровский Н. Ф. Башня «Бурана» близ Токмака. — ЗВОРАО, т. VIII. — СПб., 1894, с. 353—354.

² Воронин и Нифантьев. Сведения о дикокаменных киргизах. Записки РГО, кн. V; СПб., 1861, с. 149.

³ См.: Чекавинский И. А. Рукописные материалы. — Рук. фонд. отд. общ. наук АН Кирг. ССР, инв. № 10, л. 106.

⁴ Смирнов В. Д. О колонне при р. Бурана в Токмакском уезде и соединенных с этим памятником легендах киргизов и сартов. — Тр. IV Археологического съезда России. — Казань, 1884, с. LXIV.

где он произвел первые раскопочные работы. Велись раскопки также в непосредственной близости от башни. Здесь Ф. В. Поярковым, в частности, отмечены следы окружающих «башню» монументальных кирпичных сооружений с остатками «мусульманских захоронений»¹. Краевед В. Д. Городецкий составил более или менее подробную характеристику минарета. Эти сведения отражены в публикациях В. М. Флоринского, изданных Томским университетом (1888—1894 гг.)².

Расшифровка присланных Ф. В. Поярковым в Петербург надписей несторианских надгробных камней повлекла за собой последующий сбор археологического материала с территории городища, преимущественно эпиграфических памятников-кайраков; среди последних оказалось несколько галек с арабскими надписями, которые были опубликованы в трудах Восточной комиссии Московского археологического общества (1888 г.). В те же годы Археологическая комиссия организовала раскопки в различных частях городища. Работы проводили местные краеведы Н. Н. Пантусов и А. М. Фетисов. Было вскрыто несколько построек из жженого кирпича, в том числе за пределами центральных развалин. В результате раскопок исследователи пришли к выводу, что город был сожжен. Однако в их отчете по итогам работ никаких предположений о времени существования построек не высказано³.

Памятники Бурана нашли отражение в ряде работ В. В. Бартольда после его поездки в Среднюю Азию в 1893—1894 гг. Осмотрев центральные развалины городища, он впервые определил назначение башни в качестве минарета и отнес его сооружение к эпохе Караханидов⁴. Уже в то время В. В. Бартольд высказал предположение о тождестве горо-

¹ Ядринцев Н. Археологические изыскания д-ра Пояркова близ Токмака. — ЗАН, т. 52, кн. 2. — СПб., 1886, с. 154—159.

² Флоринский В. М. Археологический музей Томского университета. — Томск, 1888, с. 182—186; его же. Первобытные славяне. По памятникам их доисторической жизни. — Опыт славянской археологии, т. I. Общая вступительная часть. — Томск, 1894, с. 295—297.

³ Грутовский В. К. О двух камнях с арабскими надписями, присланных Ф. В. Поярковым из Токмака. «Древности Восточные». — Тр. Восточной комиссии Московского археологического общества, т. I, вып. I. — М., 1888, с. 20, табл. VI; Отчет Императорской археологической комиссии за 1892 г. — СПб., 1894, с. 73—75.

⁴ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью, 1893—1894 гг. Соч., т. IV. — М., 1966, с. 44.

дища Бурана с историческим Баласагуном, хотя в другом месте его «Отчета» эта точка зрения пересмотрена в пользу Ак-Бешима, а за Бураной оставлено значение предместья. Однако и от первого предположения В. В. Бартольд не отказался, ссылаясь на отсутствие сколько-нибудь существенных доказательств в этом вопросе¹.

Интересные сведения о буранинских памятниках высказал местный краевед — учитель Токмакского училища В. П. Ровнягин на заседании Туркестанского кружка любителей археологии. Сообщение об этом опубликовано в протоколах кружка от 28 октября 1896 г. Помимо описания минарета В. П. Ровнягин, в частности, отметил близость взаимного расположения двух крупных городищ — Бураны и Ак-Бешима. Наблюдения послужили ему основанием для отождествления названных городищ с одним городом, «тянущимся в длину с юго-востока на северо-запад верст на 15 и в ширину — верст на 5»².

Таким образом, к 1917 г. благодаря трудам русских ученых, путешественников, туркестанских энтузиастов-археологов в литературе накопилось немало фактов о буранинских памятниках. При этом особо следует выделить таких востоковедов, как В. В. Бартольд, Н. Ф. Петровский, которые привлекали к изучению истории края данные разнообразных письменных источников.

В «Известиях» Средазкомстариса наряду с информацией о мероприятиях по охране памятников публикуются материалы о работе искусствоведов, инженеров, археологов на городище Бурана. Так, искусствовед Б. П. Денике и архитектор М. М. Логинов на основе стилиевых признаков датируют минарет XI—XII вв.³ Археолог В. Д. Городецкий вновь обследовал развалины городища (не проводя раскопок) и сопоставил его с городом Невакетом, известным из письменных источников⁴. Характерно, что вслед за В. П. Ровнягиным,

¹ Бартольд В. В. К вопросу об археологических исследованиях в Туркестане. — Соч., т. IV. — М., 1966, с. 101; его же. Отчет о поездке в Среднюю Азию, с. 56—57.

² Ровнягин В. П. Описание Башни «Бурана» близ Токмака. — ПТКЛА за первый год его деятельности. — Ташкент, 1896, с. 42—43.

³ Денике Б. П. Искусство Средней Азии. — Л., 1927, с. 15.

⁴ См.: Умняков И. И. Архитектурные памятники Средней Азии. — Известия Средазкомстариса, вып. III. — Ташкент, 1929, с. 29.

он указывает площадь городища, соответствующую площади крупного средневекового города в 20 кв. км.

В археологическом отношении минарет изучался М. Е. Массоном. В результате дата его сооружения была отодвинута к X в., так как уже в XI в., по мнению исследователя, имели место частичные разрушения памятника¹. Попутно им был снят и схематический план центральных развалин, собран археологический материал, открыто ранее неизвестное христианское кладбище XI—XII вв. за северным валом, на месте которого зафиксирована бракованная продукция керамического завода². Буранинские развалины М. Е. Массон также предложил считать остатками города Невакета³. Центральные развалины городища Бурана сняли на план А. И. Тереножкин (1929)⁴ и Б. М. Зима (1937)⁵.

Значительное место в историографии исследуемых памятников занимают труды Семиреченской археологической экспедиции. С именем ее руководителя А. Н. Бернштама связано археологическое изучение памятников Чуйской долины, в частности обследование буранинских развалин и проведение археологических работ на городище Ак-Бешим в 1938—1940 гг. В результате собран обширный материал, характеризующий оседло-земледельческую культуру долины, в том числе архитектуру, искусство, ремесла. Итоги работ опубликованы в ряде монографий, статей и брошюр, в которых отчасти отразилась история изучения Бураны, дан краткий историко-археологический очерк с привлечением сведений письменных источников. В частности, А. Н. Бернштам сопоставлял

¹ В последней своей работе о Буране М. Е. Массон пишет о минарете как о памятнике начала XI в. См.: Горячева В. Д., Массон М. Е. Бурана (история изучения городища и его архитектурных памятников). — Фрунзе (в печати).

² Массон М. Е. Рец. на кн.: Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры Средней Азии и их реставрация. Центральные государственные реставрационные мастерские. — Вопросы реставрации, вып. I. М., 1926. — Изв. Общества для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, вып. I. — Ташкент, 1928, с. 234.

³ См. в кн.: Академик Академии наук Туркменской ССР Михаил Евгеньевич Массон. — Ашхабад, 1970, с. 18.

⁴ Тереножкин А. И. Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. ПИДО. — М., 1935, с. 146—147.

⁵ Советская Киргизия, 1936, № 196; 1937, № 172; Чекацкий И. А. Рукописные материалы..., л. 106—107.

городище Ак-Бешим с историческим Баласагуном, а Бурану — с его предместьем Кирмирау¹. При этом необходимо подчеркнуть, что он принимал за Буранинское городище лишь центральный четырехугольник, а остальная территория, раскинувшаяся за пределами основного укрепления, осталась вне поля его зрения.

Краткие сведения о Буранинском городище приводятся в публикациях Л. Р. Кызласова в связи с археологическими работами Чуйского отряда Киргизской археолого-этнографической экспедиции в 1953—1954 гг. на городище Ак-Бешим. Если в начале работ Л. Р. Кызласов, разделяя мнение А. Н. Бернштама, считал Ак-Бешим развалинами города Баласагуна, то после раскопок на городище он пересмотрел эту точку зрения. По поводу буранинских развалин он пишет, что «основателями этого **небольшого городка** (выделено нами. — В. Г.) и его архитектурных сооружений были караханидские турки, пришедшие сюда в X в.»².

Большим вкладом в изучение средневекового города Киргизии явилась монография П. Н. Кожемяко. Автор, в частности, проделал значительную работу по изучению топографии и стратиграфии Буранинского городища. Им впервые снят схематический план всей площади памятника и доказана ошибочность мнения предшествующих исследователей, которые — за исключением В. Д. Городецкого, В. П. Ровнягина и М. Е. Массона — говорили о незначительных размерах поселения. Кроме того, было отмечено, что в отличие от других городищ Чуйской долины с длинными стенами, на Буране повсеместно зафиксирован культурный слой и остатки построек X—XIII вв.

Совокупность собранных в результате изучения городища данных позволила автору сделать вывод, что «поселение не было рядовым. Оно имеет все признаки значительного политического центра»³.

¹ Бернштам А. Н. Башня Бурана. — Фрунзе, 1946; его же. Архитектурные памятники Киргизии, с. 40—45; его же. Чуйская долина. Тр. Семиреченской экспедиции. — МИА, № 14. — М. — Л., 1950, с. 13 и след.

² Кызласов Л. Р. Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953—1954 гг. — Тр. КАЭЭ, т. II. — М., 1959, с. 236—237.

³ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города и поселения Чуйской долины. — Фрунзе, 1959, с. 130.

Специальную главу буранинскому минарету посвятил в своем монографическом исследовании о памятниках Киргизии Б. Н. Засыпкин. В работе дан анализ строительных, конструктивных и архитектурно-художественных особенностей наземной части минарета.

Многие выводы и наблюдения Б. Н. Засыпкина получили отражение в публикациях архитектора В. Е. Нусова. При составлении проектной документации им был заложен разведывательный шурф у восточной грани минарета с целью выявления глубины залегания и конструкции фундамента. Однако раскопки не были доведены до конца, отчет о них не сохранился¹.

Общая сводка истории изучения буранинского минарета дополняется рядом исследований о среднеазиатской башенной архитектуре и, в первую очередь, работами М. Е. Массона, Г. А. Пугаченковой, А. М. Прибытковой.

С 1970 г. было продолжено изучение буранинского минарета и окружающей его территории в связи с подготовкой памятника к реставрации; ее осуществляли Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры Киргизской ССР. В настоящее время минарет отреставрирован (без полного восстановления) по проекту Б. В. Помаскина.

Археологические работы у основания минарета по выявлению остатков мечети, которой он мог принадлежать, проводил отряд Киргизской археологической экспедиции Института истории АН Киргизской ССР под руководством Д. Ф. Винника при участии автора этой книги. В непосредственной близости от башни были открыты еще четыре памятника монументальной архитектуры; получен дополнительный материал по истории минарета и городища в целом². Выявленные остатки монументальной архитектуры позволяют говорить о Буранинском комплексе X—XII вв.

¹ Нусов В. Е. Вопросы реставрации памятников архитектуры Киргизии. — Тр. ФПИ, вып. 4. Строительство и архитектура. — Фрунзе, 1961, с. 8—18; его же. Памятники архитектуры Киргизстана. — Фрунзе, 1963, с. II—12; его же. Архитектура Киргизии с древнейших времен до наших дней. — Фрунзе, 1971, с. 15—18.

² Винник Д. Ф. Работа Узгенского отряда. — В сб.: Археологические открытия 1970 года. — М., 1971, с. 423—424; его же. Башня Бурана. — В сб.: Памятники Киргизстана, вып. 2. — Фрунзе, 1974; с. 55—56.

Таковы в общем отраженные в литературе данные историко-археологического и архитектурно-искусствоведческого изучения буранинских памятников.

ХАРАКТЕРИСТИКА ПАМЯТНИКОВ

Буранинское городище относится к числу раннесредневековых поселений Чуйской долины с так называемыми «длинными валами». Городские стены в виде двух вытянутых колец опоясывали его территорию общей площадью около 25—30 кв. км. Несмотря на многолетние сплошные распашки, на городище все еще видны следы былых кирпичных и глинобитных построек. Исследователи, видевшие буранинские развалины до начала распашек в конце XIX в., говорят об этом очень уверенно. Некоторые холмы сохранили рельеф отдельных усадеб, расположенных в основном по окраинам прежней городской застройки. Один из таких памятников, примыкающий непосредственно к первому кольцу стен, раскопан нами в юго-восточной части городища в 3 км от минарета.

Центральные развалины поселения, расположенные на левом берегу речки Бураны, имеют в плане неправильный четырехугольник, ориентированный по странам света, с протяженностью стен 570—600 м. Остатки монументальных дворцовых построек высотой до 15 м соседствуют с низинами древнего русла канала, пересекающего центральный четырехугольник с юга на север, а также с площадями, свободными от построек. Судя по микрорельефу, наиболее застроенными были юго-западная и северо-восточная части и территория у минарета.

Последний расположен в восточной половине центрального четырехугольника среди окружающих его мусульманских могил, следы которых уже не прослеживаются на поверхности. Минарет возвышается в виде конического утончающегося ствола на восьмигранном основании. До реставрации памятника в 1974 г. высота наземной части минарета составляла 21,6 м (по А. М. Прибытковой).

Ствол минарета расчленен системой поясов: широких орнаментированных и зауженных гладких. Постепенно сокращающиеся кверху они зрительно создавали ощущение еще большей высоты сооружения. Эти орнаментальные полосы сопрягаются непосредственно с обычной кладкой, без традиционных для

минаретов разделяющих полос. Это несколько снижает художественный эффект орнаментации Бураны. Однако наряду с обычным кирпичом, уложенным плашмя и торцом¹, средневековый зодчий употребил наборные кирпичики с лицевой стороной квадрата в 4,5—5,0 см. Прежними исследователями это не отмечалось, хотя сам по себе факт интересен как наиболее ранний пример использования наборного кирпича в строительной практике Семиречья.

Для выяснения конструкции подземной части минарета Д. Ф. Винником было заложено два шурфа — с северной и южной сторон и оконтурина верхняя часть фундамента и цоколя. В ходе раскопок установлено, что основание минарета имеет мощный каменный фундамент и двухступенчатый восьмигранный цоколь, сложенный из жженого кирпича. Фундамент квадратен в плане, длина его сторон 12,3 м, глубина заложения 5,6 м. Западная, южная и восточная грани выкладывались впритык к стенам котлована, а северная, служившая, по всей вероятности, рабочей площадкой, была забита галькой и камнем.

Восточная и северная грани фундамента в верхней части на пять рядов кладки облицованы обработанным белым туфом на ганчевом растворе, ярко контрастирующим с кирпичной кладкой; лицевые грани подтесаны и швы тщательно затерты. Эта часть цоколя была в древности обнажена и являлась фасадной. Две другие грани не несут следов обработки, и это свидетельствует о том, что они могли примыкать к какой-либо постройке, по всей вероятности, к мечети.

Сверху плоскость цоколя была выстлана кирпичом, сохранившимся частично с южной стороны. Западная плоскость несет следы ремонта минарета и вымощена уже кирпичом более мелкого формата фигурной кладкой «в елочку» на ганчевом растворе. Этот же кирпич прослежен в подкладке северо-западной ступени цоколя и в кладках рухнувшей верхней части минарета.

В конструкции основания минарета широко применялось дерево. Арчевые бревна в кладке при возведении ствола минарета использовались как арматура.

¹ Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии IX—XII вв. — М., 1973, с. 212—213.

На уровне вымостки найдены две медные монеты чекана Караханидов середины XI в.¹ По всей вероятности, они и датируют период ремонтных работ. Подтверждает эту датировку и «елочная» кладка, которая становится излюбленным приемом в среднеазиатском зодчестве также с XI в. не только как конструктивный прием при выведении криволинейных сводчатых оболочек², но и как декоративный³.

Из каменной засыпки котлована было извлечено несколько фрагментов керамики и две тюркешские монеты VIII в.

Первоначальная высота сооружения, по мнению Б. Н. Засыпкина, была не менее 40 м⁴, а А. М. Прибыткова считает, что по величине он близок к бухарскому минарету, т. е. около 50 м⁵. Вход располагался на высоте 5 м от древней дневной поверхности. В настоящее время полная реконструкция минарета невозможна, поскольку не хватает материалов, позволяющих воссоздать облик верхней его части.

Эти конструктивные особенности сближают Бурану с минаретами XI—XII вв. других областей Средней Азии, хотя в их ряду он — наиболее ранний пример башенной монументальной архитектуры.

Высказанное Б. Н. Засыпкиным предположение о частичном разрушении минарета в результате землетрясения подтвердилось в процессе раскопочных работ. Так, с северо-западной стороны минарета были зачищены отчасти сохранившиеся монолиты рухнувшей кладки кирпича, испещренного многочисленными мелкими трещинами, что свидетельствует о пере-

¹ Все монеты, найденные на городище, определены профессором М. Е. Масоном.

² Пугаченкова Г. А. Своды в архитектуре Южного Туркменистана. — Тр. ЮТАКЭ, т. VIII. — Ашхабад, 1958, с. 245;

³ Шишкин В. А. Археологические работы в мечети Магоки-Аттари в Бухаре. — Тр. ИИА АН Уз. ССР, вып. 7. — Материалы по археологии Узбекистана. — Ташкент, 1955, с. 53; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. — Тр. ЮТАКЭ, т. VI. — М., 1958, с. 322; Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Южного Туркменистана X—начала XIII вв. и проблема «сельджукского» стиля. — Тр. ЮТАКЭ, т. XII. — Ашхабад, 1963, с. 260 и след.

⁴ ЦГА Уз. ССР, ф. 2406, оп. 163, л. 8.

⁵ Прибыткова А. М. Конструктивные особенности среднеазиатских минаретов. — В сб.: Архитектурное наследие, вып. 17. — М., 1964, с. 197—202.

несенной долговременной вибрации и неоднократных сейсмических толчков¹.

Буранинский минарет известен как одно из древнейших сохранившихся на территории Средней Азии сооружений этого рода. Однако в научной литературе имеют место разногласия по части его датировки. На основе стилистических особенностей и художественных приемов в последней своей работе Б. Н. Засыпкин датирует памятник началом XI в. Но на основе тех же данных А. М. Прибыткова относит минарет к концу X или самому началу XI в.², В. Е. Нусов — к первой половине XI в.³, М. Е. Массон датирует минарет X—XI вв.; А. Н. Бернштам пишет о Буранинском минарете, как о памятнике первой половины XI в., обращая внимание читателей на «стиль, характерного для XI в. почерка арабской надписи»⁴. Однако минарет не имеет надписей, кроме единственной сохранившейся древней «посетительской», процарапанной на кирпиче внутри минарета с датой 531 г. х. (1136—1137 гг.)⁵. Д. Ф. Винник также считает башню постройкой XI в.⁶ Мы, разделяя в какой-то мере мнение М. Е. Массона и А. М. Прибытковой, полагаем, что постройку минарета можно отнести ко второй половине X в. или рубежу XI в. (см. ниже).

Нерешенным до настоящего времени остается вопрос о принадлежности минарета. Расположенный на пятиметровой высоте проем предполагает вход в минарет либо по перекидному мостику из другого помещения, либо по приставной лестнице. Если постройка существовала, она должна была на-

¹ Сотрудник Института сейсмологии АН Киргиз. ССР Ч. Утиров обратил наше внимание на факт расположения минарета в межконусном просторанстве рек Бураны и Шамси, близ флексурно-разрывной зоны (разлома), установленной в последние годы с помощью геофизических методов и интерпретации геологических данных В. И. Кнауфом и Ф. Н. Юдахиным. По нему могла произойти разрядка напряжения при землетрясении, эпицентр которого находился в горах Киргизского Ала-Тоо между Шамсинским и Иссык-Атинским ущельями.

² Прибыткова А. М. Конструктивные особенности..., с. 202; ее же. Строительная культура..., с. 213.

³ Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен..., с. 17.

⁴ Бернштам А. Н. Башня Бурана.

⁵ Дата прочтена В. А. Лившицем в 1973 г. В. В. Бартольд отмечал несколько надписей, в том числе исполненных арабско-сирийским письмом, характерным для надгробий Семиречья. — См.: Бартольд В. В. Соч., т. IV, с. 45.

⁶ Винник Д. Ф. Башня Бурана, с. 55.

ходиться к югу и юго-западу от минарета (что соответствовало бы мечети) по оси юго-запад—северо-восток (т. е. ориентировка на «кыблу»). Однако следов постройки на прилегающей с юга к минарету территории не было зафиксировано.

Культурные напластования представляли собой рыхлую глину с включением обломков кирпича, керамики X—XII вв., костей животных, золы и древесного угля. Слои перемешаны на глубину до 2 м. Погребения, очень поврежденные при позднейших захоронениях, были совершены в грунтовых ямах, частью — в сырцовых ящиках (которые иначе называют цистами), иные в арчевых гробах-колодах соответственно мусульманскому обряду.

Интересное открытие было сделано в южной части раскопа. Здесь обнаружено каменное изваяние, принесенное, видимо, с тюркского могильника. Оно лежало вниз лицом на специально устроенном из камня и глины постаменте. Вокруг изваяния зачищен мощный зольник с костями животных. Изваяние представляло собой грубо обработанный четырехугольный камень, на одной из сторон которого даны силуэтные очертания головы, лица и части туловища со следами грубых сколов. Очевидно, что это преднамеренное повреждение изваяния. Подобных примеров для данной территории до сих пор не встречалось и нам не с чем сравнить находку. Можно предположить, что это изваяние связано с закладкой фундамента минарета (или мечети).

Эта находка как будто намекает и на время возведения постройки. Так, древние авторы сообщают о массовом обращении тюрков Семиречья в ислам в середине X в. В праздник жертвоприношения они закалывали по несколько тысяч голов скота¹. Нельзя, конечно, утверждать с уверенностью, что наш археологический материал отражает одно из упомянутых событий, но очень возможно, что поврежденный «балбал» на месте основания мечети (или минарета при ней) с остатками пиршества в виде костей животных и зольников связан с принятием ислама тюрками-кочевниками, так символически покончившими с прежним языческим культом. Этот факт перекликается с известными из средневековых письменных источников случаями, когда на месте

¹ Бартольд В. В. Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. I. — М., 1963, с. 46.

языческих храмов и христианских церквей пришедшие в Среднюю Азию арабы строили мечети и при этом жгли идолов и божков¹. Сами же тюрки, уже принявшие ислам, по сообщению Махмуда Кашгарского, в сражениях с «неверными» уйгурами, например, разрушали буддийские храмы в городах, при этом разбивая и оскверняя «идолов»².

В раскопе у самой стены фундамента сохранились остатки очага и многочисленной лепной посуды, неподдающейся датировке; на разной глубине поднято несколько медных монет середины XI в. караханидского чекана. У стены фундамента с двухметровой глубины извлечен клад медных монет в глиняном кувшинчике. Клад включал 5 целых монет и 5 фрагментов чекана Шамс-ад-дауле Арслан-тегина, относящихся к середине XI в. Эта находка свидетельствует о том, что ко времени, когда клад был зарыт в землю, минарет не только существовал, но вокруг него уже накопился значительный культурный слой. Это свидетельство в пользу того, что минарет построен ранее XI в., причем на необжитой территории (т. е. на материке).

Вопрос о местонахождении мечети остается открытым. Предположение о том, что она располагалась на месте высоких холмов, в 70 м к северо-западу от минарета, в процессе раскопок не подтвердилось. Археологические работы на одном из них выявили комплекс жилых помещений X—XII вв. Стратиграфические наблюдения и вещественный материал дали Д. Ф. Виннику основание заключить, что жизнь на бугре прекратилась уже с конца XII в.

В 20 м к югу от минарета отмечается резкий спад культурных напластований, и на поверхности земли уже не прослеживаются следы былой застройки. Однако в литературе имеется сведение, что именно здесь, на «месте, где совсем не было никаких следов или контуров постройки», Ф. В. Поярковым обнаружено «довольно большое здание, заваленное массой кирпичных обломков»³. Возможно, остатки этого здания и были мечетью. К сожалению, никаких других сообщений о постройке «в южной стороне от башни» нет. Поэтому можно

¹ Бартольд В. В. Места домусульманского культа в Бухаре. Соч., т. I, ч. 2. — М., 1964, с. 472—473.

² Стеблева И. В. Текст, транскрипция и перевод стихов из «Диван-лугат ат-турк». — В кн.: Развитие тюркских поэтических форм в XI в. — М., 1971, с. 247, стих. 55.

³ Ядринцев Н. Археологические изыскания д-ра Пояркова..., с. 158.

предполагать, что либо мечеть была деревянной (по сведениям письменных источников, такие мечети возводились на территории Средней Азии в IX—X вв.), либо она была открытого дворового типа по образцу первых арабских мечетей, или же от мечети ничего не осталось (в непосредственной близости от минарета). Последнее предположение наиболее вероятно, поскольку известно, что буранинские памятники в гораздо большей степени пострадали от окрестного населения, разбиравшего кирпич на свои строительные нужды (вплоть до 20-х годов нашего столетия), чем от стихий¹.

За период 1970—1975 гг. Д. Ф. Винником в центральной части городища вскрыты остатки четырех культовых средневековых сооружений, в раскопках двух из которых принимала участие автор данной работы. Приводим характеристику этих памятников, обозначенных в процессе раскопок мавзолеями под номерами 1 и 2.

Мавзолей № 1 расположен в 24 м к юго-востоку от минарета, среди мусульманских могил разной сохранности, построенных в разное время; мавзолей № 2 находился на довольно возвышенной площадке у поймы р. Бурана, в 70 м к северо-востоку от «башни». Судя по микрорельефу, он не был единственным. В последующие годы здесь раскопан еще один совершенно идентичный мавзолей.

Мавзолей, условно названный нами «восьмигранником», сохранился на высоту 1,8 м от материка. Он не имеет фундамента; стены сложены из жженого кирпича на глиняном растворе. Выше цоколя на метровой высоте начинается наружная облицовочная кладка спаренными кирпичами на ганчевом растворе: пара горизонтально уложенных кирпичей чередуется с двумя вертикально поставленными полукирпичиками. Широкие швы алебастровой промазки, как и в минарете, служили антисейсмическим целям, одновременно играя роль эффектного контрастирующего декоративного элемента. Во внутренних кладках наряду с первосортным кирпичом употреблялся и бракованный — переобожженный, что свидетельствует об изготовлении строительного материала на месте.

Внешний диаметр «восьмигранника» колеблется от 10,95 до 11,20 м, внутренний — от 6,90 до 7,10 м, толщина стен 1,55—

¹ Ровнягин В. И. Описание башни Бурана..., с. 42; Бартольд В. В. Отчет о поездке в Туркестан летом 1920 г. — Соч., т. IV, с. 254.

1,70 м. Судя по многочисленным находкам декоративного убранства, снаружи он был украшен резной терракотой и фигурными кирпичиками, изнутри — росписью и резной штукатуркой (штукмом). Поскольку остатки декора дошли до нас в мелких фрагментах, рассыпанных на большом расстоянии и перемещенных при позднейших погребениях, говорить о расположении его на плоскостях можно предположительно. Лишь небольшой кусок штукатурки с росписью был зафиксирован *in situ* над полом мавзолея. Эти находки декора свидетельствуют о богатом убранстве мавзолея и о принадлежности его знатному лицу.

Росписи в сине-черной гамме в виде полос по белому фону располагались в самом нижнем поясе интерьера. Выше находился резной ганч. Многие куски штука несут следы краски оранжево-красных оттенков в сочетании с белым и серовато-пепельным.

Отмечен штук мавзолея двух сортов: пористый и плотный. Он различается как по технике орнаментальной резьбы, так и по способу крепления. Плотный белый ганч несет на себе следы кирпича, что свидетельствует о примораживании его на кирпичную фактуру. Массивные куски пористого ганча сохранили на тыльной стороне саманную штукатурку, и это наводит на мысль о нанесении этого декора в последующем, возможно, в один из периодов ремонта здания. Толщина этих кусков 10 см, а в разрезе штук дает четко выраженный овал, что предполагает размещение его в интерьере усыпальницы в виде фриза при переходе стен к куполу или в арочных конструкциях (например, в тропках, декоративных нишах).

Резной штук мавзолея № 1 не дает большого разнообразия орнаментальных мотивов. На многих фрагментах повторяется один и тот же узор, что свидетельствует о применении мастером трафарета, наряду с многочисленными орнаментами, резанными от руки. Наиболее употребителен был мотив «сосочков», окаймляющих растительное панно. Фрагментарность резного штука не позволяет установить характер сочетания узоров. Лишь некоторые образцы дают возможность предполагать размещение растительных орнаментов в виде пальметт, розеток, трилистников, спиралей, многолепестковых цветков в сетке геометрических фигур, отороченных бордюрами. Резьба по алебаstrу выполнялась в разных планах, неглубокий

рельеф пальметт и медальонов сочетался с глубокой резьбой обрамлений.

Архитектурная терракота мавзолея по технике исполнения напоминает резной штук — одинаково сочный рельеф в двух-трех планах, отличающийся большим разнообразием орнаментальных мотивов. Основная масса находок представлена фрагментами бордюров, резьба которых выполнена по граненой или овальной поверхности. Внутри многоугольных геометрических рам размещался мелкий растительный или сетчато-геометрический орнамент. Иногда высокий рельеф бордюров и розеток прорезался несколькими горизонтальными линиями разной глубины и ширины, что создавало светотеневую игру линий с кружевом мелких узоров.

Использовалась терракота разных цветов: светло-розового, розового, желтого и серо-зеленого (переобожженная). Сочетание этих цветов придавало своеобразный колорит красному телу кирпичной стены с белыми прожилками алебастровой промазки. Как штук, так и терракота монтировались отдельными панно в ганчевые рамы, крепившиеся к стенам кирпичной фактуры.

Оформление плоскостей стен мавзолея обогатено введением резных фигурных кирпичиков. Среди них встречаются: строительные плитки со срезанным углом — применение их в декоративных колонках и бордюрах не вызывает сомнения; квадратные кирпичики с обработанными торцами; прямоугольные — с разделением глубокой бороздой на два квадрата, которые, в свою очередь, пересекались диагональными линиями; треугольники, вырезанные на призматическом бруске.

О характере декора в наружной облицовке мавзолея можно только догадываться. Поскольку основная масса находок была сконцентрирована у западной и северо-западной гранях мавзолея, причем в значительном отдалении от него, можно предполагать наличие входа именно с этой стороны, причем выше цоколя. В таком случае мавзолей был обращен фасадом на «кыблу».

Пол мавзолея, первоначально устланный кирпичом, но поврежденный поздними захоронениями, находился на уровне цоколя. Над полом зачищено 6 могил и остатки сырцовых кладок от потревоженных погребений. Все могилы и костяки в них ориентированы по оси север — юг. В завале найдена половина дирхема караханидского чекана (датировке не поддается).

Под полом мавзолея, на уровне основания стен, в материковом лессе расчищено четыре могилы. Это — полуразрушенные сырцовые ящики, расположенные вплотную друг к другу и вытянутые с запада на восток. Костяки ориентированы по оси север — юг. В кладках использован как сырцовый, так и жженный кирпич квадратного формата. В погребении № 4 сохранилось плоское перекрытие из жженных плиток разного размера (40—50 x 35—40 x 6 см), но оно оказалось без костяка, т. е. кенотафом. Некоторые захоронения первоначально поверх деревянного перекрытия имели надмогильные сооружения, кладка которых частично сохранилась. Во второй могиле имелось захоронение в гробу, доски которого были скреплены железными гвоздями. Под черепом костяка обнаружены остатки парчовой ткани.

Все погребения были потревожены ранее. Первоначально погребенные лежали на спине, с вытянутыми либо сложенными на груди руками. Косточки лицевой части черепа повернуты к юго-западу или вверх.

По итогам раскопок, а также по некоторым косвенным данным можно судить приблизительно о первоначальном виде памятника. В предполагаемой реконструкции усыпальница представляла собой сооружение с призматическим корпусом и с шатровым или сферо-коническим перекрытием (в простейшем варианте). Этот архитектурный тип был одной из основных объемно-пространственных форм в монументальном зодчестве Средней Азии XI—XII вв.¹ Этому не противоречат археолого-архитектурные данные, которые позволяют предполагать башенные пропорции мавзолея. По аналогии с известными памятниками подобного типа², можно полагать, что вход в буранинскую усыпальницу мог находиться в центре орнамен-

¹ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана с древнейших времен до середины XIX в. — М., 1965, с. 226 и сл., рис. 57 а.

² Например, в мавзолеях Южного Казахстана Козу Корпеч, Бегим Мунара (XI в.) См.: Пугаченкова Г. А. К проблеме возникновения «шатровых мавзолеев» Хорасана. — Материалы ЮТАКЭ, вып. I. — Ашхабад, 1949, с. 55—67, рис. 4 и 8; в мавзолеях Хорасана и Азербайджана. См.: Бретанский Л. С. К проблеме архитектурного стиля в связи с периодизацией истории архитектуры стран Переднего Востока. — Народы Азии и Африки. — М., 1964, № 4, табл. I—II.

тальной рамы или стрельчатой арки, снабженной, судя по находкам лекального кирпича, трехчетвертными колонками.

Как известно, типологическую общность «башенной группы» сооружений составляют несколько признаков: подчеркнутость вертикальных членений, что достигалось определенным соотношением цоколя, корпуса и покрытия мавзолеев, нарочитой удлинненностью пропорций входных проемов, порталов, ниш и других элементов. Особенностью большинства мавзолеев этой группы является затрудненный доступ в верхнее помещение, располагающееся над могилой или склепом.

В пользу башенной или приближающейся к ней конструкции буранинского восьмигранника могут свидетельствовать следующие данные. Первоначально декор мавзолея был, несомненно, на значительной высоте, так как мелкие фрагменты его при раскопках обнаружены в радиусе до 30 м. Высота входа над древним уровнем земли превышала 1,8 м (во всяком случае, на такую высоту сохранилось основание мавзолея). Косвенный намек на подобную конструкцию мавзолея можно усмотреть и в легенде о буранинском* минарете, который якобы служил башней и в то же время усыпальницей царской особы. Разумеется, подобное предание должно быть связано с мавзолеем, а не с минаретом. По всей вероятности, так оно и было. Поскольку мавзолей, расположенный рядом с минаретом и до середины XIX в. еще видимый на поверхности, вскоре разрушился, легенду впоследствии народ мог связать с сохранившимся минаретом.

Мавзолей № 2 представляет собой сооружение порталной композиции с круглым в плане помещением, имевшим в древности купольное покрытие. С западной стороны раскопа сохранились остатки рухнувшего в результате сейсмического толчка купола¹. Этот мавзолей, как и восьмигранник, сохранился до наших дней лишь в нижней своей части, на высоту 1,2 м. Он сложен из жженого кирпича того же формата, что в кладках первого мавзолея. Толщина стен — 1,8 м, пролет усыпальницы составляет 10 м. Устои портала имели размеры 12,0 x 2,2 м и сохранились на высоту 1,1 м. Углы портала

¹ Рухнувшие кладки стен и купола буранинских построек рассыпаны к западу и юго-западу от их оснований. Это также свидетельствует о том, что все они пострадали от землетрясения, эпицентр которого был в указанном направлении в горах Киргизского Ала-Тоо.

фланкировали трехчетвертные или полуколонны, остатки одной из которых зафиксированы с южной стороны. Портал выступал вперед, образуя развитый коридор-вестибюль длиной около 5 м.

Мавзолей не имел фундамента и, в отличие от восьмигранника, был сооружен не на материковом лёссе, а на подстилающем культурном слое. Шурф, заложенный между устоями портала, показал, что усыпальница была построена на остатках жилого комплекса X—XI вв.

Сейчас трудно восстановить внутренний вид мавзолея. Портал же, рухнувший на восток, имел довольно богатую отделку: фигурная кладка кирпича сочеталась с резными кирпичиками и штуком, содержащим куфические надписи. Встречены фрагменты ганчевой решетки-панджары, узор которой напоминает тюльпан. Они позволяют предполагать наличие световых проемов, скорее всего, в подкупольной части постройки. Неглубокие декоративные ниши украшали внешние плоскости стен; остатки одной из них (шириной до 1,1 м) сохранились с северной стороны усыпальницы.

В отличие от декора восьмигранника, резной штук этого мавзолея менее изящен в исполнении и довольно однообразен по орнаментальным мотивам. Штук приморазживался к черному телу стены, о чем свидетельствуют следы кирпича на тыльной стороне. Толщина резной штукатурки от 2 до 6 см. Резьба, выполненная в двух планах, достигает глубины 3 см. Орнаментальные мотивы немногочисленны. Наиболее употребительными были бордюры с круглыми розетками — «сосочками», а также трилистниками и стеблями лобегов.

Резные фигурные кирпичики, как и штук, сосредоточены у входа на всем протяжении портала. На них представлено более 30 видов резьбы. Больше стандартного строительного кирпича с лекальным срезом одного угла, применение которого несомненно во фланкирующих портал колоннах. Кирпич-маломерок с длиной сторон 21—22 см и лекальной выкружкой или нарезкой посередине употреблялся при выкладке декоративных бордюров-жгутов или трехчетвертных колонок.

Обработка торца полуформатной плитки сделана в простейших вариантах: тщательно затесанный прямоугольник, два квадрата, образованные глубокой поперечной бороздой. В бесчисленном множестве встречены прямоугольные и квад-

ратные кирпичики-клинышки самых разных размеров — от 1,5 до 9 см в стороне.

Для связи с кладкой стены кирпичики имеют клиновидный подтес с тыльной стороны. Мелкие клинышки вмазывались в слой ганча. Большинство этих кирпичиков обрабатывалось еще по сырой глине, до обжига, что характерно для Семиречья и Ферганы. Некоторые из них несут следы сколов при обработке уже обожженной плитки.

Из орнаментальных мотивов резьбы чаще всего встречаются четырехлепестковые цветы и звездочки, в виде знаков З, Г, С в сочетании с этими же мотивами в зеркальном изображении, бантики, ромбики, треугольники, S-образные кирпичики, мотив запятой, вопросительного знака, «птицы в полете», фигурных скобок различных вариантов и размеров — от 7,5 до 23,0 см. Этот набор свидетельствует о большом разнообразии орнаментальных мотивов и большой декоративности портала.

Внутри мавзолея и перед входом в него сохранились участки мощенного кирпичом пола, на которых очищены остатки детских могил в виде сырцовых ящичков и несколько очагов с зольниками. По слою накопившейся золы и прокаленности очагов видно, что они функционировали продолжительное время и мавзолей был некогда обитаем. По всей вероятности, он служил убежищем для нищенствующих дервишей и священнослужителей.

Под полом вскрыто 11 могил, устроенных в два яруса. Все они ориентированы по оси север — юг и располагались вплотную в средней части мавзолея. Восемь из них представляют собой сырцовые ящики, перекрытые сверху арчевыми досками или брусьями. Доски подкладывались и под покойника. Два захоронения были в гробах, установленных в могильной яме. Конструкция их осталась невыявленной. Три погребения — в ямах между стенами могил. Эти ямы также перекрывались либо досками, либо наклонно поставленными кирпичами.

Таким образом, в обоих раскопанных мавзолеях был соблюден единый мусульманский обряд захоронения. Одинакова конструкция могил, широко распространенная повсеместно в Средней Азии и Южном Казахстане поры раннего средневековья. Многочисленные аналогии деревянным гробам и подстилкам, применение которых при захоронениях на террито-

рии Киргизии и в других районах Средней Азии отмечено с древнейших времен¹.

Такова общая характеристика остатков двух из трех вновь открытых буранинских мавзолеев. По композиционно-планировочным и декоративным приемам они стоят особняком среди известных памятников Киргизии и сопредельных областей Казахстана и Узбекистана. Первый мавзолей по характеру архитектуры можно приблизить к постройкам башенного типа Хорасана и Азербайджана XI—XII вв.² Второй мавзолей с порталом и массивным цилиндрическим корпусом не соответствует башенным формам. Наличие выдвинутого вперед входа-вестибюля и круглого в плане помещения усыпальницы сближает этот мавзолей с погребальными постройками средневекового Машада (Южная Туркмения)³. Декоративное убранство из набора фигурных кладок кирпича и узорных резных кирпичиков в сочетании с резным ганчем также находит ближайшую аналогию среди памятников Хорасана⁴ и отдельными элементами — Тохаристана и Мавераннахра рубежа XI—XII вв.⁵ Из памятников северо-туркестанской архитектуры сочетание подобного декора дает мавзолей Карахана XI в.⁶

Зато декор восьмигранного мавзолея, а именно резной штук и терракота, имеет широкие параллели в архитектуре X—XII вв. как Киргизии, так и Средней Азии в целом. По технике исполнения и мотивам орнаментов терракота близка к резьбе по сырой глине и резному штуку из жилых комплексов

¹ Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. (Раскопки. Погребальный обряд в свете этнографии). — М., 1972, с. 73.

² Godard A. Les Tours de Ladjim et de Resdjet /Masandaran/, AI, t. 1, fasc. 1, Haarlem, 1936, pp. 109—121, fig. 74—77.

Poppe A. SPA, vol. 3. Tokyo-Meiji-Shobo, 1964—1965, fig. 357—359.

³ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 298—299.

⁴ Например, с декором мечети Талхатан-баба — последнее десятилетие XI — первое десятилетие XII в., мавзолея Аламбердара — начало XI в., мавзолея Мунтасира и др. См.: Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 248—274; Прибыткова А. М. Строительная культура Средней Азии..., рис. 37—39.

⁵ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана. — Ташкент, 1961, с. 152—160.

⁶ Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. — Алма-Ата, 1972, с. 181.

Краснореченского городища¹, Афрасиаба², штукным панелям XII в. из дворца термезских правителей³ и др. Однако буранинскую терракоту нельзя сравнить с изящной резьбой узгенских мавзолеев (XII в.) или подобным декором из с. Садовое и Кара-Джигачского городища (XII—XIII вв.), хотя и относящихся к одному региону⁴. По стилистическим признакам наиболее близкой аналогией может служить архитектурная терракота из медресе второй половины XI в. в ансамбле Шахи-Зинда⁵. Здесь же в усыпальницах XI—XII вв. зафиксированы полихромные клеевые росписи по штукатурке⁶, аналогичные росписям буранинского восьмигранника, а также спаренная кладка в сочетании с резными кирпичиками и штуком.

Таким образом, по декору буранинские мавзолеи можно датировать в пределах второй половины XI в. или рубежа XI—XII вв. Очевидно, порталный мавзолей был построен раньше восьмигранника, на что указывает хотя и разнообразный, но менее изящный по технике исполнения набор резных кирпичиков, появление которых для Хорасана, например, отмечено уже с самого начала XI в.

Этот вид декора для Северной Киргизии впервые выявлен в сравнительно большом многообразии. В литературе неоднократно поднимался вопрос о происхождении и смысловом значении орнаментальных мотивов резных кирпичиков. Так, Г. А. Пугаченкова предполагает, что «формы резных кирпичиков в южно-туркменистанской архитектуре XI—XII вв. не просто декоративны, а повторяют в орнаментальной форме рисунки племенных туркменских тамг. Этнографический ма-

¹ Кожемяко П. Н. Раскопки жилищ горожан X—XII вв. на Краснореченском городище. — В сб.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. — Фрунзе, 1967, с. 74—75.

² Ахраров И., Ремпель Л. И. Резной штук Афрасиаба. — Ташкент, 1971, рис. 53—54, 60—61 и др.

³ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент..., с. 95—97, 103—105.

⁴ Находки не опубликованы. Хранятся в фондах ИИ АН Киргиз. ССР и в музее СШ № 10 г. Фрунзе.

⁵ Немцева Н. Б. Ансамбль Шахи-Зинда в XI—XII вв. (по археологическим материалам). — В сб.: Зодчество Узбекистана. Материалы и исследования, вып. 2. — Ташкент, 1970, с. 147, рис. 14—12, 16 и др.

⁶ Немцева Н. Б. Шахи-Зинда. К истории ансамбля и исторической топографии юга Самарканда (Археологические исследования 1959—1969 гг.). — Автореф. канд. дисс. — Ташкент, 1972, с. 13.

териал дает в этом отношении множество параллелей»¹. Л. И. Ремпель, поддерживая мнение о сложносоставном характере узора штучных изразцов Хорасана, наряду с тамгообразными фигурами отмечал также узоры античного происхождения: кружки, кресты, меандры, перлы, сосочки, розетки, астрагалы². Буранинский же кирпичик не имеет подобных мотивов, равно как и «бантиков», образованных двумя треугольниками с прокладкой между ними, характерных для архитектурной школы мастеров Мавераннахра. Узоры буранинских изразцов просты, скорее символичны и более, чем хорасанские, напоминают тюркские родовые тамги. Однако более вероятно их употребление в арабских надписях, сосредоточенных, по всей вероятности, на портале. Подобный пример использования наборных резных кирпичиков в монументальной эпиграфике дают сельджукские мавзолеи второй половины XI в.³

По-видимому, не случайно буранинские мавзолеи находят больше всего аналогий среди мемориальных памятников Хорасана XI—XII вв. Из письменных источников известно, что еще до арабского завоевания на территории Хорасана проживала часть тюрков; в IX—X вв. туда из Семиречья и северных районов Средней Азии переселились тюрки-огузы, основав собственное феодальное государство. Позже сформировалось сельджукское объединение, ядро которого, как считают исследователи, составляли огузские и туркменские племена, жившие у западных окраин Чуйской и Таласской долин. Первые сельджукиды объединили под своей властью часть огузов и туркмен в среднем течении Сыр-Дарьи в пределах Хорезма, Мавераннахра и Хорасана⁴. С этими переселившимися в Хорасан тюрками и их традициями исследователи связывают тип дахистанских мавзолеев. Уже Гумбез-и Кабус, датированный 1006—1007 гг.⁵ и своей высотой напоминающий минарет,

¹ Пугаченкова Г. А. Пути развития..., с. 334.

² Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Южного Туркменистана..., с. 264—267.

³ Scherr-Thoss S., Scherr-Thoss H. Design and Colour in Islamic Architecture. Afghanistan, Iran, Turkey. Introduction by D. H. Wilber. — Washington, 1968, p. 52, pl. 17—18.

⁴ Агаджанов С. Г. Очерк истории огузов и туркмен Средней Азии IX—XIII вв. — Ашхабад, 1969, с. 42 и след.

⁵ Бартольд В. В. Башня Кабуса как первый датированный памятник мусульманской персидской архитектуры. — Соч., т. I, с. 265.

свидетельствует о более раннем появлении башенной мемориальной архитектуры на территории Северного Ирана, еще во времена огузов, а может быть и раньше.

Прототипом их, возможно, являются «юртообразные» и конусообразные каменные усыпальницы, зарегистрированные в Центральном Казахстане уже с VI в. н. э.¹. За последние годы в Присырдарьинских районах открыто несколько десятков наземных каменных и сырцовых цилиндрических, овальных и прямоугольных в плане намогильных сооружений со ступенчато-купольным или древесным пирамидальным перекрытием. По мнению Ю. А. Рапопорта идея цилиндрического мавзолея, например, могла проникнуть на территорию Хорасана уже с сакскими племенами², т. е. значительно раньше переселения тюркского этноса. Однако утверждать с полной уверенностью, что эти постройки действительно являются прототипом башенной архитектуры мемориального характера поры средневековья, нельзя, хотя как рабочая гипотеза такая мысль правомерна.

В этой связи стоит обратить внимание на круглые в плане кирпичные мавзолеи Хорезма, датированные С. П. Толстовым IV в. до н. э. — III—IV вв. н. э.³. Архитектурные формы мавзолеев, как и казахстанских построек этого рода, уходят своими истоками в эпоху бронзы. Вполне возможно, что в некоторых гробницах вождей племен Семиречья этого периода прослеживается связь этой погребальной традиции. Таковы, например, наземные гробницы Нуринской, Атасукской, Бегазы-Дандыбаевской культур. Особенно впечатляюще, на наш взгляд, остатки цилиндрического сооружения, имеющего мощные кладки каменных стен на глиняном растворе в могильни-

¹ Маргулан А. X. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. — Изв. АН Казах. ССР, № 67, серия археологическая, вып. 2. — Алма-Ата, 1950, с. 12—20; Мендикулов М. Некоторые данные об исторической архитектуре Казахстана. — Изв. АН Казах. ССР, серия архитектурная, вып. 2. — Алма-Ата, 1950, с. 4—36.

² Рапопорт Ю. А. Из истории религии древнего Хорезма. — М., 1971, с. 53 и след.

³ Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта. — М., 1962, с. 195—196; Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. — М.—Л., 1966, с. 23 и след. (Ранние мавзолеи Тагискена).

ке Аксу-Аюлы¹. Оно было перекрыто бревенчато-пирамидальной крышей. Каменные и деревянные усыпальницы подобных конструкций сейчас широко известны в многочисленных памятниках Казахстана.

Второй буранинский мавзолей напоминает некоторые погребальные постройки типа муг-хона и наусов, широко распространенных на территории Ферганы, Казахстана и Киргизии с рубежа н. э. вплоть до средневековья. Конусообразная конструкция этих каменных и глинобитных сооружений с вытянутым входом-вестибюлем перекликается с его архитектурной композицией.

Еще до раскопок муг-хона М. Е. Массон высказал предположение о них как о примитивных мавзолеях башенного типа². В. А. Нильсен уже уверенно относит юртообразные и ульеобразные постройки, имеющие объемно-выступающие входы-вестибюли, к мавзолейной группе наусов, в которых усматривает прототип кирпичных мавзолеев последующего времени³.

Наличие наземных цилиндрических надмогильных построек поры, предшествующей распространению ислама, можно отметить у кыргыз-хакасских ханов на территории Южной Сибири и Тувы⁴.

О широком распространении портално-цилиндрических и башенных надмогильных сооружений с шатрово-коническим и пирамидальным перекрытием в северных районах Средней Азии свидетельствуют киргизские и казахские мазары и надгробия позднефеодального и нового времени.

Таким образом, в конструктивных и художественных особенностях буранинских памятников нашли отражение как местные строительные навыки, так и культурные традиции других среднеазиатских народов, особенно отчетливо проявляющиеся в декоративном убранстве построек и обряде погребения.

¹ Маргулан А. Х. и др. Древняя культура Центрального Казахстана. — Алма-Ата, 1966, с. 121—172, рис. 81 и др.

² Массон М. Е. Ахангеран. Археолого-топографический очерк. — Ташкент, 1953, с. 103—104.

³ Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V—VIII вв.). — Ташкент, 1966, с. 103—104.

⁴ Зяблин Л. П. Архитектура курганов Чаатаса «Тришкин лог». — В сб.: Новое в советской археологии. Памяти С. В. Киселева к 60-летию со дня рождения. — М., 1965, с. 282—285, рис. 1—3.

При возведении мавзолеев для представителей господствующего класса зодчий обратился к традиционной местной композиционной схеме усыпальницы, используя самые совершенные строительные и художественные приемы, выработанные в среде полукочевого и оседлого населения и модернизированные под влиянием новой идеологии.

Богатый и разнообразный декор построек (фигурная кладка кирпича, введение резных кирпичиков, резьба и роспись по ганчу, архитектурная терракота) находит широкие аналогии среди памятников областей Мавераннахра и особенно Хорасана XI—XII вв. Это еще раз свидетельствует о том, что традиции средневековой монументальной архитектуры былых культурных центров Киргизии тесно связаны с архитектурной практикой Средней Азии и Казахстана.

К ЗАСТРОЙКЕ БУРАНЫ

Одной из характерных особенностей топографии Буранинского городища является усадебная застройка его окраин. Отдельные тепе, именуемые местным населением «турткулями», сохранились до наших дней в виде оплывших холмов. По их микрорельефу можно сделать заключение, что это — усадьбы, окруженные глинобитными стенами. Все они были жилищами земледельческой аристократии.

Одна из наиболее крупных усадеб в юго-восточном секторе городища раскапывалась нами в 1972 и 1974 гг. в связи с хозяйственно-планировочными работами на его территории. Она располагалась в 2,8 км от центральных развалин. К моменту раскопок средняя часть усадьбы была снесена по всей длине постройки на глубину 4 м и ширину 25 м. Кроме того, постройка, как и культурный слой, была нарушена впускными погребениями позднефеодального времени.

Памятник представлял собой систему холмов с оградой, почти квадратной в плане и расположенной параллельно валу городской стены. Это показатель того, что постройка сооружалась уже после возведения стен города. Протяженность усадьбы с юго-запада на северо-восток 70 м, с юго-востока на северо-запад — 80 м в оплыве.

Несмотря на большие повреждения памятника, четко прослеживались следы хауза в южном углу усадьбы и въезд с юго-востока. Наиболее высокой частью холма оказалась

северо-западная, где и начаты раскопочные работы в 1972 г.¹ Большая часть постройки к моменту работ была под отвалом земли, которая убрана (с частичной нивелировкой культурного слоя) к 1974 г.²

В течение двух полевых сезонов были вскрыты и частично оконтурированы двадцать помещений и внутренний дворик с мощенными камнем дорожками, разделяющий жилую часть усадьбы на две половины: юго-западную — парадную и северо-восточную — хозяйственного назначения. Выявлено два периода обживания с перестройками и ремонтом некоторых комнат в течение XI—XII вв.³ Судя по характеру строительных завалов, постройка была одноэтажной.

Юго-западная группа (парадный комплекс) включала 10 помещений и размещалась по обе стороны широкого коридора протяженностью 28 м и шириной 4 м, выходящего одним концом во внутренний дворик. Ниже приводим краткое их описание.

Помещения I, II и III занимали западный угол усадьбы. Первые два вскрыты на глубину 3,6 м. Они сообщались сводчатым проемом в стене. Стены выложены комбинированной кладкой сырца и нарезной пахсы. В верхнем ярусе они частично сохранили кривую свода от перекрытия.

В восточном углу помещения II зачищена замковая часть свода дверного проема, ведущего в коридор. Кладка его — клинчатая, применен сырец того же формата, что и в кладке стен. Видимо, такой же проход был в южном углу помещения III. Своеобразно устройство этих проемов, которые как бы разрезали стены под углом 120°, что отмечено и в других помещениях комплекса. Помещения III, IV, V были вскрыты до уровня пола. Стены их покрыты глиной, а поверхность — алебастровой штукатуркой.

¹ В раскопках (с 20 июня по 10 августа 1972 г.) принимали участие: младшие научные сотрудники А. Айтбаев, С. М. Громова, В. И. Киселев; старшие лаборанты А. И. Громов, К. Абдурахманов, А. А. Сухарева, Э. А. Сулейманов, А. А. Бигдай, Ю. В. Жуков.

² В работах полевого сезона 1974 г. участвовали старшие лаборанты Л. М. Ведутова, А. И. Кошелев, группа рабочих — учащихся СШ № 33 г. Фрунзе во главе с учителем А. Н. Пешехоновым.

³ Для первого периода характерен строительный сырец со сторонами 42—40 x 21—20 см при толщине 8—9 см, для второго периода — размер кирпича 32—30x16x15x7 см; пахса нарезана блоками 60x40 см.

В помещении III отмечены два четко выраженных периода обживания. К верхнему строительному горизонту относится слой, сохранившийся на высоту 40 см. Уровень пола в виде утрамбованного слоя глины с обмазкой проходит на глубине 4,5 м. Примерно в середине помещения находился резервуар, обложенный сверху кирпичом и заглубленный на полметра. Он почти квадратен в плане — 2,1x2,15 м. Изнутри стенки его и края по дну покрыты слоем алебастра; в середине резервуара зачищена хозяйственная яма. Нижняя часть ее была заполнена золой с костями домашних животных и птицы, яичной скорлупой, фрагментами керамики и кирпича. Верх ямы и часть резервуара были заложены крупными камнями, а сверху засыпаны песком. Можно предполагать, что в последний период обживания хозяйственная яма использовалась для слива воды, а камни служили фильтром.

Нижний уровень пола проходит на границе IX—X ярусов (т. е. на глубине около 5 м). Вдоль двух длинных стен зачищены остатки кана — обогревательной системы помещения в виде суф, выложенных из того же строительного кирпича таким образом, что между кладкой стены и рядом кирпича суфы оставалось пространство для прохождения горячего воздуха. Ширина суфы везде одинакова — 38 см и высота — 45 см. В полную меру обогревательная система функционировала, видимо, только в первый период обживания, так как впоследствии поверх суф настлан пол, а помещение забутовано булыжником и строительным мусором.

Северо-восточнее помещения III и параллельно ему располагались помещения IV и V, имеющие сильно вытянутые пропорции; они соединены между собой проходом метровой ширины. В последний период обживания он был заложен кирпичом.

Северо-восточная стена помещения IV между двумя лами сильно обожжена. Здесь же зафиксированы куски обожженной глины и зольник, занимающий почти половину помещения, с кусочками обгоревшего дерева. Возможно, отсюда с помощью каналов-канов отапливалось здание или часть его.

Помещение V имело проход в северном углу. До верхнего уровня пола он был заложен камнем и кирпичом. В самом же помещении верхний уровень пола не сохранился. В юго-восточной половине его расчищена хозяйственная яма, относящаяся ко второму периоду обживания комплекса. Из ямы

извлечено несколько десятков жженных кирпичей и несколько фрагментов стеклянной и глиняной посуды в зольном слое.

На полу помещения найден серебряный дирхем чекана Бухары 413 г. х. (1022—1023 гг.), в правление Абу Мансура Мухаммеда Арслан-хана (ибн Али)¹.

Описанную группу помещений с северо-востока замыкает двор; вдоль юго-западной стены его проходит суфа, к которой примыкает вымощенная камнем дорожка шириной 1 м и длиной 12,6 м. Перпендикулярно ей на вскрытой площади двора выложена дорожка шириной в 2 м и длиной 4 м. Края ее обложены крупным камнем ровной цепочкой. Уровень вымостки совпадает с уровнем первого периода обживания — в середине X яруса.

Вторая группа помещений, расположенная вдоль юго-восточного периметра комплекса, отделена от описанной выше коридором, образованным анфиладой помещений (на чертежах они значатся под номерами VII и VIII). Отделены друг от друга широким проходом в виде двух пилястр шириной 1,7 м и толщиной 1 м. Вдоль северо-западной и юго-восточной стен проходят суфы шириной 52 см, частично сохранившиеся на высоту 28 см. Между стеной и рядом кирпичей суфы сохранилась зола. Пол вымощен квадратным жженным кирпичом размером $25 \times 25 \times 4,5$ м. С северо-востока помещение было открытым.

Помещение VIII, являющееся продолжением широкого коридора, по обе стороны имеет суфы. Дверные проемы вели в помещения IV и IX. Длина их 6,2 м. Помещение заполнено плотным слоем завала сырцового кирпича и глины с редкими включениями жженного кирпича. В восточном его углу на полу зафиксированы зольник и пятно обожженной обмазки, поднято несколько фрагментов поливной посуды XI—XII вв.

В восточном углу «парадного» комплекса усадьбы вскрыты (частично) 3 помещения, одно из которых — десятое — забутовано строительным кирпичом во второй период обживания. Забутовка не разбиралась.

Помещение IX расположено параллельно коридору. Ширина его 3,25 м, длина не установлена. Северо-западная стена на расстоянии 1,4 м от прохода имела глубокую нишу шириной 2,15 м, заполненную золой. Она начиналась от верхнего

¹ Монета определена В. Н. Настичем.

уровня пола, зарегистрированного в конце VIII яруса. По всей вероятности, это углубление в стене во второй период обживания служило камином. Над полом также залегал мощный слой золы. Ниже этого пола стена сохранила следы глиняной штукатурки. Нижний уровень пола зафиксирован в середине X яруса, под которым проходит слой беспорядочно сложенного сырцового кирпича.

Помещение XI околонушено вдоль трех стен, культурный слой снят до уровня пола верхнего строительного горизонта.

Все помещения описанной группы имели мощные стены от 1,6 до 2,3 м и сводчатые перекрытия, а угловые проемы были оформлены стрельчатыми арочками. Различными были и пролеты помещений — от 2,7 до 9,5 м. Высота комнат достигала 3,5—4,5 м. Полы некоторых из них вымощены форматным жженным кирпичом, стены оштукатурены глиной и алебастром.

Северо-восточная часть застройки усадьбы включает 11 небольших комнат хозяйственного назначения. В центре комплекса находилось айванное помещение с отделкой интерьера резной алебастровой штукатуркой и вымосткой пола жженным кирпичом. Большое скопление дерева и менее мощные стены свидетельствуют о плоском древесно-каркасном перекрытии этой части дома.

Внешние стены здания имеют комбинированную кладку кирпича и пахсы, выложены без фундамента, толщина их — 1,7—2,3 м. Ограда самой усадьбы из битой глины с большой примесью гальки имеет ширину 1,2 м. Этот комплекс хозяйственных помещений был околонушен и лишь частично вскрыт культурный слой.

В результате раскопочных работ за два полевых сезона выявлен общий периметр усадьбы, в которой жилой комплекс составляет площадь 1550 кв. м.

С первым периодом обживания здания связано устройство дымового обогрева с помощью канов, проходящих вдоль стен в виде полых суф. Подобная система отопления зафиксирована А. Н. Бернштамом в жилой части буддийского монастыря IX—X вв. Ак-Бешимского городища, где узкие каналы-каны проложены в центральной широкой стене и в полу¹. Наличие по-

¹ Бернштам А. Н. Чуйская долина, с. 51. Датировка постройки пересмотрена в работе: Бернштам А. Н. В горах и долинах Памира и Тянь-Шаня. — В сб.: По следам древних культур от Волги до Тихого океана. — М., 1954, с. 295.

добных систем отопления известно для более позднего — монгольского времени в домах Хорезма, Казахстана¹. Широкое распространение каны имели в древнемонгольских городах XII в.²

Основную часть находок во всех помещениях составляет глиняная посуда. Керамика из верхних слоев, связанных с последним периодом обживания усадьбы, представлена довольно однообразными формами. Лепной керамики встречено очень немного — всего несколько фрагментов шаровидного казана.

Посуда, изготовленная на гончарном круге, представлена фрагментами горшков, хумов, венчиками и боковинами кувшинов, чаш, котлов, тагора. Всего в VII—VIII ярусах извлечено около двух десятков фрагментов поливной посуды.

Кувшины были как тонкостенные, так и утолщенные. По плечу иногда проходит орнамент в виде концентрических кругов. Ручки вертикальные, коленчатые в изгибе у горловины. Встречен и другой тип — широкогорлые кувшины с отогнутым венчиком.

Тагора имеет прямые стенки с двухсторонним расширением края, дающего треугольное сечение в разрезе. На одном черепке по верху процарапан волнистый орнамент. Другой тип тагора — с низкими прямыми стенками и слегка загнутым вовнутрь венчиком. По его верху процарапаны прямые линии.

Керамика нижнего строительного горизонта также не отличается разнообразием форм, но в большем числе представлена поливная посуда. Это — фрагменты чаш и пиал, кувшинов и горшков, бокалов и светильников. Большинство чаш и кувшинов с поливой: белой, зеленоватой, желтоватой, иногда с процарапанным подглазурным орнаментом, чаще — с росписью цветными красками — коричневой, красной, зеленой, болотного оттенка. Мотивы орнаментов разнообразны — это точечный, «вихревой розетки», стилизованно-растительный, эпиграфический. Таким образом, в ямах и заполнении помещений получен достаточно характерный комплекс керамики XI—XII вв., аналогичный материалам из поселений Чуйской

¹ См.: Толстов С. П. По древним дельтам Окса и Яксарта..., с. 273, рис. 179; Федоров-Давыдов Г. А. Курганы, идолы, монеты. — М., 1968, с. 136, рис. на с. 134.

² Древнемонгольские города. — М., 1965, с. 67—68, рис. 29; с. 77, рис. 41, с. 117, рис. 104 и др.

долины. Находка дирхема на полу помещения датирует усадьбу началом XI в.

Из металлических изделий привлекает внимание бронзовый втульчатый двухлопастный наконечник стрелы с отбитым острием. Длина его 3,3 см, ширина лопастей — 1,8 см, диаметр втулки — 0,7 см. Наконечник относится к середине I тыс. до н. э. Можно предполагать, что он попал в замес глины, взятой из кургана, или использовался в качестве амулета жильцами усадьбы.

Буранинская усадьба относится к числу памятников средневековой монументальной жилой архитектуры Средней Азии. Дом в усадьбе напоминает замок земледельческой аристократии поры раннего средневековья. Хотя его еще окружают глинобитные стены и различные хозяйственные помещения, но уже утрачены такие элементы кешка, как стилобат, бойницы, многоэтажность. Помещения стали более удобны для жилья, а их планировка более комфортабельной. Сами комнаты, одни из которых в плане прямоугольные, другие — узкие и длинные, перекликаются с жилыми кварталами Пенджикента, планами раннесредневековых усадеб Беркуткалинского и соседних оазисов Хорезма, Шаша. Характерны для этих помещений и суфы вдоль стен, устройство каминов в помещениях, тандыры. Четко прослеживается преемственность в решении объемно-пространственной планировки: это — переходы от стен к своду, напуск кирпичей рядами и возведение системы арок в проходах. Аналогичны приемы возведения стен комбинированной кладки из нарезной пахсы и сырца.

Из всех открытых до настоящего времени домов на городищах Киргизии буранинская постройка наиболее монументальна. Она, несомненно, принадлежала крупному феодалу-землевладельцу, имеющему в частной собственности обрабатываемые земли внутри городских стен. Это своеобразие чуйских городищ позволило исследователям считать их аграризированными. Обширные площади поселений были заняты усадебной застройкой и обрабатываемой полевой землей в системе длинных валов, заключающих территорию в несколько десятков кв. км.¹ В отличие от большинства среднеазиатских городов они не имели сельскохозяйственной округи в

¹ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города..., с. 176—184.

виде рустак. Их, по мнению К. И. Петрова, не было вообще. «Сельскохозяйственная округа», образно говоря, была инкорпорирована в самом городе, в пределах его собственных оборонительных валов¹.

ГДЕ ЖЕ РАСПОЛАГАЛСЯ БАЛАСАГУН?

Открытие первоклассных памятников архитектуры на территории Буранинского городища вызвало в историко-археологической литературе последнего времени целый ряд вопросов: какой город они украшали и какое место занимали в системе городской планировки? Кому могли принадлежать эти величественные усыпальницы?

Результаты археологических исследований 60—70-х годов на территории Киргизии и, в частности, на городище Бурана, новые извлечения из письменных источников позволяют вновь вернуться к вопросу о Баласагуне.

Проблема локализации столицы Караханидского и Киданьского государств дискутируется давно². Ряд ученых, как отмечалось выше, отождествляет буранинские развалины с историческим Баласагуном³, другие связывают с этим городом остатки Ак-Бешимского городища⁴, третьи — с краснореченскими развалинами⁵; наконец, четвертые вообще отрицают

¹ См.: Петров К. И. Очерки социально-экономической истории Киргизии VI — начала XIII вв. Фрунзе, 1981, с. 133.

² Споры ведутся и по поводу происхождения самого названия «Баласагун».

³ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 101; Кочнев Б. Д. Где же стоял Баласагун? — Литературный Киргизстан, 1970, № 6, с. 98—100; Винник Д. Ф. Башня Бурана, с. 56.

⁴ Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 55—57; Бернштам А. Н. Археологический очерк Северной Киргизии. — Фрунзе, 1941, с. 75—76; его же. Архитектурные памятники..., с. 23 и др.; Кибиров А. К. Археологическое изучение Киргизии. Изв. Киргиз. ФАН СССР, вып. II (XII). — Фрунзе, 1954, с. 68; Караев О. О местонахождении города Баласагуна. — Средневековый город Средней Азии и Казахстана. Тезисы к совещанию в г. Фрунзе 24—29 ноября 1970 г. Л., 1970, с. 58—60.

⁵ Тынышпаев М. Т. Краснореченские развалины и город Баласагун. Изв. ТОРГО, вып. XVII. — Ташкент, 1924, с. 185—188; Материалы по истории туркмен и Туркмении /Под ред. Волина С. Л., Ромаскевича А. А., Якубовского Ю. А., т. I. — М.—Л., 1939, с. 313, прим. 1.

локализацию этого города в Чуйской долине¹. Существует мнение о двух городах под одним названием.

Нам представляется, что первоначально под Баласагуном подразумевался город, сложившийся в VI—VII вв., развалины которого соответствуют городищу Ак-Бешим. Однако с течением времени городская жизнь из Ак-Бешима переместилась в местность Бурана. Расстояние между ними столь невелико, что в конце XIX в. оба памятника, менее, чем в настоящее время подвергшиеся расправке, воспринимались как развалины одного города. По топографической структуре Ак-Бешим близок к городам мавераннахрского типа раннего средневековья, исходная форма поселения — шахристан с цитаделью. На городище Бурана нет традиционных проявлений цитадели, густо застроенного шахристана и в ряду городищ Чуйской долины оно является своеобразным памятником.

Хотя Л. Р. Кызласов в свое время отрицал возможность «перенесения» старого города Ак-Бешим на новое место ввиду незначительности территории Буранинского городища и отсутствия керамики XIII—XIV вв.², однако такое предположение вполне допустимо. П. Н. Кожемяко доказал, что X в. не является конечной датой жизни на Ак-Бешиме и часть поселения функционировала вплоть до XII в.³ Раскопки самого Л. Р. Кызласова на Ак-Бешиме выявили клад караханидских монет середины и шестого десятилетия XI в. «В это или близкое время, т. е. примерно в середине третьей четверти XI в. этот клад был зарыт в землю или иным способом окончательно выпал из обращения⁴.

Буранинские же развалины дают материал X—XIV вв.⁵ и относятся к самому последнему периоду существования по-

¹ Петровский Н. Ф. Башня «Бурана»..., с. 353—354; его же. Еще заметка к статье В. Бартольда «О христианстве в Туркестане в до-монгольский период». ЗВРАО, т. VIII. — СПб., 1894, с. 357—358; Кызласов Л. Р. Работы Чуйского археологического отряда в 1953—1954 гг. КСИЭ, вып. XXVI. — М., 1957, с. 95—96; Ерзакович Л. Б. О средневековом городище Аспара. — В сб.: Новое в археологии Казахстана. — Алма-Ата, 1968, с. 95, прим. 16.

² Кызласов Л. Р. Археологические работы..., с. 236.

³ Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города..., с. 178.

⁴ Давидович Е. А. Ак-Бешимский клад караханидских монет XI в. (Краткое заключение). Тр. КАЗЭ, т. II. — М., 1959, с. 242.

⁵ В названной работе П. Н. Кожемяко городище датировано X—XIII вв. Он, однако, выпустил из виду несторианское кладбище на городище, могильные кайраки которого датируются первой третью XIV в.

селений в Чуйской долине. Таким образом, можно предполагать, что на протяжении двух столетий оба поселения сосуществовали, но постепенно замирало одно и расцветало другое. К тому же подобные явления миграции крупных городов известны для ряда среднеазиатских столиц: Самарканда, Мерва, Кеша и других.

Вышеотмеченные данные археолого-топографического наблюдения необходимо сопоставить со сведениями письменных источников. Весьма интересно, что почти все средневековые авторы упоминают столицу Караханидского государства под названием Баласагун лишь с X в.¹ До этого в арабо-персидских источниках, в частности у Ибн-Хордадбеха и Кудамы, отмечен «город тюркешского (тюркского) хакана» (у Кудамы — «селение тюркского хакана») в 4 фарсах от «большого селения» Сарыг по дороге из Тараза (ныне Джамбул) на Иссык-Куль. Наряду с этим обозначением тюркской резиденции в Чуйской долине ал-Мукаддаси упоминает Орду, который тоже имел значение «ставки хана»². Вполне логично предположить, что здесь также проставлено смысловое значение столичного города, но уже название его дано как имя собственное, которое по-местному звучит как «Орду».

То же самое с топонимом «Суяб». Некоторые исследователи считают столицей тюркских, тюркешских хаканов и карлукских правителей (ябгу) этот город. Впервые о столице тюрков нам сообщает буддийский паломник Сюань Цзан (630 г.), который называет ее «Суй-е-Шуй — сборное место купцов из всех соседних стран» и располагает у западной оконечности оз. Иссык-Куль, в верховьях р. Чу. В. В. Бартольд ставит под сомнение это местоположение города и помещает его близ Токмака³.

¹ Некоторые исследователи видят в названии города, транскрибированного как «Город генерала Пэйло», более раннее упоминание Баласагуна. Однако это заключение не является бесспорным. В. В. Бартольд в свое время высказывал большое недоверие к дальневосточным источникам, видя в них большие расхождения и противоречия. См.: Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2, с. 300—301.

² См.: Волин С. Сведения арабских источников IX—XVI вв. о долине р. Талас и смежных районах. — Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 8. — Алма-Ата, 1960, с. 74—80.

³ Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2, с. 282, 288.

Мы не можем согласиться также с А. Н. Бернштамом, который считает возможным сопоставлять Суяб с Новороссийским городищем¹. Историко-топографическое изучение Чуйской долины и Иссык-Кульской котловины, проведенное за последние десятилетия киргизскими археологами в связи с составлением Археологической карты республики, свидетельствует о том, что развитых раннесредневековых поселений (которые можно было бы считать городами) восточнее современного Токмака в Чуйской долине нет.

Новороссийское же городище находится в глубине узкой долины р. Чон-Кемин, в 25 км от места впадения ее в р. Чу, в стороне от торговой трассы. Заложенные П. Н. Кожемяко шурфы и раскопы на городище дали слабый культурный слой XI—XII вв. «Говорить о существовании жизни на этом городище в более раннее время нет оснований и, очевидно, его следует считать сооружением военно-оборонительного характера» или летней резиденцией одного из караханидских владетелей².

Думается, что ближе к истине французский ученый А. Гамби и английский востоковед Дж. Клосон, которые высказали предположение об идентификации Суяба с остатками городища Ак-Бешим³.

Нельзя не отметить, что сведения о «столице тюркского хакана», Суябе и Орду очень противоречивы. У одних авторов эти города фигурируют как разные столицы тюркских правителей, у других — подразумевается один город. Неопределенно указано и местоположение Суяба, как столицы и как торгового центра: в одних источниках — по левому берегу р. Чу, в других — по правому. Поэтому не исключено, что «столица тюркского хакана» у разновременных авторов подразумевалось и под «Суябом» и под «Орду». О. Прицак, например, излагая историю раннекараханидского государства (840—992 гг.), пишет так: «Главной резиденцией карлукского ябгу стал Орду на реке Чу (Суяб) около Баласагуна, ко-

¹ Бернштам А. Н. Чуйская долина..., с. 21—22.

² Кожемяко П. Н. Раннесредневековые города..., с. 163—166.

³ Цит. по кн.: Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии. — Л., 1973, с. 12; Clauson G. Ak-Bechim—Suyab. — Тр. XXV Международного конгресса востоковедов, т. III. — М., 1963, с. 126—127.

торый в источниках именуется как Кара-Орду, иногда Куз-Орду»¹.

В манихейской рукописи VIII—IX вв. «Священная книга двух основ», написанной в «благословенном Аргу-Таласе», в числе городов Семиречья, где были манихейские общины, упоминается и Ордукент². Это наиболее раннее упоминание города-ставки в форме Орду. Для второй половины X в. (985 г.) ал-Мукаддаси называет Орду маленьким и отмечает при этом его крепостную стену, цитадель, ров, наполненный водой. Здесь же он упоминает Баласагун, называя его большим и изобильным³. Махмуд Кашгарский, напротив, считал Баласагун «Кеми Орду» — «Малой Орду»⁴. Поскольку он находился в непосредственной близости от Орду, то «Баласагун от этого также назывался Куз-Орду. Орду — ставка хана»⁵. В этом источнике Махмуд Кашгарский приводит и другое название Баласагуна — Куз-Улуш. В монгольское время название города приобрело такие синонимы, как Каралыг, Гор-Балык, которые следует читать как Куз-Балыг (или Гуз-Балык), что соответствует Куз-Орду⁶. В дальневосточных исторических хрониках Баласагун именуется Гусы-элудо или Хусы-ваэрдо — как «город гузов»⁷.

Одновременное употребление двух-трех наименований для одного и того же города в средневековой Средней Азии не было чем-то необычным. Столица кыпчаков Отрар в арабо-

¹ Pritsak O. Die Karachaniden. — Der Islam. — Berlin, 1954, Bd. XXXI, s. 23.

² Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. — М., 1964, с. 131. (Под Ордукентом автор предполагает Баласагун).

³ Волин С. Сведения арабских источников..., с. 80.

⁴ Цит. по кн.: Мусабаев Г. Г. Некоторые сведения из жизни Махмуда Кашгарского. — В сб.: Исследования по тюркологии. Алма-Ата, 1969, с. 149.

⁵ Волин С. Сведения арабских источников..., с. 83.

⁶ Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2, с. 298, прим. 244; Bretschneider E. V. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Fragments towards the knowledge of the geography and history of Central and Western Asia from the 13th to the 17th century, vol. 1, London, 1888, pp. 216, 222.

⁷ Wittfogel K. A. Feng Chia-sheng. History of Chinese Society Liao 907—1125. — Transaction of the American Philosophical Society. Philadelphia, 1949, v.36, p. 645. Ср.: Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX—XII вв. — История и культура Востока, Азии. т. II. — Новосибирск, 1974, с. 149, прим. 525.

персидской литературе упоминается как Бараб (Фараб); столица Шаша — Ташкент иначе известна как Бинкет, Исфиджаб-Сайрам и т. д.

Многообразие синонимов наименования города Баласагуна географ Х. Хасанов объясняет следующим образом: древнейшее название Баласагуна, содержащееся в сочинениях «Худуд ал'алам» и у Гардизи (XI в.), по его мнению, было «Беклиг» или «Беклилиг». По-монгольски оно звучит как «Гор-Балык», а по-местному — у тюрок аргу и чигиль — «Кузулуш» и «Кузорду»¹.

Мнения о древнем названии Баласагуна в форме «Беклиг» придерживается и археолог К. М. Байпаков². Однако его выводы о том, что Суяб (он же — Орду) и Баласагун (он же — Беклиг или Семекна) возникли и существовали одновременно и что в VII—IX вв. тюркской столицей был «Суяб-Орду» (городище Ак-Бешим), а Баласагун (Буранинское городище) был крупным селением, не совсем верны. Если Ак-Бешим действительно дает археологический материал V—X вв., то на Буранинском городище культурного слоя ранее X в. не зафиксировано. Поэтому нельзя согласиться с выводом автора о тождестве Беклига (VII—VIII вв.) с Бураной (X—XIV вв.).

В. В. Бартольд полагал, что город получил название по материалу, из которого воздвигались его постройки («балык» по-тюркски «глина») ³ К. Махмудов объясняет его как сокращенное от «балик» с опущением конечного «к» и «сагкун», что означает «сидящий по правую руку». Оба термина, по его мнению, дотюркского происхождения. Баласагун, таким об-

¹ Хасанов Х. Махмуд Кашгарий. — Ташкент, 1963, с. 48; Умняков И. И. Самая старая турецкая карта мира (XI в.) — Тр. Самаркандского педагогического института им. А. М. Горького, т. 1, вып. 1. — Самарканд, 1940, с. 110.

² Байпаков К. М. О древних городах Суяб и Баласагун. — Вестн. АН Казах. ССР, 1976, № 1, с. 72.

³ Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии /Лекции, прочитанные в Стамбульском университете в июне 1926 г.—Соч., т. V. — М., 1968, с. 73. Это объяснение названия соответствует более, чем предложенная им ранее гипотеза о происхождении топонима «Баласагун» от «бала» (дитя) и «сагун». С. П. Толстов тюркское слово *balig* переводит как «город». См.: Толстов С. П. Города гузов. — СЭ, 1947, № 3, с. 72.

разом, можно определить как «Город бека», «Город хана»¹.

Очевидно, что Куз-Орду (Баласагун) и Орду не были одним городом, но располагались так близко, что воспринимались (или именовались?) во времена Махмуда Кашгарского как один город. После XI в. город Орду в письменных источниках уже не упоминался.

У В. В. Бартольда приводится подробная сводка исторических сведений о восточной столице караханидов и киданей вплоть до XVI в.² Однако некоторые дополнительные сведения о городе можно почерпнуть и в последующих работах востоковедов и археологов в связи с открытием и переводом сочинений средневековых авторов, памятников местной эпиграфики и монет. Например, такие данные содержатся в недавно изданном переводе «географии» Махмуда ибн Вали (1634—1641):

«Баласагун — из городов Туркестанзамина, известного [под названием] Моголистан. До монгольского нашествия был с чисто мусульманским населением. Из него вышло много ученых. Мустауфи говорит: [Баласагун] — страна обширная и приятная; из шестого-седьмого климатов. Климат его очень холодный. В некоторых летописях сообщается, что ширина его крепостной стены была в два с половиной [гязя]. [Баласагун] имел сорок соборных и двести будничных мечетей, двадцать ханака и десять медресе.

Народ Баласагуна сунниты и из общества ханифитов. В том городе науки фикх и хадис были распространены больше, чем другие знания.

После нашествия монголов до тех пор, пока обычаи монголов не повредили ему, был он благоустроенным и цветущим. И с тех времен до сегодняшнего дня он находится в опустошенном и заброшенном состоянии. Некий путешественник кашгарец, во время составления сей книги в Балхе рассказывал: однажды правитель Кашгара вторгся в Моголистан, чтобы осудить и наказать калмыков. Спустя два месяца, следуя по направлению с востока на север, дошли до какой-то местности, где из-под песка на четыре-пять зира выступали крыши

¹ Махмудов К. Баласагун. — *Общественные науки в Узбекистане*, 1972, № 2, с. 49.

² Бартольд В. В. Соч., т. I, с. 315, 317, 389, 423, 428 и др.; т. II, ч. I, с. 41—47; т. III, с. 355—357, т. IV, с. 50—57 и др.

высоких зданий: минаретов, дворцов, арок, медресе и приметы их были видны с расстояния четырех фарсангов. Недалеко от той местности мы достигли калмыков [и между ними] приключилось сражение. Схватили из числа этих неверных много пленников и при возвращении, когда дошли до того места, где [раньше] мы увидели остатки зданий, у пленников спросили название этой местности. Они сказали: нам известно [лишь] то, что здесь [в прошлом] был город под названием Баласагун. Во времена правления некоторых потомков Чингиз-хана остался под песком, а в настоящее время в некоторых его местах из-под песка иногда можно увидеть комнаты со всей домашней утварью: котлами, глиняными чашками, сосудами и вазами, а паласы и [прочие] пожитки исчезли. В некоторых же комнатах покоятся и люди. Словом, этот город в прошлом был одним из лучших городов этого края, но в настоящее время забыто [даже его имя]...»¹ И хотя сведения источника несколько преувеличивают достоинства и количество построек, они дают интересный материал по истории этого города и края в целом.

Свидетельства письменных источников дополняют данные нумизматики. Археологически установлено, что ни на одном городище Чуйской долины, тем более за ее пределами, не наблюдается такого обилия тюркешских монет, как на Ак-Бешиме. Несомненно, они отливались и более всего обращались в ставке хакана. Позже, для караханидского времени, известно свыше 30 монетных дворов в государстве илекханов, но почти нет монет с указанием монетного двора в форме Баласагуна². Зато есть масса монет, выпущенных в Орду и Куз-Орду³.

¹ Махмуд ибн Вали. Море тайн относительно доблестей благородных (география). Введение, перевод, указатели Б. А. Ахмедова. — Ташкент, 1977, с. 24.

² Единственную пока монету с проставлением наименования города в форме «Баласагун» удалось обнаружить Б. Д. Кочневу в составе клада серебряных караханидских дирхемов из Джамбула (средневековый Тараз), выпуска 404/1013—1014 г. от имени Кутб ад-Даула Ахмеда б. Али. См.: Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии, ч. 1. (Саманиды, караханиды, джаниды). ИМКУ, вып. 14.—Ташкент, 1978, с. 123—124.

³ Подробно об этом см.: Федоров М. Н. Баласагун при Караханидах (по данным нумизматики). — *Изв. АН Кирг. ССР*, 1975, № 2, с. 88 и след.

Находки золотых монет и многочисленных кладов, в том числе золотого чекана XII—XIII вв., зарегистрированных на Буране в гораздо большем количестве, чем на любом другом городище Северной Киргизии, свидетельствуют о крупной экономической роли этого города. Последнее обстоятельство отмечал еще В. В. Бартольд при посещении Бураны в 1894 г. Кстати, в кладе золотых монет, найденном в 1966 г., оказались кружки чекана хорезмшаха Мухаммеда и более раннего времени. Как полагает Б. Д. Кочнев, они были зарыты при нашествии монголов¹.

В пользу отождествления городища Бурана с Баласагуном могут свидетельствовать и местные эпиграфические памятники. Кроме известных надписей на сиротюркских несторианских надгробиях в пределах центральных развалин, по всей вероятности, на мусульманском кладбище, еще в конце XIX в. было поднято несколько кайраков с арабским текстом эпитафий. К сожалению, по литографии, помещенной в Трудах Восточной Комиссии², нельзя разобрать всего текста: хорошо читается лишь религиозная формула и имя Махмуда-хаджи.

Кайраки, выявленные на городище Бурана в 1965 и 1970 гг., находились когда-то на могилах шейхов, умерших в конце XII в., лиц именитых, паломников в оба священных для мусульман города; один из них именовался муфтием Востока и Чина, защитником равных себе, Ахмадом, сыном Мас'уда Нураллаха, умершим в 592/1194—1195 гг.³

В этой связи стоит упомянуть известное сообщение Мухаммеда Хайдера о развалинах Монара, его постройках и надписи на кайраке: «В стране Чу, — отмечено в «Та'рих-и Рашиди», — в одном месте есть следы большого города; его минареты, гумбезы и медресе в некоторых местах сохранились. Так как имени этого города никто не знает, то монголы его называют Монара. Кроме того, там есть купол и каменная плита, на которой почерком «наسخ» вырезана надпись: «Это — могила славнейшего имама, непреложного, совершеннейшего шейха,

¹ Кочнев Б. Д. Где же стоял Баласагун?..., с. 100.

² Трутовский В. К. О двух камнях с арабскими надписями..., с. 20, табл. VI.

³ Кочнев Б. Д. Где же стоял Баласагун?..., с. 99. (Перевод уточнен В. Н. Настичем).

обнимавшего в себе как созерцательные, так и опытные науки, знатока как ветвей, так и основ законоведения, имама Мухаммеда факиха Баласагунского; да не перестанет цвести на его могиле древо общения его с Богом, и да будут обращены на него вечно взоры мужей достойных. Скончался он в 711 г. Написал это кузнец Омар-хаджа»¹.

Тождество Монары с Бураной бесспорно, это мнение высказывалось давно². Кроме того, в Чуйской долине (в пределах Киргизской ССР) находки кайраков зарегистрированы лишь для Буранинского городища³.

Правда, по мнению Н. Ф. Петровского, Бурана не могла быть Баласагуном, так как не сохранилось могилы упомянутого имама и преданий о нем. Но если бы даже, заявил автор статьи, могила имама была найдена, то Баласагунским он мог бы называться и в чужом городе, где умер и погребен.

Эти аргументы неубедительны. Во-первых, упомянутый кайрак с могилы законоведа Мухаммеда мог не сохраниться по той простой причине, что на протяжении многих лет окрестное население вывозило кирпич и камни на строительные нужды; во-вторых, преданий об имаме могло и не быть, поскольку монголы, а позже и киргизы-кочевники на протяжении ряда столетий не исповедовали ислама. Одно из ярких подтверждений тому — забытое народом назначение минарета, воспринимаемого киргизами многие века как сторожевая башня.

То же самое можно сказать и о нисбе (или лакабе) законоведа Мухаммеда. Обычно нисба проставлялась для лиц приезжих, однако мы знаем немало исключений из этого правила. Например, Джемаль Карши, перечисляя в своем сочинении «Мулхакат ас-Сурах» именитых людей XI—XII вв., дает иногда двойную нисбу — и по месту рождения, и по месту погребения; в мавзолее Шах-Фазиль сохранилось три кайрака, принадлежащих погребениям шейхов, имеющих лакаб по месту жительства и погребения — «Исбидбулани» (см. ниже). В Касане же, например, стоит мазар шей-

¹ Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касимовских царях и царевичах, ч. II. — СПб., 1866, с. 162—163. Уточнение перевода см.: Бартольд В. В. Отчет о поездке в Среднюю Азию..., с. 55.

² Петровский Н. Ф. Башня «Бурана»... с. 354.

³ Бернштам А. Н. ошибочно отрицал наличие подобных эпиграфических памятников для Северной Киргизии. См.: Бернштам А. Н. Новые эпиграфические находки из Семиречья. — ЭВ, вып. 2, 1948, с. 12.

ха — сейида Ахмада Касани, где кайрак установлен даже не на могиле, а лишь в память о нем¹. В известном термезском мавзолее хранится мраморная плита, которую изготовили через много лет после смерти шейха, однако нисба проставлена по месту жительства «святого» суфия². На некоторых памятниках Азербайджана также зафиксирован факт указания нисбы лицам, умершим в родном городе³.

Открытие памятников монументальной культовой архитектуры, а также неоднократные находки надгробных камней на территории городища свидетельствуют в пользу приведенных сведений из «Та'рих-и Рашиди» о развалинах Монара-Бурана и локализации здесь исторического Баласагуна⁴.

В связи с этим считаем целесообразным привести некоторые еще не затронутые в литературе сведения по исторической топографии города, а также, в какой-то мере, и по истории Киргизии средневековой поры.

Решая вопрос о месте архитектурных памятников в планировке города, нельзя не отметить особое их положение. Возведение крепостных стен в центре города, в свою очередь обведенного двойным кольцом укреплений, — единственный пример для городищ Киргизии и других памятников Средней Азии. В то же время центральная часть города была мало обжита. Так как основная территория его имела свободную от построек площадь и в то же время была обнесена стеной, можно предположить, что центральная часть городища могла сло-

¹ Веселовский Н. И. Дагбид. — ЗВОРАО, т. III, вып. 1—2. — СПб., 1889, с. 89.

² Этот факт отмечен В. В. Бартольд как довод в пользу тождества Бураны с Баласагуном. См.: Бартольд В. В. Отчет о поездке..., с. 56, прим. 97.

³ Бретаницкий Л. С. Зодчество Азербайджана..., с. 427.

⁴ При раскопках так называемого четвертого мавзолея Бураны в 1979 г. М. Кубатбековым (руководитель отряда В. П. Мокрынин) был найден еще один средневековый надгробный камень с эпитафией арабским письмом. В. Н. Настич датирует его XIII — началом XIV в. Текст кайрака содержит сведения об умершем шейхе, сыне факиха-законоведа Мухаммеда ал'Умара ал-Баласагуни. В. Н. Настич отмечает заметную близость содержания этой надписи тексту надгробной плиты, описанной в «Та'рих-и-Рашиди». Речь идет безусловно о разных кайраках, посвященных соответственно разным лицам. Однако упоминание в обеих эпитафиях нисбы «ал-Баласагуни» еще раз подтверждает предположение о тождестве Бураны с Баласагуном.

жаться как загородная (или новая) резиденция тюркского князя Орду (Ордукента) около середины или во второй половине X в. Археологических материалов ранее X в. в центральной части городища не встречено, кроме тюркешских монет, которые обращались на местном рынке и в X—XI вв.

Строительство культовых мусульманских построек на территории ханской резиденции можно связать с принятием караханидами новой религии. Поскольку политика первых представителей этой династии была направлена на распространение и укрепление ислама среди тюрков, понятно, что бывшая столица тюркских каганов (Суяб — Орду) с ее буддийскими и христианскими храмами и кварталами, густонаселенным шахристаном не могла включить мусульманских построек, связанных с отправлением новой религии. То было время господства ислама на Востоке, и не было надобности превращать христианские церкви и языческие капища в мечети, как это практиковалось повсеместно в Средней Азии при арабском ее завоевании.

Поэтому представляется, что «Буранинская» резиденция, обнесенная крепостными стенами и ставшая заповедным ханским именем (куруком?) с середины X в., включала культовые постройки, связанные с отправлением мусульманских обрядов, — мечеть с минаретом, возможно медресе, а затем на этой площади стало формироваться династическое кладбище.

Археологические данные свидетельствуют о необычном сложении города Баласагуна. Как отмечалось выше, здесь нет привычных для раннесредневекового города частей: цитадели, густо застроенного шахристана и рабада. Основание города можно связать с постепенным переселением жителей города, расположенного на Ак-Бешиме, и их исламизацией, с новой политикой феодальной верхушки караханидов. Как отмечено О. Г. Большаковым в коллективной работе о средневековом городе Средней Азии, кочевая феодальная знать была заинтересована в расширении градостроительства и пополнении урбанизированного ремесленного населения — главной производительной силы, а в городских постройках имела источник постоянного дохода с недвижимости («мустагалл») ¹. Город Киргизии X—XII вв., как и повсеместно в Средней

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии, с. 352.

Азии, являлся административно-политическим центром; значительная часть крупных землевладельцев теперь проживала в городах.

Окончательное выяснение исторической топографии всей территории города на данном этапе — дело сложное. Однако можно предполагать, что формирование его происходило постепенно. Строительство внешних городских стен, как показали археологические разрезы в разных частях, приходится на конец X или начало XI в.; они возводились вместе с усадьбами феодалов в черте города. Сказать, отражали ли стены конфигурацию уже сложившейся застройки или сооружались произвольно до начала формирования города, пока трудно. Судя по другим поселениям Чуйской долины, они были возведены в качестве административной границы и для защиты городских построек вместе с окружающими их посевами, садами и огородами от врагов.

Для кого же предназначались вскрытые буранинские постройки? Археологические данные свидетельствуют о возведении их во второй половине X в. для минарета и в конце XI — начале XII в. — для мавзолеев. В предании о башне можно усматривать намек на строительство минарета (с мечетью) самим верховным правителем. Известно, что титул Арслан-хана в Баласагуне носили уже первые представители династии Караханидов. Отец ее основателя (Сатук Богра-хана) уже был владельцем Баласагуна и носил титул Арслан-кагана. Сам же Сатук, приняв ислам, начал «священную борьбу» с «неверными» тюрками, которую продолжил, будучи соправителем, его сын Муса. Победив в этой борьбе, Муса провозгласил себя Арслан-ханом и провел исламизацию всей страны в 349/960 гг. Вышеприведенные археологические факты и свидетельства письменных источников о Баласагуне позволили нам связать с этими событиями строительство самого города и его монументальных мусульманских построек. Стационарные раскопки, ведущиеся в настоящее время в центральной части городища Бурана, выявляют новые памятники культовой и гражданской архитектуры XI—XII вв.

...Раньше этот город был столицей Ферганы. Хорошая крепость...

(Захир-ад-дин Бабур, XV в.)

УЗГЕНД

Узген относится к числу древнейших городов Киргизии. Он расположен в восточной части Ферганской долины у западного склона Ферганского хребта, между реками Яссы и Кара-Дарьи, на высокой надпойменной террасе, расчлененной глубокими логами и искусственными рвами. Окрестности города изобилуют древними памятниками кочевников и оседло-земледельческих племен поры античности и средневековья. Наличие таких городищ, как Шурабашат, Дун-Булак, Северо- и Южно-Узгенских, Кулунчакских поселений свидетельствует о том, что Узгенский оазис является районом древней земледельческой культуры. Вместе с тем, здесь кочевали пастушеско-скотоводческие племена.

Местные жители именуют город Өзгөн и происхождение названия связывают с бурной Кара-Дарьей: «өзгөн» — значит «обгоняющая». Между тем, многочисленные средневековые авторы в своих сочинениях именуют столицу Ферганы XI—XII вв. Узгендом (Өзкендом, Узкентом или Узджендом в арабской транскрипции). По мнению В. В. Бартольда, этимологически термин отражает древнетюркское его происхождение и означает «наш собственный город»¹.

Следует отметить, что по словарю Махмуда Кашгарского «өз» имело значение собственности, а «кент» у большинства тюрков означало «округ». Поэтому можно предполагать, что в момент расселения тюрков в Фергане в VII—VIII вв. под этим наименованием подразумевался весь Узгенский оазис, и лишь впоследствии оно было закреплено за оформившимся городом. Уже для 30-х годов X в. имеется конкретное указание ал-Истахри о том, что «Узгенд — название города и в районе Узгендском другого города нет»².

¹ Бартольд В. В. Соч., т. V, с. 76.

В. А. Лившиц полагает, что это название города происходит от согдийского «уз» — «сердцевина», «середина» и «кент» — «селение».

² Материалы по истории киргизов и Киргизии, вып. I. — Л., 1973, с. 31.

КТО И КОГДА ИЗУЧАЛ УЗГЕНСКИЕ ПАМЯТНИКИ

Первые литературные сведения об Узгене и его архитектурных памятниках оставил нам русский географ А. П. Федченко, посетивший Туркестанский край в 1871 г. Это единственный из исследователей, как дореволюционных, так и советских, обративший внимание на огромные размеры старого города, где «на целых 15 верст распространяются древние развалины». Сведения об архитектурных сооружениях записаны им со слов местных жителей. О. Федченко зарисовала памятники Узгена¹.

Литографии двух уцелевших мавзолеев и минарета содержатся в работе Н. А. Северцова²; на основе этих данных памятники были описаны в вышеназванных изданиях Томского университета. В 1885 г. Н. И. Веселовский провел первые раскопки на городище, видимо в центральной его части, но о памятниках архитектуры в его работе даже не упоминается³.

Первые сведения аналитического характера об Узгене содержатся в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии за первый год его деятельности (1897 г.): даны обмеры минарета и определено назначение его при праздничной мечети, записаны легенды, сняты отски с нескольких надмогильных камней XIII—XIV вв., прочтены их эпитафии и часть надписи Южного мавзолея, дана краткая историческая справка о развитии города. В мазарах, по мнению Н. Г. Маллицкого, были погребены султаны из рода Чингизхана времен XIV—XV вв., что и определяет дату их сооружения⁴. К концу XIX в. относится также краткое описание памятников художником Н. Н. Щербиной-Крамаренко, который

¹ Федченко А. П. Из журнала заседания Отделения географии математической и физической, 10 декабря 1871 г. — Изв. РГО, т. VIII, № 1, — СПб., 1872, с. 8—9; его же. В Кокандском ханстве, тетрадь I. — Изв. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, т. XI. — СПб., 1875.

² Северцов Н. А. Орографический очерк Памирской горной системы. — Зап. РГО по общей географии, т. XII. — СПб., 1886, табл. XXIII—XXV.

³ Отчеты Археологической комиссии за 1882—1888 гг. — СПб., с. LXXIII—LXXIV.

⁴ ПТКЛА за второй год деятельности. — Ташкент, 1897. Приложение к протоколу от 16 октября 1897 г., с. 1—9.

посетил Узген во время своего путешествия по «святым местам» Средней Азии¹.

Таким образом, о памятниках Узгена и самом городе в до-революционное время был накоплен немалый фактический материал, вековая давность которого приобретает в наши дни особую значимость. Наследие туркестанских краеведов, путевые записки и зарисовки русских путешественников и ориенталистов послужили существенным подспорьем для советских исследователей при изучении древнего города.

В советское время мавзолей Узгена многократно подвергались архитектурно-искусствоведческому и археологическому изучению в связи с ремонтно-восстановительными работами, осуществленными Среднеазиатским комитетом по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Средазкомстарисом) в период 1924—1928 гг. и Центральными государственными реставрационными мастерскими Главнауки Народного Комиссариата просвещения РСФСР в 1928—1929 гг. Строительные работы осуществляли самаркандские мастера Акрам Умаров и Шамсиддин Гафуров.

В многочисленных публикациях архитектора Б. Н. Засыпкина, искусствоведа Б. П. Денике, участника реставрационных работ журналиста П. Корнилова отражены итоги реставрационных работ тех лет, дан анализ строительного материала и декоративного убранства, проведены аналогии и датировка памятников Узгена.

Исследования Б. Н. Засыпкина до настоящего времени остаются наиболее полными архитектурно-искусствоведческими работами по памятникам Узгена, для которых он ввел условные обозначения (Северный, Средний и Южный), утвердившиеся в литературе². На основе изучения конструктивных

особенностей памятников Б. Н. Засыпкин пришел к выводу, что Средний мавзолей — наиболее ранний и мог быть построен для основателя Караханидской династии в Мавераннахре — илека Насра, т. е. в самом начале XI в. Этот мавзолей, по мнению исследователя, представляет пример перехода от центральных мавзолеев к порталным, классическими образцами которых можно считать Северный и особенно Южный мавзолей. Однако автор видит в них «отражение чисто мусульманского искусства», а в декоративном убранстве порталов и в самом появлении пештака — тюркский элемент¹.

Правда, в последней своей (не опубликованной) работе Б. Н. Засыпкин несколько пересматривает эту точку зрения. Наиболее детально анализу подвергся Средний мавзолей, который, как пишет автор, мог быть построен над могилой какого-нибудь «мистика», а вокруг него уже группировались последующие усыпальницы. В момент пристройки Северного и Южного мавзолеев Средний лежал уже в развалинах.

Б. П. Денике в работе «Искусство Средней Азии» подверг искусствоведческому анализу декор узгенских памятников, уделив главное внимание минарету, который датировал эпохой Караханидов XI—XII вв.² П. Корнилов ограничился лишь общим описанием памятников и кратким изложением результатов восстановительных работ, широко отраженных в публикациях Б. Н. Засыпкина³.

В монографии о среднеазиатских памятниках немецкого ученого Э. Кон-Винера, побывавшего в Средней Азии в 1924—1925 гг. (однако в самом Узгене автор не бывал), Узгенские памятники описаны и датированы по публикациям и отчетам Б. Н. Засыпкина⁴.

Археологические исследования у мавзолеев и предварительное археолого-топографическое изучение городища проводил М. Е. Массон, который впервые составил схематический план Узгенда и установил факт передвижения жизни города, час-

¹ Щербина-Крамаренко Н. По развалинам Средней Азии. — Зодчий, 1896, № 5, с. 38; его же. По мусульманским святыням Средней Азии. (Путевые заметки и впечатления). СКСО, т. IV. — Ташкент, 1896, с. 57 и след.

² Засыпкин Б. Н. Изучение древних сооружений Средней Азии. — Новый Восток, 1925, № 10—11, с. 257—271; его же. Памятники архитектуры в Средней Азии и их реставрация. — В сб.: Вопросы реставрации, вып. I. — М., 1926, с. 154—159; его же. Памятники Узгена. — М., 1927; его же. Архитектурные памятники Средней Азии. Проблемы исследования и реставрации. — В сб.: Вопросы реставрации, вып. II. — М., 1928; его же. Архитектурные памятники Ферганы. — В сб.: Искусство Средней Азии. РАНИОН. — М., 1930; и др.

¹ Засыпкин Б. Н. Архитектурные памятники Ферганы, с. 62—63.

² Денике Б. П. Искусство Средней Азии. — М., 1927, с. 15—22.

³ Корнилов П. Е. Изучение памятников Средней Азии. — Казань, 1930; его же. Узгенд и его памятники. Из поездки 1928 г. — Казань, 1931.

⁴ Conh-Wjener E. Turan, Islamische Baukunst in Mittelasien. — Berlin, 1930, с. 16—20.

тично занявшего территорию средневекового поселения, к северо-западу. Тогда же им были прочтены 28 кайраков с четырех кладбищ Узгена, датированных XI—XIV вв.¹, надписи и дата на портале Северного мавзолея², чтение надписей уточнил А. Ю. Якубовский, побывавший в Узгене в те годы³. Не ограничиваясь разбором и анализом надписей Северного мавзолея, он рассматривает на их основе вопросы историко-культурного прошлого края, в частности распространение арабского, персидского и тюркского языков и традиций в пору раннего средневековья.

Большую работу по историко-археологическому изучению памятников Узгена провел А. Н. Бернштам. Результаты его исследований в 1941, 1944—1945 гг. изложены в ряде трудов и публикаций, отражающих историко-культурное прошлое Ферганы с древнейших времен до XIX в.⁴ А. Н. Бернштам проводил раскопки непосредственно у мавзолеев на городище. Он впервые осуществил комплексный подход к изучению городищ и памятников архитектуры. Однако после разведывательных раскопок на трех шахристанах у автора сложилось ошибочное мнение, что Узген существовал с эпохи кушан до XIX в. Вслед за Н. Г. Маллициким он сопоставляет его с городом Ю, а в топографическом отношении рассматривает шахристаны как комплекс разновременных поселений, оставленных различными этническими компонентами. Эта точка зрения А. Н. Бернштама позже была пересмотрена Ю. А. Заднепровским (см. ниже).

Раскопки, ограничившиеся заложением двух шурфов у оснований Среднего и Южного мавзолеев, осуществлялись при участии Н. М. Бачинского. Исследователи пришли к заключению, что Средний мавзолей был построен в конце X, либо в начале XI в. на заброшенном участке шахристана, превра-

¹ Массон М. Е. Рец.: Засыпкин Б. Н. Памятники архитектуры в Средней Азии..., с. 236, прим. 4.

² Отчета М. Е. Массона не сохранилось. См.: Умняков И. И. Археологическая и ремонтно-восстановительная деятельность..., с. 267.

³ Якубовский А. Ю. Две надписи на Северном мавзолее в г. Узгене. — ЭВ, вып. I. — М. — Л., 1947, с. 27—32.

⁴ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии..., с. 48—85, его же. Древняя Фергана. — Ташкент, 1951; его же. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая. МИА, № 26. — М.—Л., 1952, с. 253—262.

щенного в кладбище лишь с конца XII в.¹ А. Н. Бернштам высказал мнение о влиянии тюркских кочевнических традиций на развитие портално-купольной композиции мавзолеев Узгена, связывая происхождение купола с искусством изготовления юрты, а портала — с развитием ее резной двери, и тем самым утверждая «тяньшаньское происхождение порталной архитектуры в Средней Азии»². Обе эти точки зрения А. Н. Бернштама в настоящее время не могут быть приняты. Таким образом, хотя в работах А. Н. Бернштама решены многие вопросы, связанные с происхождением культуры и традициями искусства киргизского народа, некоторые из проблем средневекового зодчества и градостроительства должны быть пересмотрены.

Для нужд практической реставрации Среднего Узгенского мавзолея имеет значение опубликованный в очередном сборнике «Архитектурное наследство» проект, исполненный сотрудниками научно-реставрационных производственных мастерских Узбекистана на основе обмеров и фотофиксации памятников. Эта публикация несомненно представляет дальнейший шаг в изучении мавзолеев, однако она не лишена неточностей: фланкирующие углы полуколонны показаны трехчетвертными, перепутан порядок расположения декора на юго-восточном фасаде³.

Вновь полученные данные археологического изучения городища содержатся в трудах Киргизской комплексной археолого-этнографической экспедиции (ККАЭ). Ю. А. Заднепровский пришел к выводу, что расположение города на четырех площадках объясняется последовательным расширением его территории; основная и, возможно, ранняя часть Узгенда находилась на центральном городище — Узген-II (именуемом у населения Орто-курган. — В. Г.) и была обжита в IX—X вв. Город Ю, по справедливому мнению автора, следует сопоставлять с другим городищем оазиса. Однако предложенный Ю. А. Заднепровским схематический план города немного

¹ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 254, рис. 109—110.

² Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии, с. 129—136.

³ Крюков К. С. Реконструкция Среднего Узгенского мавзолея. — В сб.: Архитектурное наследство, вып. 16. — М., 1967, с. 165—173.

отличается от плана А. Н. Бернштама: указана еще одна площадка шахристана с западной стороны¹.

Архитектурные памятники Узгена отражены в ряде публикаций архитектора В. Е. Нусова, автора проектов реставрации памятников, разработанных им по итогам обследования Узгенского архитектурного комплекса (в 1941, 1948 и 1950 гг.)² В части архитектуры концепции и выводы автора базируются на исследованиях Б. Н. Засыпкина, а в отношении историко-археологического изучения памятников — на работах А. Н. Бернштама. Работы В. Е. Нусова, ценные как материал для пропаганды культурного наследия, не лишены недостатков по части датировок, археолого-архитектурного описания, исторической ситуации сложения ансамблей.

С практической реставрацией связаны и археологические работы 1962—1963 гг., проведенные Е. З. Зауровой. Ею были вскрыты четыре десятка погребений в Северном и Южном мавзолеях, заложено два шурфа у фундамента, зачищено несколько хозяйственных ям на дне котлована, давших керамический материал караханидского времени³.

Памятники Узгена, как шедевры монументального искусства народов Советского Востока, получили отражение в многочисленных публикациях исследователей архитектуры, декоративного искусства, эпиграфики, в брошюрах и научно-популярных очерках⁴.

¹ Заднепровский Ю. А. Археологические работы в Южной Киргизии. — Тр. КАЭЭ, т. IV. — М., 1960, с. 245—248.

² Нусов В. Е. Вопросы реставрации памятников архитектуры Киргизии. Тр. ФПИ, вып. 4. Строительство. — Фрунзе, 1961, с. 8—18; его же. Памятники архитектуры Киргизстана, с. 22—24; его же. Архитектура Киргизии с древнейших времен..., с. 17—35.

³ Материалы опубликованы частично. См.: Горячева В. Д., Заурова Е. З. Археологическое изучение Узгенских мавзолеев. — В сб.: Страницы истории и материальной культуры Киргизстана (досоветский период). — Фрунзе, 1975, с. 142—147.

⁴ Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии. — М., 1939; Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана, с. 142, 157, 227—228; Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана, с. 223 и след.; Гражданкина Н. С. Некоторые способы повышения сохранности гипсового декора в памятниках XI—XIII вв. — ИМКУ, вып. 4. — Ташкент, 1963, с. 129, 136; Крачковская В. А. Эволюция кувфического письма в Средней Азии. — ЭВ, вып. III. — М.—Л., 1949, с. 19—20; Прибыткова А. М. Конструктивные особенности среднеазиатских минаретов, с. 202; ее же. О

Археологические работы Узгенского отряда (1970—1971 гг.) под руководством Д. Ф. Винника были продиктованы необходимостью реставрационных работ. Со стороны фасадов мавзолеев до уровня древней поверхности был расчищен культурный слой, открыты остатки примыкающих к мавзолеям сооружений и могил, вскрыты погребения внутри Среднего мавзолея, обнажены цоколи по всему периметру зданий, заложены шурфы для выяснения конструкции оснований мавзолеев, зачищено несколько хозяйственных ям — X—XII вв., оказавшихся под мавзолеями.

В 1971—1972 гг. автором данной работы исследована территория узгенской округи с целью выяснения границ средневекового города, его топографической структуры, а также истории сложения архитектурного комплекса и гуристана, с которыми органически связаны мавзолей и минарет.

Обобщая краткую историографическую справку об Узгенском комплексе, можно сказать, что если в архитектурно-искусствоведческом плане памятники исследованы сравнительно хорошо, то в историко-археологическом — явно недостаточно. При изучении истории сооружения мавзолеев и минарета лишь частично привлекались историко-топографические данные, в том числе материалы обследования округи современного города, кладбища и местных эпиграфических памятников (кайраков) и совершенно недостаточно использованы сведения средневековых авторов и фольклорный материал, хорошо представленный в разного рода публикациях. Все эти вопросы мы и постарались осветить.

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ И ПРЕДАНИЯ ОБ УЗГЕНЕ

Положение Узгена в центре оазиса на древнем караванном пути из Мавераннахра в Восточный Туркестан благоприятствовало его культурному и экономическому развитию. Средневековые письменные источники достаточно хорошо освещают его историю на различных этапах жизни. Так, по сообщению Ибн Хордадбега и Кудама ибн Джаф'ара, Узгенд

застройке городов Средней Азии..., с. 160—163; Петраш Ю. Г. «Святые» места обмана. — Фрунзе, 1965, с. 22—29; его же. «Священный» обман. — Ташкент, 1965, с. 34—41; и др.

в IX в. принадлежал дихкану Чур-тегину, тюркскому князю, владения которого простирались и далее на восток и на север. Авторы X—XI вв. сообщают о местоположении Узгенда в Восточной Фергане на границе с тюрками (имеются в виду тюрки, не принявшие ислама.— В. Г.), в Миян-Руданском округе со столицей в Хайламе (Хатламе — по «Худуд ал-'алам» и Хайраламе — по ал-Мукаддаси)¹. О самом Узгенде Ибн Хаукаль пишет следующее: «Узгенд по величине равняется двум третям Оша... имеет цитадель, шахристан и рабад, в котором размещены базары. Узгенд — торговый пункт у преддверия владения тюрков. Возле него лежат сады и текут каналы...»².

Ал-Мукаддаси дополняет его сведения: «У ворот Узгенда имеется река, которую надо переходить вброд, так как у нее нет моста. Предместье окружено стеной (выделено нами.— В. Г.). Шахристан города густо заселен, в нем имеются базары, соборная мечеть и цитадель. Вода подходит ко всем частям города. У Узгенда четверо ворот, и я не знаю, чтобы где-либо в этой области во внутреннем городе была цитадель, кроме этой»³.

Автор анонимного сочинения «Худуд-ал-'алам» сообщает, что «Узгенд — город на границе между Ферганой и тюрками. По его краю проходят две реки, одну называют река Табагар, [она] течет с [гор] Тибета, а другую называют Барсхан и она течет из области халлухов»⁴. Очевидно, под рекой Табагар можно подразумевать Кара-Дарью, образующуюся из основных двух ее притоков: Тар и Каракульджи. Река же Барсхан, которую тот же автор называет в другом месте рекой Узгенда, — это река Яссы, хотя вернее было бы полагать главным истоком Сыр-Дарьи реку Нарын. Однако в «Худуд ал-'алам» под рекой Узгенда подразумевается именно Яссы, поскольку

¹ Наиболее подробная сводка сведений об Узгенде приведена в трудах В. В. Бартольда и О. Караева. См.: Бартольд В. В. Фергана. — Соч., т. III. — М., 1965, с. 531 и след.; Караев О. Арабские и персидские источники IX—XII веков о киргизах и Киргизии. — Фрунзе, 1968, с. 80—82.

² Бетгер Е. К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу-л-Касыма ибн Хаукаля. — Тр. САГУ, новая серия, вып. CXI. Исторические науки, кн. 25. — Археология Средней Азии. IV. — Ташкент, 1957, с. 26.

³ Караев О. Арабские и персидские источники..., с. 81.

⁴ МИКК, вып. I, с. 45.

из Узгенда через перевал Яссы шел прямой путь в город Барсхан, принадлежавший до X в. карлукам¹.

Истахри, говоря об Узгенде, повторяет данные Ибн Хаукаля, но добавляет сведения о наличии в нем бустанов и проточных вод. Здесь же он пишет, что «во всем Мавераннахре нет более обширных селений и деревень, чем селения Ферганы. Есть селения, которые имеют один фарсах (около 6—7 км.— В. Г.) в длину и [столько же] в ширину, в них много людей и выючных животных и обильные посевы»². Эти сведения косвенно касаются и топографии Узгенда.

Сведения письменных источников XI—XIII вв. очень скудны. Узгенд упоминается лишь как резиденция первых караханидов и столица Мавераннахра начала XI в., а со второй половины XI в. — как столица Ферганского удела вплоть до падения государства Караханидов.

Иакут, используя сведения Самани, в своем знаменитом географическом «Словаре стран» (XIII в.) пишет, что Узкенд принадлежит области Ферганы. «...Его называют также Узджент. Мне сообщили, что [слово] «кенд» на языке жителей той страны имеет значение «деревня»... Узкенд — последний из городов Ферганы в направлении области войны [с немусульманами]. У него есть стена, кухендиз и несколько ворот. К нему [прилегает] рынок тюрков. В нем сады и проточные воды...» Далее автор сообщает о том, что из Узкенда происходит родом группа известных в его время людей, среди которых Али ибн Сулайман ибн Дауд ал-Хатиби Абу-л-Хасан ал-Узкенди³.

О постройках Узгенда и его именитых людях упоминает Джемаль Карши. В частности, он говорит о могиле — «мешхеде» — предпоследнего илека, которой поклонялись уже во второй половине XIII в., а также о могилах узгендских садров из рода Бурханидов, о соборной мечети города, расположенной таким образом, что ее двери были обращены к базарным лавкам⁴.

¹ Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 1, с. 38.

² МИКК, вып. I, с. 31.

³ Муеджам ал-булдам (словарь стран) Иакута /Пер. Фроловой О. Б. — МИКК, вып. 2 (в печати).

⁴ Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. 1. Тексты. — СПб., 1898, с. 80—81. Перевод В. Н. Настича.

Некоторые сведения об Узгенде можно почерпнуть из «Записок» Захир-ад-дина Бабура, который называет его хорошей крепостью. В миниатюрах к рукописи «Бабур-наме» имеется иллюстрация сражения под Узгендом в 1494 г., где отчетливо видны отдельные части города, обнесенные кирпичными крепостными стенами с башнями и парапетами. Однако в числе восьми городов Ферганы XV—начала XVI в. Узгенд уже не упоминается¹.

В процессе полевых исследований на территории городища в 1971—1972 гг. мы старались возможно полнее записать историю Узгена в том виде, как она сохранилась в памяти старожилов². Сведения эти нам кажутся интересными и заслуживающими внимания. Передаваемые из поколения в поколение узгенские легенды³ и предания сохранили отзвук реальных событий. Говоря о былом величии города, старожилы подкрепляли свои рассказы ссылками на реальные находки и остатки построек, разбросанных по всей площади современного города и за его пределами.

По преданию, Узген возник до утверждения ислама в Фергане и наивысшего расцвета достиг при Султানে, который якобы и построил мавзолей и минарет с мечетью более 800 лет назад. В городе того времени было много красивых построек, в том числе десятки бань, хаузов, разветвленная сеть водопровода.

Город представлял собой крепость с четырьмя воротами в крепостных стенах, от которых по всей Фергане, в направлении Самарканда и Кашгара расходились десятки дорог. Восточные ворота назывались «Калмак-кыя», центральные —

¹ Миниатюры рукописи «Бабур-наме». — М., 1960. л. 5; Бабур Захир-ад-дин. Бабур-наме. (Записки Бабура). — Ташкент, 1958, с. 16-а и др.

² Были опрошены старики: А. Буамергенов (91 год); Ж. Касап (89 лет); Д. Данияров (79 лет); Э. Карьев (71 год); А. Мадазимов (90 лет); Х. Матказимов (77 лет); М. Мамаджанов (83 года); Д. Юлчиев (75 лет) и др. В переводе сведений большую помощь оказал учитель истории кызыл-бойрокской школы К. Абдурахманов, за что автор выражает ему признательность.

³ Подробно эти легенды записаны: К. Караффа-Корбут. Узгенская легенда. ПТКЛА за первый год его деятельности. — Ташкент, 1897. Приложение к протоколу от 16 октября 1897 г., с. 3—4; Лыкошин С. Н. Полжизни в Туркестане. Очерк быта туземного населения, вып. 2. — Пг., 1917, с. 303; Бетгер Е. К. Вариант легенды о Клыч-Бурхан-ад-дине Узгенском. ТОРГО, т. XVII. — Ташкент, 1924, с. 141.

«Дарваза-агзы» (место на углу нынешних улиц имени Ленина и Красноармейской называется так до сих пор). Западные ворота города находились якобы около нынешнего села Кулунчак, а северные — за рекой Яссы.

Узген, по преданиям, был крупным торговым центром Ферганы, куда стекалось на праздничный торг все население оазиса, а кочевники пригоняли скот. На праздничный торг съезжались купцы из всех стран «мира». На восточной окраине города располагался «Чапан-базар», на западной — «Бахмал-базар», где торговали бархатом. На «Байро-базаре», в районе современного села Ильичевки, продавали циновки. Самым крупным считался вьючный рынок «Артыш». Много базаров было внутри города.

Согласно легенде, сохранившиеся мавзолеи сооружены для сыновей Султана Илек-и и Санджар-и Мазы и их матери, похороненной в Среднем, наиболее древнем гумбезе. У В. В. Бартольда имеются сведения со ссылкой на Джемаля Карши, что в мавзолеях погребен шейх Бурхан-ад-дин Клыч со своими родителями. Однако современные жители указывают мазар Клыч-Бурхана на другом средневековом кладбище. Справедливый и сильный Клыч-Бурхан якобы спас Узген и его жителей от чудовища-дракона, пожиравшего девушек города, но в поединке с ним погиб сам. На этом месте он будто бы и похоронен. В памяти жителей сохранились имена многих улемов и хафизов средневековой Ферганы.

Все опрошенные старожилы, говоря о минарете, связывают его с комплексом мечети и медресе, восстановленным уже в новое время андижанским правителем Араб-баем, которому принадлежал вакф на узгенские сооружения. При султানে Бабуре, по сведениям информаторов, город уже не имел прежнего значения и вскоре превратился в кишлак. С приходом калмаков (т. е. джунгаров) он совсем прекратил существование. Двести лет, по их рассказам, пустовал город, а затем люди стали возвращаться и обживать пойму Кара-Дарьи (район современного Нижнего Узгена). На месте древнего города люди стали селиться вновь лишь с конца XIX в.; нередко они использовали под дома фундаменты старых построек. И действительно, на литографии 1886 г., помещенной в работе

Н. А. Северцова¹, вокруг архитектурных сооружений не заметно никаких признаков жизни, в то время как на фотографии 1896 г. уже имеется базарчик, именуемый «новым»². Эти сведения согласуются с данными археологии.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ РАСКОПКИ

Узгенский архитектурный ансамбль включает три построенных впритык мавзолеев с вытянутыми в одну линию фасадами и отдельно стоящий минарет в ста метрах к северу от усыпальниц. Все сооружения расположены на территории опустевшей части внутреннего города (шахристана IV), в восточной половине действующего и поныне кладбища. Мавзолеи представляют собой тип центральных киосков с порталами, четко выделенными в юго-западных фасадах, обращенных к реке.

По мнению Б. Н. Засыпкина, наиболее ранний — Средний мавзолей лежал в руинах, когда к нему пристроили два других. Только этим можно объяснить тот факт, что западная угловая колонна Среднего мавзолея была включена в портал Северного. При постройке Южного мавзолея его западная угловая колонна была поставлена на месте разрушенного угла Среднего мавзолея. Это обстоятельство навело Б. Н. Засыпкина на мысль, что в Среднем мавзолее был похоронен не представитель династии, а духовное лицо, хотя в другом месте рукописи он говорит о назначении его как дарваза-хона³.

Средний мавзолей имеет в плане правильный квадрат с длиной сторон 8,45 м по внутреннему периметру и 12,5 м — по внешнему. Все четыре угла его фланкированы полуколоннами⁴ диаметром 0,9—1,2 м с различными узорами кирпичной выкладки. Возможно, первоначально южная полуколонна имела такой же рисунок кладки из набора тесаных кирпичиков,

¹ Северцов Н. А. Орографический очерк Памирской горной системы, табл. XXIII—XXV.

² Домбровский С. В. Древняя башня (минарет) в селении Узгент Андижанского уезда. ПТКЛА за первый год его деятельности. — Ташкент, 1897. Приложение к протоколу от 16 октября 1897 г., с. 1—2.

³ Засыпкин Б. Н. Выдающиеся памятники...; ЦГА Уз. ССР, ф. 2406, оп. 163, л. 33—38.

⁴ В публикациях А. Н. Бернштама, В. Е. Нусова, К. С. Крюкова о памятниках Узгена эти полуколонны именуется трехчетвертными колоннами.

как восточная. И, если южная полуколонна этого мавзолея была разобрана, то западная осталась нетронутой при возведении Северного мавзолея, и по ее образцу были выложены другие, но уже трехчетвертные колонны.

Необычный по своим конструктивным особенностям мавзолей был определен Б. Н. Засыпкиным как дарваза-хона, обрамляющая вход на фамильное кладбище. Именно этим он ошибочно объяснил наличие двух обработанных декором фасадов. Но в действительности, как установила А. М. Прибыткова, первоначально мавзолей имел не два, а четыре входа, причем вход в северо-восточной стене еще в древности был заложен до середины ее толщины и изнутри образовалась ниша, перекрытая аркой¹.

Во время раскопок выяснено, что каменная кладка фундамента под всеми четырьмя стенами внутри усыпальницы одинакова и составляет 4—5 рядов. С внешней же стороны юго-западного и юго-восточного фасадов выведен цоколь в виде четырех рядов тесаного камня на ганчевом растворе. Интересно, что фундамент покоится не на глиняной подушке, как в других мавзолеях, а на материковом лессе без следов какой-либо забутовки или платформы под здание. Кладка фундамента — на глиняном растворе.

Наличие же двух декоративных фасадов усыпальницы (вместо задуманных по проекту четырех) можно связать с катастрофой в момент отделки здания: мавзолей несет явные следы разрушения от сейсмических толчков, причем направление ударных волн было с юго-запада². Видимо, это обстоятельство заставило зодчих, возводивших впоследствии Северный мавзолей, ввести глинобитные подушки в котлованах под пять фундаментов, увеличить толщину стен и значительно уменьшить размеры других усыпальниц, а вместе с тем — и пролет купола, т.е. использовать все принятые в средневековой строительной практике антисейсмические приемы, не предусмотренные при возведении Среднего мавзолея.

Юго-восточная стена Среднего мавзолея была богато орнаментирована резными кирпичиками, ганчем в сочетании с фигурной кладкой кирпича. Облицовочный слой был приморожен

¹ Прибыткова А. М. О застройке городов Средней Азии..., с. 173—174.

² Засыпкин Б. Н. Выдающиеся памятники..., л. 34.

слоем ганча к черновому телу кладки. При сравнении декора юго-восточного фасада Среднего мавзолея и портала Северного нельзя не заметить поразительного сходства в его компоновке. И там и тут наличествуют в определенном порядке колонны, выкружки, пояса фигурных кладок в сочетании с ганчем, введение резной штукатурки в софиты входной арки, разделяющие жгуты из резных кирпичиков. Только в Северном мавзолее вместо набора кирпичиков введена уже более прочная резная терракота. По всей вероятности, в Среднем мавзолее выкружки и пояса располагались так же, как и в Северном.

Юго-западный же фасад Среднего мавзолея сохранил фрагмент орнаментальной кладки — возможно, от надписи, — из тщательно подтесанных резных кирпичиков, которая издали воспринимается как терракота. Удивительно, что она не отмечена исследователями, а между тем этот факт говорит в пользу более поздней датировки сооружения, а именно концом XI — первой половиной XII в., поскольку в зодчестве Мавераннахра и Ферганы специальные виды керамической облицовки (резные, пиленые, шлифованные и специально формованные декоративные детали) получают исключительное развитие с конца XI — начала XII в.¹

К этому виду декора относятся и кладки, имитирующие терракоту. Наличие облицовочной рубашки, не связанной конструктивно с черновым телом стены, как и у других узгенских мавзолеев, характер резной ганчевой штукатурки, имитирующей парную кладку кирпича в интерьере Среднего мавзолея, также сближают его с памятниками XI—XII вв. Характерно, что этот так называемый «кирпичный стиль» ступковой декорации отмечался исследователями для Среднего мавзолея как наиболее ранний пример его применения в зодчестве Средней Азии. Нам думается, эта точка зрения должна быть пересмотрена в пользу более позднего времени, а именно рубежа XI—XII вв.

В процессе археологических раскопок вокруг мавзолеев² по трем сторонам (кроме юго-восточной) были найдены

¹ Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент Узбекистана..., с. 157; Гражданкина Н. С., Рахимов М. К., Плетнев Н. Е. Архитектурная керамика Узбекистана. — Ташкент, 1968, с. 17.

² Винник Д. Ф. Работа Узгенского отряда. — В сб.: Археологические открытия 1970 года. — М., 1971, с. 424.

фрагменты архитектурной терракоты и резного штука, отличающиеся по технике исполнения и мотивам орнаментов от подобного декора исследуемых мавзолеев. С тыльной стороны усыпальниц было зачищено несколько кладок из жженого и сырцового кирпича, свидетельствующих о том, что кроме этих трех мавзолеев существовали и другие сооружения. Но судить о назначении их пока не представляется возможным.

До раскопок 1962 — 1963 и 1971 гг. на глинобитных полах мавзолеев стояли «надгробия» — сагона позднего происхождения. Вдоль стен были устроены неширокие суфы, забитые строительным мусором, среди которого встречаются куски терракоты и ганча. Всего в мавзолеех было вскрыто шесть десятков могил: 20 погребений в Северном, 28 — в Среднем и 12 — в Южном мавзолее. Все захоронения были под полами, причем произведены в разное время, поэтому первые могилы были потревожены последующими. Среди конструкций могил можно выделить три основных типа: ямные, ящичные и подбойные.

Могилы первого типа наиболее распространены, они представляют собой прямоугольную или трапециевидную в плане одноярусную яму, перекрытую сверху бревнышками или плахами. Как вариант этого типа встречаются могилы двухъярусной конструкции, где яма сужается к середине двумя ступенями, образуя узкую щель для покойника. На уровне ступеней могила перекрывалась деревянными плахами, поверх которых насыпалась земля.

Второй тип — погребения в кирпичных ящиках-склепах, которые называют еще цистами. Могилы этого типа представлены более всего в Среднем мавзолее. Сверху ящик перекрывался деревянными плахами (в одном случае использованы керамические трубы — кубуры) или кирпичными сводками.

В указанных погребениях дно ямы или ящика иногда посыпали песком или делали деревянный настил. В девяти могилах обнаружены остатки гробов. Все гробы имели трапециевидную в плане форму и были сколочены из досок. Углы гробов скреплялись железными скобами, имеющими листовидное или полукруглое окончание. В погребении 7 Северного мавзолея на крышке гроба сохранились четыре кованых кольца по углам.

Третий тип — захоронения с подбоем, так называемый ляхадный тип могил. Всего вскрыто три подобных погребения в Южном мавзолее. Они представляют собой прямоугольные в плане ямы с подбоем в западной стенке. Лаз в ляхад закрыт перегородкой из сырцовых кирпичей, уложенных в перевязку швов. Все могилы и, соответственно, костяки в них вытянуты по оси усыпальниц, т. е. северо-запад — юго-восток. Черепа повернуты лицом на юго-запад, (на «кыблу»), на запад или же вверх. Кисти рук либо вытянуты вдоль костяка, либо сложены в области грудной клетки, или одна рука вытянута, а другая положена на грудь.

Во вскрытых могилах не обнаружено погребального инвентаря, за исключением погребения 7 в Южном мавзолее, где в гробу у косточек лица лежал стеклянный колбообразный сосудик, в древности, возможно, наполненный ароматическим маслом. По мнению профессора М. Е. Массона, погребенный совершил хадж в Аравию, а в сосуде была «святая» вода из Мекки.

В трех могилах Среднего мавзолея была мелкая галька из белого кварца, которая могла служить кумалаками (камешками для гадания). Подобные находки были зарегистрированы в курганных погребениях ранних кочевников Семиречья¹.

Все три типа могил, правда, в более архаичном виде, практиковались древними кочевниками и полуоседлым населением на территории Киргизии, Казахстана и Ферганы еще с эпохи бронзы. Происхождение ляхадного типа могил некоторые исследователи связывают с коренными арабами, которые насаждали этот способ погребения мусульман в покоренных странах. Однако в Киргизии он перекликается с издавна практиковавшимися здесь подбойно-катакомбными погребениями. Пожалуй, в подобной конструкции узгенских могил следует усматривать трансформацию этого древнего обряда погребения.

Исследователями доказано, что в древней Фергане могли одновременно иметь место различные способы погребения и конструкции могильных сооружений². Это заключение под-

¹ Кушаев Г. А. Раннекочевнические курганы в районе городища Бабаата. — Тр. ИИАЭ АН Каз. ССР, т. 7. — Алма-Ата, 1959, с. 246—247.

² Литвинский Б. А. Курганы и курумы Западной Ферганы. — М., 1972, с. 57—73 и др.

тверждается примером погребений узгенских, да и буранинских мавзолеев, где в одной усыпальнице встречается по крайней мере три типа могил, в которых захоронения произведены с соблюдением мусульманского обряда, хронологически в одно и то же время — XI—XIV вв.

У самого фундамента внутри Среднего мавзолея были зачищены две ямы: первая — мусорная, ее глубина 5 м, диаметр 0,8 м, заполнение состоит из глины, золы, фрагментов керамики и стекла, обломков кирпичей, скорлупы яиц, костей животных и курицы; почти на самом дне найдена монета. Вторая, по-видимому, хозяйственная; ее диаметр сверху 0,9 м, внизу — 1,3 м, глубина — 1,9 м. Заполнение ее такое же. Обе ямы были вырыты до сооружения мавзолея и частично сняты при планировке территории под мавзолей. Интересно, что вся керамика, выбранная из них, датируется X—XII вв.¹

Таким образом, археологические данные свидетельствуют также о более позднем строительстве Среднего мавзолея, а не в начале XI в.

Археологические исследования у минарета велись нами в 1972 г. Они были ограничены заложением шурфов и разведывательной борозды на городской площади современного города, на месте предполагаемой средневековой мечети. В непосредственной близости от минарета (но за пределами охранный зоны памятника) раскопки ничего не выявили.

Разведывательная борозда длиной 15 и шириной 1,2 м была заложена в 62 м к югу от минарета. На поверхности это место было отмечено большим скоплением кирпича и туфа. При раскопках сразу же за дерном в нескольких местах зачищены остатки кладок из жженого кирпича на ганчевом растворе. В кладке использован средневековый кирпич квадратного формата со стороной 24 см при толщине 4,5 см, хотя остатки сооружения относились к более позднему времени.

В середине I—II ярусов раскопа почти на всем его протяжении идет слой ганча в направлении восток — запад, давая четкую границу верхнего строительного горизонта позднефеодалного времени. Ниже сохранились остатки кладок стен из

¹ Винник Д. Ф. Работа Узгенского отряда..., с. 424; его же. Отчет о полевых исследованиях Узгенского археологического отряда в 1970 г. Рукопись, с. 3—4. (Архив СНРПМ Министерства культуры Киргизской ССР).

жженого кирпича на глиняном растворе. Стены возведены на фундаменте из плит обработанного камня — туфа и прослоек битой глины. Общая ширина фундамента — 1,7 м, высота — 0,7 м. Под него устраивалась глинобитная подушка из чередующихся пластов утрамбованной глины в котловане, вырытом в материковом лёссе. Таким образом, устройство основания постройки совершенно аналогично конструкции фундаментов Северного и Южного мавзолеев.

Остатки стен ориентированы по оси северо-запад — юго-восток. В восточном торце борозды зачищены остатки фундамента и небольших кладок, направление которых перпендикулярно вышеописанному, т. е. можно предполагать общую ориентацию сооружения в направлении северо-восток — юго-запад. Находок извлечено очень мало. Это, в основном, переложенная керамика, железные предметы.

Таким образом, раскопки на территории, прилегающей к минарету, с одной стороны, выявили остатки монументального сооружения, а с другой — подтвердили факт полного его разрушения. Для воссоздания более или менее целостного представления о характере постройки нужны археологические вскрытия на всей прилегающей к минарету и мавзолеям территории.

Имеющиеся данные позволяют предполагать, что остатки фундамента и кладок стен принадлежат средневековой мечети. В пользу этого свидетельствуют следующие факты: идентичность строительного материала и, прежде всего, жженого кирпича, употребленного при строительстве минарета и выявленных остатков; малочисленность керамики, свидетельствующая о нежилом характере комплекса; ориентация постройки в направлении юго-запад — северо-восток, (на «кыблу»), что характерно для среднеазиатских мечетей; наличие многочисленных кусков ганча и малоформатного кирпича, служивших для декоративных целей.

Строительные приемы и материал остатков предполагаемой мечети и мавзолеев абсолютно аналогичны. Совпадают не только конструкции, одинаков и материал нижней части построек. Напрашивается вывод об одновременном сооружении этих зданий в пределах середины — второй половины XII в.

Как и при раскопках мавзолеев, здесь наблюдается факт сноса культурного слоя до материкового лёсса на всей площади, после чего осуществлялось строительство здания. Частично

нивелировке подверглась и прилегающая к предполагаемой мечети и мавзолеям территория, которая, однако, сохранила слой X—XII вв., где впоследствии также совершались захоронения.

Следовательно, о датировке и назначении вскрытых остатков сооружения можно судить лишь на основе косвенных данных.

Хотя большинство исследователей датируют минарет XI в., его с полным основанием можно отнести и к XII в., и совершенно неприемлем тезис В. Е. Нусова о сооружении узгенского минарета «вскоре после завершения строительства башни Бурана». Временная разница между этими памятниками очень ощутима. Об этом пишет и сам автор: «Архитектурные формы Узгенского минарета более четкие, фигурная облицовка их высокого качества, все работы выполнены на высоком строительном уровне. Эти обстоятельства дают основание сделать вывод, что мастера не только учли опыт сооружения башни Бурана, но и усовершенствовали многие архитектурно-строительные приемы»¹. Естественно, что в условиях средневековья такое «усовершенствование» приходит не сразу, а с выработкой определенных новшеств, проверенных во времени. Наличие же резных кирпичиков, резного ганча в сочетании с фигурной кладкой кирпича приближает минарет к эпохе возведения мавзолеев и находит широкие аналогии с декором построек конца XI—XII в.

Что касается назначения мечети, то вопрос этот может быть решен после широких археолого-архитектурных работ. Известно только, что мечеть в данном месте была величественной и что при ней было медресе. Именно между минаретом, мавзолеями и медресе Араб-бая в конце XIX в. были зафиксированы следы мечети «на пространстве 50 сажен», т. е. более 100 м². Столь значительные по размерам остатки сооружения могли принадлежать соборной мечети. Но последняя, как правило, располагалась в наиболее оживленной части города — среди рынков или рядом с дворцом правителя. Если бы данная мечеть с минаретом была отстроена в IX—X вв., она находилась бы в шахристане и могла быть той Джума-мечетью, о которой упоминал ал-Мукаддаси. Однако по своим кон-

¹ Нусов В. Е. Архитектура Киргизии..., с. 28.

² Домбровский С. В. Указ. работа, с. 2.

структурным и декоративным особенностям минарет восходит скорее к концу XI или к XII в., и тогда мечеть, отстроенная уже на окраине, рядом с кладбищем, могла бы быть праздничной мечетью — намазгах (или мусалла).

Однако не исключено, что в XII в., в связи с перемещением городского центра в данном месте была заново отстроена соборная мечеть. Среднеазиатские города средневековья имели иногда по несколько соборных мечетей, рядом с которыми строились величественные усыпальницы представителей феодальной верхушки; близ них формировались гуристаны (подобная застройка, например, была в столичном Самарканде, где вдоль соборной мечети располагалось кладбище с мавзолеем Ибрахима ибн Хусейна — верховного правителя родом из Узгенда)¹.

Таким образом, в результате археологических работ, произведенных непосредственно у памятников архитектуры, пересмотрена дата сооружения Среднего мавзолея и минарета, зафиксированы остатки мечети, находящейся в едином ансамбле с мавзолеями, установлен факт многократных захоронений в мавзолеях, разнообразие типов могил и т. д.

К ИСТОРИЧЕСКОЙ ТОПОГРАФИИ ГОРОДА

Все исследователи, занимавшиеся археологическим изучением Узгена, относили к древнему городу холмы, которые тянутся вдоль высокой надпойменной террасы Кара-Дарьи, и частично — прилегающую к ним территорию современной застройки. Таким образом, даже границы города эпохи средневековья можно предположить весьма приблизительно.

О. Г. Большаков, ссылаясь на работы А. Н. Бернштама и Ю. А. Заднепровского, пишет, что «городище Узгена, состоящее из четырех изолированных частей... не настолько велико, чтобы его можно было сравнивать с Ахсикетом... невозможно также считать одну из его частей мединой, другую рабадом. Видимо, стена, окружавшая рабад, совершенно разрушилась...»².

¹ Массон М. Е. К периодизации древней истории Самарканда. — ВДИ, 1950, № 4, с. 164.

² Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии...; с. 204.

Разделяя мнение О. Г. Большакова по части структуры городища, мы, однако, считаем, что средневековый город был большим. Исследование территории городища сопровождалось сбором и фиксацией на карте (положенной на современный план Узгена и его окрестностей) подъемного археологического, нумизматического, эпиграфического материала, строительных остатков, а также серией разведывательных шурфов и осмотром котлованов в районах новостроек. Археолого-стратиграфические и историко-топографические наблюдения дали интересный дополнительный материал по истории развития Узгенда, его размерам и структуре, истории сложения архитектурного ансамбля и некрополей.

Территория города раскинулась между двумя реками на высоких надпойменных террасах. Городище не сохранило четких границ, а своеобразная структура, отмеченная еще средневековыми авторами (ал-Мукаддаси), определилась местными географическими условиями, весьма благоприятными для возведения города-крепости.

Самые величественные развалины — цитадель и шахристан — расположены в выступающей к реке части береговой линии Кара-Дарьи на отдельно стоящих четырех холмах, образованных глубокими логами с искусственными рвами; они делали шахристан неприступным со стороны реки. Первый с запада из холмов шахристана — Узген-I¹ целиком занят кладбищем, на южной окраине которого стоит упомянутый ранее мазар Клыч-Бурхана. Узген-II сnivelирован под городской парк; Орто-курган — цитадель, или Узген-III, в настоящее время выровнен под стадион; Узген-IV также в большей своей части занят мусульманским кладбищем, на северо-восточной окраине которого расположены описанные три мавзолея и минарет.

К западу от шахристана (Узгена-I) на таких же обособленных холмах² и далее зафиксирован культурный слой; на восток от шахристана тянутся кладбища, как древние, так и современные, где также отмечен выход средневековой керамики. Севернее шахристанов проложен магистральный Узгенский канал. Он функционирует с эпохи средневековья и имеет

¹ Мы используем условные обозначения для шахристана, предложенные Ю. А. Заднепровским.

² На их территории расположены Узгенская ПМК и сад совхоза «Узген».

разветвленную сеть арыков, пересекающих город и окрестности с юга на север и с запада на восток.

Рельеф современного города и окружающей его пашни неодинаков. На восточной и западной окраинах города четко выражены впадины, где сейчас выращивают рис, поверхность земли у канала — более возвышенная. Современная застройка города повторяет планировку средневекового, для которой характерно расположение улиц террасами.

В целях выяснения стратиграфии и топографической структуры города обследовалась территория Узгена и его округи на пространстве между реками Кара-Дарья и Яссы. Наиболее мощный культурный слой отмечен у восточного шахристана-IV. Стационарные раскопки вокруг мавзолеев не могли полностью зафиксировать стратиграфию, поскольку при строительстве мавзолеев площадь была выровнена и культурный слой частью снесен. Кроме того, он был нарушен многочисленными погребениями и позднейшими пристройками к мавзолеям. И все-таки в отдельных местах этой части городища можно было видеть естественные «разрезы», образовавшиеся вследствие оползней и выборки глины для строительных нужд. Археологические зачистки их дают представление о мощности культурного слоя, уходящего на глубину 5 метров от современной поверхности кладбища. Керамический материал этой части городища представлен разнообразными формами посуды и кирпича. Особенно многочисленны фрагменты поливной посуды с разнообразной орнаментацией и глазурью, которые можно отнести к IX—XII вв. На холме, в 50 м от северо-восточного фасада мавзолеев, на краю лога, зафиксированы слои 3-метровой мощности, содержащие керамику XIV—XVI вв. в таком количестве, что можно говорить о свалке здесь мусора средневекового города.

К востоку от шахристана наиболее обжитой была прибрежная полоса Кара-Дарья. Шурфы в этой части не закладывались, но разрезы, осмотр обрывов надпойменной террасы и некоторых хозяйственных ям и траншей фиксируют культурный слой до 3,5 м, а глубину выгребных ям до 8 м. Двухметровый культурный слой отмечен на всем протяжении Узген-канала в пределах городища, а в некоторых местах этот слой достигает 3 м. Восточная граница распространения керамики проходит в 5 км от Орто-кургана. Здесь расстояние между поймами рек наименьшее и не превышает 800 м. К западу

границы города простирались от шахристана на 1, а по линии адыров — примерно на 1,5 км. Мощность залегания культурного слоя здесь также от 1,2 до 2,0 м. Однако заселена эта территория была неравномерно.

Наиболее обжитой частью рабада, тяготеющего ко всем частям шахристана, была территория, раскинувшаяся к северу от него. Стратиграфические шурфы и разрезы в этой части городища дали в основном керамический материал X—XIV вв. Материковый лёсс зафиксирован на глубине 3,6 м от современной поверхности. Выше материка идет слой, содержащий керамику X в.; над ним двухметровые культурные напластования (V—VII ярусы), которые относятся к X—XII вв. Они фиксируют следы интенсивной застройки территории и дают многообразный строительный материал, преимущественно пахсу. Статистический подсчет находок показывает преобладание керамики гончарного производства в соотношении 3:1 к лепной. Среди станковой посуды местного производства (ферганский тип) встречается керамика привозная. Перед современными отложениями фиксируются метровые наслоения (III—IV и частично V ярусы), насыщенные посудой XIV—XVI вв., среди которой наряду с глазурью грязно-голубых, белых и синих тонов с расплывчатыми пятнами орнаментов и каём встречаются прекрасные образцы темно-синего кобальта с вычурными линиями рисунка.

Результаты проведенного исследования в какой-то мере позволяют определить степень освоения данной территории в эпоху средневековья и предварительно говорить об основных этапах развития Узгенда. Первый этап, выраженный слабее остальных, связан с обживанием Орто-кургана — цитадели и частично — прилегающих холмов с IX в., возможно, немного раньше.

Особенно интенсивно город был заселен в X—XI вв., когда его территория достигала максимальных размеров. Площадь в 12—15 кв. км. представляла городскую застройку в пределах цитадели, шахристана и рабада с разной степенью плотности, более разреженную к окраинам. Со всех сторон к ней примыкала территория с отдельно стоящими усадьбами, садами и огородами вплоть до поймы р. Яссы, служившей естественной границей на севере, как Кара-Дарья на юге; при этом не исключается территориальный рост за пределы право-

бережья Яссы, где могла проходить оборонительная стена города. С востока и запада город был обнесен крепостными стенами, следы которых сохранились в виде оплывших валов в 5 км к востоку от Орто-кургана и в 7,5 км к западу от него, у с. Кашка-терек, неподалеку от места слияния рек.

Вал восточной стены в оплыве имеет ширину 25,5 м, высоту 5,5 м. В разрезе стена представляет собой шесть пахсовых блоков, уложенных не вплотную, а с промежутками в 0,3—0,5 м, заполненными рыхлой глиной. Ширина стены наверху — 6,6 м, у основания она расширяется.

Третий этап в жизни города можно связать с возвышением узгендской семьи Караханидов (в середине XII в.), совпадающий со временем пребывания в государстве и, в частности, Узгенде киданей¹ до владычества монголов. Как позволяют судить стратиграфические данные, городской центр перемещается к северо-западу, а на месте былого шахристана складываются кладбища. К этому времени, по-видимому, и относится сооружение трех мавзолеев. Рядом с кладбищем располагалась мечеть, минарет которой сохранился до наших дней.

Территория города в XIII—XIV вв. значительно уменьшается. Район распространения керамики этого времени сократился до 3 кв. км, занимая территорию современного города. Орто-курган продолжал функционировать как крепость и, видимо, как резиденция правителей. Миниатюра из «Бабурнаме» также подтверждает это.

Слоев XVII—XVIII вв. на территории городища не найдено. Кишлак этого времени переместился, по всей вероятности, в пойму Кара-Дарьи, где существовал до конца XIX в.

Таким образом, данные по структуре и топографии средневекового Узгенда подтверждаются сведениями из письменных источников и в какой-то мере местными преданиями об Узгене.

¹ В литературе утвердилось мнение, что кидани в Узгенде не были, а лишь хранили там свою казну. В. В. Бартольд писал по этому поводу: «Не смотря на существование местной династии, Узгенд имел значение для центральной власти как при каракитаях, так и при монголах; по Джу-вейни, там находилась сокровищница (хазанаха) гурхана» (см.: Бартольд В. В. Соч. т. III, с. 533—534), что не означает отсутствия киданей в городе, но Ибн ал-Асир прямо пишет, что «они обитали в Узгенде, Баласагуне, Кашгаре и их окрестностях». См.: МИКК, вып. I, с. 73.

УЗГЕНСКАЯ ЭПИГРАФИКА

Для истории изучения памятников архитектуры большое значение имеют локальные письменные источники, сохранившиеся до наших дней в Узгене в сравнительно большом количестве. В первую очередь — это монументальные надписи на мавзолеех. Ко второй категории местных письменных источников относятся кайраки, до недавнего времени еще хранившиеся на территории городских кладбищ — мазаров.

Вопрос о принадлежности узгендских усыпальниц решен лишь частично. На основании надписей на портале Северного мавзолея установлено, что строителем его является узгендский правитель Алп Кутлуг¹ Тонга Бильга тюрк Тогрул кара-хакан Хусейн, сын Хасана и внук Али. Постройка начата «в среду четвертого раби'И 547 г. х.», т. е. 9 июля 1152 г., приходящегося на високосный год. Однако надписи не сообщают, что здесь погребен Хусейн ибн Хасан, умерший в 551 г. х.², т. е. через четыре года после заложения «давлет-хона». Сам же по себе термин «давлет-хона» указывает на династическую усыпальницу. Поэтому можно говорить, что в ней был погребен представитель светской власти и, вероятнее всего, лицо, по заказу которого она была сооружена.

В исторической надписи Южного мавзолея³, сохранившейся лишь фрагментарно, имени нет, но содержится часть титула и три даты. На правой стороне пилона В. Н. Настичу удалось уточнить даты: середина месяца раби'ал-ахад 581 г. х. (июнь 1185 г.), вместо «са[фар] в году 582 в эпоху», как читал в 1927 г. М. Е. Массон; после даты следует: «по повелению правительства (правителя)»⁴. Далее идут куски надписи,

¹ Чтение «Кутлуг» вместо «Кылыч» уточнила Е. А. Давидович. См. ее статью: Вопросы хронологии и генеалогии Караханидов второй половины XII в. — В сб.: Средняя Азия в древности и средневековье. — М., 1977, с. 182, прим. 10.

² Джемаль Карши. Мулхакат ас-сурах..., с. 132.

³ В. Н. Настич считает, что куфические религиозные тексты мавзолея трудночитаемы. На щеках порталной ниши у входа в мавзолей среди орнаментальных панно вставлены две религиозные сентенции, исполненные, как и светские надписи, почерком «наسخ». Надпись на правой стороне гласит: «Этот мир-нива будущей жизни», на левой — «Земная жизнь кратка (как один час), так сделай же ее богоугодной».

⁴ Массон М. Е. Фрагменты надписи караханидского мавзолея с городища Афрасиаб. — ЭВ, вып. XX. — М.—Л., 1971, с. 81.

вставленные, очевидно, при реставрации памятника в 1928—1929 гг.: «...величайший... ал-хакан...». Следующую часть текста можно восстановить по чтению П. П. Иванова (конец XIX в.): «...да будет над ним милость божия и благословение. Скончался...»¹. В настоящее время на левой стороне портала сохранились только слова: «...милость божия... в день пятницы 14 зу-л-хиджжа в упомянутом году...» Таким образом, из частично сохранившейся на мавзолее надписи явствует, что мавзолей был построен по повелению правителя, который скончался в том же году, «в день пятницы 14 зу-л-хиджжа» (т. е. 26 февраля 1187 г.). Третья дата сообщает о погребении здесь годом раньше (раби'И 581/1185 г.) караханидского сипахсалара — верховного военачальника хаканского войска. Постройка была заложена при жизни правителя, а окончена уже после его смерти. В отличие от Северного мавзолея, здесь — как это типично для большинства средневековых построек «мусульманского Востока» — проставлены число и день недели смерти погребенного лица.

Народные предания, как мы писали выше, связывают сохранившиеся мавзолеи с именами султанов Илек-и и Санджар-и Маза и их матери. Исторически эти лица известны в XIV—XV вв. как именитые люди Ферганы, бывшие в окружении султана Бабура². Поэтому погребение их в мавзолеях не исключено. Более того, до 1928 г. в мавзолеях еще находились кайраки³, тексты эпитафий которых сообщают о погребении в усыпальницах именитых людей Узгенда — «величайших имамов», «ученейших из ученых», «родителей царей и султанов». Среди них были хакан Абу Са'ад ибн Мухаммед, скончавшийся 28 раби'ал-ахир 590 г. (22 апреля 1194 г.) и ферганский правитель XIII в. Сатылмыш Мелик-шах, сын Ильчи Мелик-шаха, умерший в 665 г. (1266—1267 гг., см. ниже). Факт многократных захоронений в усыпальницах подтвержден

¹ Иванов П. П. Надписи на древних могильных камнях в селении Узгент Анджианского уезда. — ПТКЛА за второй год его деятельности. — Ташкент, 1897. Протокол от 16 октября 1897 г., с. 7. Видимо, к этому мавзолею относится и сообщение В. В. Бартольда о сохранившейся дате 588/1192 г. на «портале погребальной мечети» в Узгенде (см.: Бартольд В. В., Соч., т. III, с. 534).

² Бабур. Захир-ад-дин. Бабур-наме..., с. 16 а и др.

³ ЦГА Уз. ССР, ф. 2406, оп. 1, ед. хр. 161, л. 8.

археологическими раскопками. Однако указанные лица могли быть погребены в других местах, а кайраки впоследствии перенесли к мавзолеям (с разрушившихся могил) местные шейхи.

Что касается Среднего мавзолея, то мы не можем согласиться с мнением Э. Кон-Винера, разделяемым и некоторыми советскими архитекторами, что в нем похоронен первый (?) представитель династии Караханидов Наср ибн-Али¹. Это отрицает и В. В. Бартольд: «Илек-и Маза (по устным преданиям. — В. Г.) — завоеватель Мавераннахра Наср ибн-Али (ум. в 403/1012—1013 гг.), который и по историческим сведениям похоронен в Узгенде, однако могила его не сохранилась»². Можно предполагать, что Средний мавзолей мог служить местом упокоения Хасана ибн-Али, отца Хусейна, погребенного в Северном мавзолее. По нумизматическим данным датой смерти Хасана ибн-Али принято считать 526/1131—32 гг. Известно, что он уже был претендентом на самаркандский престол верховного правителя и носил титул «тегин», хотя власть в узгендской династической семье переходит со второй половины XII в. В конце века Ибрахим б. Хусейн принимает титул улуг-султана — «великого султана султанов»³. И это событие запечатлелось в местных преданиях о Султানে.

К письменным памятникам Узгена нельзя не отнести и сохранившиеся до наших дней кайраки, которые сосредоточены на кладбищах современного города⁴.

Значение средневековых намогильных кайраков для изучения истории Средней Азии хорошо известно. Надписи на них нередко дополняют сведения рукописных источников, а иногда и существенно уточняют последние, — прежде всего в части упоминания имен и титулов конкретных лиц, исторической топографии городов.

Изучению этих памятников уделялось очень много внимания в русском и советском востоковедении, однако общее чис-

¹ См.: Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии..., с. 46.

² Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 534.

³ Давидович Е. А. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов. — Нумизматический сборник, ч. 2. — Тр. ГИМ, вып. XXVI. — М., 1957, с. 111—114.

⁴ Подробная сводка об узгенских кайраках приведена в работе: Горячева В. Д., Настич В. Н. Эпиграфические памятники Узгена XII—XX вв. — В сб.: Киргизия при Караханидах. — Фрунзе, 1983.

ло исследованных и опубликованных кайраков сравнительно невелико.

В настоящее время сохранилось 22 надмогильника, открытых в разное время на средневековых кладбищах Узгена. Некоторые из них уже известны по более ранним упоминаниям и публикациям. Так, тексты 3-х кайраков изданы П. П. Ивановым; исторические сведения, содержащиеся в этих надписях, были использованы в трудах Н. Г. Маллицкого и В. В. Бартольда. Краткие сведения о некоторых узгенских кайраках содержатся в работах М. Е. Массона.

Очевидно, те же 28 надмогильников, в том числе кирпичи с надписями и орнаментами, отмечал в 1928—1929 гг. при реставрации узгенских мавзолеев Б. Н. Засыпкин. Им были сделаны фотоснимки с 9 кайраков и одного надмогильного кирпича¹. Ни один из этих 10 надмогильников не был обнаружен на месте во время экспедиционных работ 1971—1972 гг. Вообще факты исчезновения надмогильных камней с кладбищ и мазаров — явление нередкое в Средней Азии, однако зафиксировано и появление «новых» кайраков, не отмечавшихся ранее. Так, в 1971 г. не оказалось на месте надмогильника с надписью, содержащей имя шейха Абу Зийада, сына Исма'ила (ум. в 230 г. х.), отмеченного М. Е. Массоном. Зато нами обнаружены, сфотографированы и эстампированы еще 12 эпитафий, из которых по публикациям известна только одна. Многие из этих кайраков, очевидно, были известны М. Е. Массону и Б. Н. Засыпкину, однако ни фотографий, ни каких-либо конкретных сведений о них нам обнаружить не удалось.

Как было отмечено выше, средневековые кладбища Узгена размещены на холмах бывшего шахристана, но несколько мазаров существуют и в черте городской застройки. Наиболее древним было кладбище с сохранившимися архитектурными памятниками. Большинство кайраков до 1928 г. находилось именно на этом кладбище и размещалось у входов в мавзолеи, что хорошо видно на фотографиях прошлых лет.

Знакомство с узгенскими кладбищами-мазарами, а также изучение текстов сохранившихся кайраков привело к ряду небезынтересных выводов. Подавляющее большинство кайраков относятся к XII—XIV вв. М. Е. Массоном в 1927 г. было

¹ Негативы хранятся в Отделе охраны памятников Министерства культуры Узбекской ССР, инв. № 16127—16141.

прочитано несколько галек, датированных также XI в. К этому же времени следует отнести и кайрак из Северного мавзолея, перенесенный, вероятно, с другой могилы.

Вследствие повреждения точную датировку кайрака установить невозможно, но некоторые основания для хронологического определения дают палеографические особенности надписи. Общий стиль почерка, трактовка отдельных букв, наличие дополнительных орнаментальных элементов и другие признаки, характерные для среднеазиатского куфического письма, имели распространение в эпиграфике IX—XI вв. Однако недопустимые в арабском языке переносы слов, грамматические неточности и ошибки, свидетельствующие о заметной вольности в обращении с языком, а также значительная геометризация письма и использование в нем диакритических точек позволяют датировать надпись несколько более поздним временем (конец XI—первая половина XII в.). В любом случае этот кайрак должен считаться одним из самых ранних обнаруженных до сих пор на территории Киргизии и вообще в Средней Азии. Текст эпитафии этого кайрака лаконичен и по сравнению с надписями более поздних надмогильников не содержит пышной титулатуры погребенного шейха, который был также муэдзином. Нисба покойного указывает на его происхождение из йеменского племени Хуза'ат ибн Амр; отсюда естественно предположить, что предки его были арабами. В истории Средней Азии известен другой ал-Хуза'и (конец VII в.), упоминаемый у ат-Табари в числе первых завоевателей Средней Азии¹.

Этот надмогильник свидетельствует, что династические мавзолеи, ставшие лишь много веков спустя местами поклонения в связи с развитием «культы святых», строились уже на существующем городском кладбище или в непосредственной близости от него.

Несколько средневековых кайраков до 1928 г. находилось в мазарах, расположенных на берегу Кара-Дарьи у Орто-кургана и «шахристана-I». Один из надмогильников нового времени исполнен на староузбекском языке.

Иначе выглядят другие узгенские кладбища. Сохранившиеся на них кайраки сообщают о том, что погребения на данном

¹ Бартольд В. В. Соч., т. V, с. 298; Беленицкий А. М., Бенетович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город..., с. 148.

месте производились с конца XII в. При этом могилы (или разрушенные усыпальницы) были семейными или родовыми. Этот вывод вытекает лишь из анализа текстов эпитафий, так как археологического вскрытия могил не было. Кладбища вокруг мазаров «Янги», «Аджал-и Серахси» и др. не разрастались. Наоборот, к ним вплотную примыкают постройки, что было, несомненно, и в средние века.

На обширном кладбище, раскинувшемся на «шахристане-1», находится упомянутый выше мазар Қлыч-Бурхана (сагона) с пятью кайраками¹. Все надгробия представляют собой овалы гальки разных размеров, тексты эпитафий вырезаны разными почерками. Три кайрака принадлежат его потомкам: правнуку, который упомянут без имени, а лишь с титулом, характерным для рода Бурханидов — «Бурхан — ал-миллат ва-д-дин», и датой смерти — 16 октября 1296 г.; второй кайрак содержит титул госпожи «Хатун-и Хатунан» из рода Бурханида Узгендского и дату смерти — 16 декабря 1373 г.; третий кайрак посвящен неизвестному лицу, некоему последователю знаменитого шейха Тадж ас-Салмани, умершему в ноябре-декабре 1404 г. Эти тексты, особенно последний, отчетливо отражают уже сложившийся культ Бурхан ад-дина Қлыча Узгендского.

Два камня с эпитафиями были принесены к мазару с кладбища. Они не касаются потомков этого шейха и датируются началом XIII в. Первый принадлежит шейху, имаму, хадже Ахмаду ибн Мухаммеду с непонятной родословной (ан — Н. к. м. тн (?)); второй — юноше знатного рода. В тексте этого надгробия сохранились две даты, очевидно, рождения и смерти: 1205/06 гг. и 22 декабря 1228 г.

¹ Бурхан ал-хакк ва-д-дин ал-Қлидж (по тюркски Қлыч), сохранившийся в памяти узгенцев как Қлыч-Бурхан, был из семейства могущественных садров Бухары. Джемаль Қарши и Захир-ад-дин Бабур упоминают эту личность как ученого шейх-уль-ислама, наставника мусульман Ферганы. «Шейх великий, благородный, прославленный, высокочтимый, тень Аллаха на земле, обладатель благородства и чудотворец, султан закона и общины, благодетель и господин», — гласит текст эпитафии. Судя по имеющимся кайракам, а также по сообщению Джамалия Қарши о сложении культа уже во второй половине XIII в., можно косвенно определить дату жизни и смерти шейха во второй половине XII — начале XIII в. Этим же временем можно датировать несохранившуюся усыпальницу, резной терракотовый декор которой находят до сих пор.

Янги-мазар — небольшой холмик размером 3x4 м, оставшийся незастроенным (на углу улиц им. Октября и Колхозной). Следов кладбища вокруг него нет. На холме установлено пять кайраков, врытых нижней частью в землю. Четыре из них свидетельствуют о погребении одной семьи или рода шейхов, прадед которых был уроженцем большого города в Хорасане — Нисабуре (Нишапура). Характерно, что даты сохранились лишь на двух камнях. Три эпитафии вырезаны одним мастером. Поэтому можно предположить, что две из них были выполнены задним числом. Они принадлежали деду и отцу «Нисабури», а два других — их потомкам. Надгробия датируются концом XII — началом XIII в. За время, прошедшее с 20-х годов нашего столетия, мазар и кайраки на нем не пострадали.

Еще два кайрака были установлены на кирпичном сооружении типа сагона, так называемом мазаре «Аджал-и Серахси» (расположенном в западной части города на улице III — Питомник). По сведениям Б. Н. Засыпкина, они были установлены у могилы приезжего турка в начале XX в. Однако кайраки датируются домонгольским временем. Один из них содержит имя ученого шейха Мухаммеда ибн-Али, умершего в марте — апреле 1211 г. Второй кайрак имеет малоразборчивый персидский текст эпитафии. По заключению профессора В. А. Лившица, он явно домонгольского происхождения. В 20-е годы на этом мазаре еще был сырцовый кирпичный надгробник с арабской эпитафией; ныне его нет.

Можно предполагать, что указанные мазары были семейными или индивидуальными усыпальницами, устроенными, возможно, во дворе жилого комплекса или в своей махалле близ квартальных мечетей, а не на общем городском кладбище. В Бухаре, например, подобные могилы принадлежали именитым лицам, чаще всего священнослужителям из числа шейхов, имамов, еще при жизни причислявших себя к сонму «святых». По мнению О. А. Сухаревой, например, широко распространенная традиция захоронений внутри жилого комплекса, мало совместимая с исламом, как и с зороастризмом, в Бухаре имела древние корни¹. Г. П. Снесарев, напротив,

¹ Сухарева О. А. К вопросу об исторической топографии Бухары X—XII вв. — Тр. ИИАЭ АН Тадж. ССР, т. 27. — Сталинабад, 1954, с. 34—35.

усматривает в этой традиции пережитки зороастрийско-маздеистских погребений в наусах, или стенах помещений. Отсюда же, по его мнению, восходит идея наземного погребения останков в склепе типа сагона¹.

Для Узгена, как и других районов Киргизии, наземные погребения в сагонах нетипичны. Поэтому можно заключить, что единичные в Узгене они принадлежали лицам не местного происхождения. Какими были первоначально могилы этих семейных мазаров, сказать трудно. Тексты же эпитафий конкретно сообщают об иноземном происхождении погребенных из семей Нисабури, Бурханидов и Серахси.

Для территории Киргизии характерны погребения подземные или подпольные в мавзолеях, в грунтовых ямах с устройством кирпичного ящика, часто в гробах или на деревянных настилах (или носилках?), а также в подбоях. Многообразие погребальных обычаев было свойственно и более ранним курганным захоронениям.

Пережитки доисламских верований и традиций местного населения прослеживаются, на наш взгляд, и в установлении на могиле кайрака, в большинстве случаев только камня, окатанной гальки или кирпича, в чем также прослеживается и социальная дифференциация. Древние тюрки, например, обязательно отмечали могилу оградкой из камней или стеллой (валуном) с надписью-эпитафией, либо балбалами или наземным сооружением. Еще до недавнего времени в степях Казахстана и Киргизии над могилами умерших родственников строили кирпичные, решетчатые или глинобитные оградки или гумбезы, поскольку в старину, как сообщает Ф. В. Поярков, за непочитание могилы полагалась смертная казнь². Даже последний бедняк старался чем-нибудь отметить могилу родителей.

Этот культ предков, восходящий к доисламской традиции, совершенно противоречит обрядности погребений арабов-мусульман. Так, в хадисах, приписываемых самому пророку Мухаммеду, сказано, что могила мусульманина должна быть аскетически проста и ничем не отмечена на поверхности, кроме

¹ Снесарев Г. П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. — М., 1969, с. 149 и сл.

² Поярков Ф. В. Из области киргизских верований. — Этнографическое обозрение, кн. IX. — СПб., 1891, с. 25.

небольшого бугорка из песка и глины. В этом предписании глубокий смысл, так как отсутствие инвентаря и особенно надмогильного памятного сооружения противопоставлялось погребальной обрядности тех культов, борьба с которыми занимала важное место в политике ислама¹. Но на территории Киргизии, где ислам закрепился не сразу после прихода арабов, а в ряде областей утратил свое значение после монгольского нашествия, пережитки доисламских культов во многих случаях имели значительно большее влияние на быт и сознание, чем ислам и его обрядность².

Надписи узгенских надмогильников представляют большой интерес в историческом и филологическом планах. Они с достаточной полнотой отражают общий уровень развития языка и письменности в городах Ферганской долины в XII—XV вв. Из 18 эпитафий, составленных на арабском языке, только пять, по мнению В. Н. Настича, можно назвать безупречными в отношении грамотности. В остальных отмечаются погрешности различного характера: несогласованность в роде и падеже, неправильное применение артикля, ошибки в орфографии, переносе слов, отступления от арабской стилистики и фразеологии. Часть этих погрешностей можно объяснить местной языковой традицией, влиянием персидского и тюркского языков (или стремлением к формальному подражанию, не подкрепленным хорошим знанием языка). Однако в целом они свидетельствуют о том, что арабский язык не был принят в активном общении городских и сельских жителей Ферганы, оставаясь в значительной мере лишь проводником религиозной идеологии. С другой стороны, арабская письменность, приспособленная к местным языкам, получила здесь дальнейшее развитие и совершенствование в художественно-выразительных формах, ничем не уступающих лучшим образцам каллиграфического искусства других культурных центров «мусульманского Востока».

Рассмотренные памятники, к сожалению, составляют лишь малую часть надмогильного комплекса, существовавшего в свое

¹ Пугаченкова Г. А. Мавзолей Араб-Ата. (Из истории архитектуры Мавераннахра IX—X вв.). — Искусство зодчих Узбекистана, вып. 2. — Ташкент, 1963, с. 59.

² Баялиева Т. Пережитки магических представлений и их изживание у киргизов. — В сб.: Древняя и раннесредневековая культура Киргизстана. — Фрунзе, 1967, с. 114.

время на кладбищах Узгенда. Но даже в таком составе они представляют ценный материал для изучения истории этого города, не только как дополнение к рукописным и археологическим данным, но и как самостоятельный источник.

Наиболее ранняя группа кайраков датируется XII — началом XIII в. и относится ко времени правления ферганских караханидов, столицей которых был Узгенд. Это время характеризуется расцветом города как административного, ремесленно-торгового и культурного центра, привлекающего к себе, судя по кайракам, людей различного происхождения, социального положения и рода деятельности из Шаха и Самарканда, Нишапура и Бейхака. Здесь были потомки арабов, переселившихся в Среднюю Азию в эпоху завоеваний. Надписи на кайраках этого периода отражают развитие общественных отношений, языковую и религиозную ситуацию, уровень духовной культуры населения.

В первые десятилетия монгольского нашествия Киргизия, как и вся Средняя Азия, переживала сильнейший упадок политической и хозяйственной жизни, разрушения городской культуры. До нас дошел только один памятник этого времени.

Более поздние надмогильники датируются тимуридским временем. Домонгольские традиции в них сочетаются с новыми явлениями языкового, стилистического и предметно-понятийного характера. Надписи этой группы говорят о дальнейшем развитии религиозно-философской мысли на почве развитого суфизма, о появлении культа святых и «чудотворцев». На основе этих данных полнее выясняется социально-экономическая и идеологическая структура феодального общества, сложившегося в городах Ферганской долины после монгольского завоевания. Упоминание при именах местных деятелей нисбы по названию города Узгенда, которое как будто бы излишне в информационном смысле, как нам кажется, делалось вполне сознательно и призвано подчеркнуть достоинства покойных в глазах потомков и их известность в других районах мусульманского Востока.

Памятников, датированных позднее XV в., не обнаружено, что, видимо, тоже обусловлено объективными причинами. С этого времени Узгенд утрачивает свое былое значение политического и культурного центра, уступая его Андижану, Ташкенту, а впоследствии и Коканду.

Намогильные памятники эпохи средневековья интересны во многих отношениях и должны привлечь языковедов и историков, палеографистов и этнографов, историков религии и атеизма. Узгенские кайраки, наряду с замечательными архитектурными сооружениями этого города, свидетельствуют о богатой материальной и духовной культуре народов Средней Азии средневекового времени, внесших достойный вклад в сложение и развитие культуры современных киргизов.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно считать, что город Узгенд зародился, видимо, как резиденция тюркского князя в конце VIII — начале IX в. восточной части Ферганы. Не исключена возможность купли земельных угодий и замков у местных дикханов, как это широко практиковалось тюркскими военачальниками¹. Городище имело цитадель, шахристан, расположенный на трех обособленных холмах, рабад и городскую округу. Топографическое своеобразие памятника определяется географическими условиями.

Первый этап в жизни города относится к докараханидскому времени и связан с обживанием Орто-кургана (цитадели) и частично — прилегающей территории. Особенно интенсивно город обживался в караханидское время: территория его в X—XI вв. достигала 12—15 кв. км в пределах цитадели, собственно города, пригорода — рабада и тянулась вдоль береговой линии Кара-Дарьи. Со всех сторон к нему примыкала территория с отдельными усадьбами, садами, полями и огородами. С востока и с запада город был обнесен крепостными стенами; северной и южной границами служили реки. Вместе с городской пашней и садами в пределах крепостных стен площадь его могла достигать 30 кв. км.

С середины XII в. городской центр перемещается к северо-западу, на территорию рабада, а на месте бывшего шахристана формируется кладбище. С XIII в. территория поселения постепенно сокращается и его уже скорее можно назвать кишлаком, чем городом.

На основе историко-археологического изучения узгенских памятников, говоря о дате возведения наиболее раннего из них — Среднего мавзолея, — можно назвать первую половину XII в., а не X — начало XI в., как предполагалось ранее. Уз-

¹ Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г. Средневековый город Средней Азии..., с. 332.

генские постройки принадлежали представителям местной правящей семьи Караханидов, которая с середины XII в. возвысилась до верховного престолонаследия в Мавераннахре.

В обоих сохранившихся надписи мавзолеях зафиксирован факт проставления подробной даты начала строительства при жизни заказчика. Такое явление наблюдалось иногда и в более раннее время, а в данном случае не исключена преемственность традиции. Сооружение мавзолеев представляло большой социальный заказ и утверждало идею незыблемости феодальной власти.

Узгенский минарет является принадлежностью соборной мечети города (но, возможно, и праздничной муссала), отстроенной в середине или во второй половине XII в. Характерно расположение ее в непосредственной близости от династических усыпальниц и кладбища, составляющих с мемориальными сооружениями единый архитектурный ансамбль города. Вполне вероятно, что именно при этой мечети функционировало медресе, косвенно засвидетельствованное узгенскими преданиями и текстами кайраков.

...И говорят, что в нем две тысячи семьсот сподвижников и последователей пророка сражались... И погибли они там все вместе...

(Джемаль Карши, XIII в.)

САФИД-БУЛАН

На северо-восточной окраине с. Мазар (бывший Сафид-Булан)¹ расположен замечательный памятник средневекового зодчества, известный как мавзолей Шах-Фазиль. Село раскинулось в орошаемой зоне северо-восточной Ферганы, у места слияния рек Падша-Ата и Чанач-Сай, текущих со склонов Чаткальского хребта. В древности здесь проходили пути из центральной Ферганы в Кетмень-Тюбе, Чаткал и Таласскую долину.

Среди полей местами выступают отдельные глыбы некогда сплошного массива каменистых пород; на одном из таких останцов построен мавзолей Шах-Фазиль.

Своим современным названием поселение обязано тем, что здесь с отдаленных времен существовали места поклонения мусульман. Главными «святынями» являются мазар Сафид-Булан и мавзолей Шах-Фазиль. Хотя последний с окружающими его могилами пользуется широкой известностью у населения и в недавнем прошлом к нему стекались паломники из всех уголков Ферганы, как архитектурный памятник он остался сравнительно мало изученным.

О самом мавзолее у средневековых авторов нет сведений, хотя о его местоположении к XIII в. были записаны предания, бытующие среди населения до сих пор. Джемаль Карши, описывая трагические для арабов события при походе на Фергану, упоминает местные достопримечательности: «Мешхед голов и мешхед душ в Испид-Булане»².

¹ В научной и популярной литературе обычно приводится искаженное название этого селения в форме «Сафид-Буленд», «Софит-Буленд», «Сафид-Билял». До 1976 г. село называлось Мазар, ныне — Гулистан; входит в Ак-Тамский сельсовет Ала-Букинского района Ошской области. Село пересекают автострасы, соединяющие районные центры Ферганской части Киргизии и Узбекистана.

² Джемаль Карши. Мулхакат ас сурах..., с. 149, 160. Характерно, что Джемаль Карши называет «святыми» — «мешхедами» могилы, которым поклонялись уже в конце XIII в.

ИЗУЧЕНИЕ ШАХ-ФАЗИЛЯ И ЕГО ОКРЕСТНОСТЕЙ

История изучения этого интереснейшего памятника Киргизии началась с посещения Сафид-Булана художником-архитектором Н. Н. Щербиной-Крамаренко. Он опубликовал краткое описание мавзолея с зарисовками отдельных деталей памятника, системы тропов и парусов, записал бытующие предания, отнеся сооружение к «тимуровским временам»¹. Эта единственная публикация о мавзолее до 1917 г., хотя сведения о надгробных кайраках, находящихся в нем и поблизости, имеются².

История изучения мавзолея Шах-Фазиль в советское время получила отражение в вышеупомянутых публикациях архитекторов, искусствоведов и историков, которые исследовали памятники древнего Узгенда. Впервые архитектурную значимость мавзолея оценили Б. Н. Засыпкин и Б. П. Денике³, когда в составе экспедиции Музея восточных культур они провели детальное изучение памятника. Б. Н. Засыпкин не нашел ему аналогий среди сооружений Средней Азии, усматривая в мавзолее Шах-Фазиль иранские традиции и сходство с каменной архитектурой Северной Индии. Правда, в последних своих работах Б. Н. Засыпкин пересмотрел эту точку зрения, к чему, без сомнения, способствовали новые открытия советских архитекторов и археологов.

То же самое можно сказать о датировке мавзолея. Если в первых своих публикациях Б. Н. Засыпкин относил время сооружения памятника к первой половине XIII в., а затем — к концу XII — началу XIII в.⁴, то впоследствии, на основании дополнительных археолого-архитектурных исследований, — ко второй половине XI⁵.

¹ Щербина-Крамаренко Н. Н. По мусульманским святыням..., с. 50—53.

² Веселовский Н. И. Дагбид..., с. 89.

³ Засыпкин Б. Н. Памятники Касана и Софит-Буленда — «Східний світ». Київ, 1929, № 3(9), с. 188—193; его же. Архитектурные памятники Ферганы..., с. 67—73, Денике Б. П. Архитектурный орнамент Средней Азии, с. 70 и сл.

⁴ Засыпкин Б. Н. Монументальное искусство Советского Востока..., с. 55.

⁵ ЦГА Уз. ССР, ф. 2604, оп. 1, ед. хр. 163, л. 99.

Б. П. Денике считал, что по стуквому декору и внешнему архитектурному облику мавзолей Шах-Фазиль напоминает надгробные башни Ирана домонгольской эпохи. К этому времени он относил и постройку мавзолея¹.

В вышедших в 1930 и 1939 гг. работах Э. Кон-Винера о памятниках Средней Азии и отдельно — о мавзолее Шах-Фазиль приводится краткое описание памятника и иллюстративный материал; автор датировал сооружение рубежом XII—XIII вв.².

В цитируемой монографии А. Н. Бернштама о памятниках Киргизии мавзолее посвящена глава, написанная с учетом работ архитекторов и искусствоведов. И хотя автор побывал в Сафид-Булане, где эстампировал надписи с некоторых кайраков, многочисленные археологические объекты, в том числе остатки большого городища, к сожалению, им не отмечены.

Сопоставляя легенду, записанную Н. Н. Щербиной-Крамаренко, с сообщением Джемаля Карши, А. Н. Бернштам сделал вывод, что сооружение мавзолея Шах-Фазиль можно отнести ко времени не ранее конца XIII и, возможно, начала XIV в.³ В другой работе он писал о том, что кишлак Сафид-Буленд стоял на месте кладбища древнего Заркана, отождествляемого с развалинами Ак-Кургана⁴.

М. М. Дьяконов в публикации о мазарских кайраках наряду с переводом надписей и анализом типов намогильников привел сведения о мавзолее Шах-Фазиль, почерпнутое у А. Н. Бернштама; он датировал «селение Заркан» XII—XIV вв.; определил социальный состав погребенных, большинство которых, по мнению исследователя, происходило из купеческой суфийской среды и священнослужителей⁵.

В 1947—1951 гг. вновь производилось архитектурное обследование мавзолея Б. Н. Засыпкиным и фотофиксация памятника Е. Н. Юдицким. В своих отчетах Б. Н. Засыпкин подробно останавливался на строительных материалах, архитектур-

¹ Денике Б. П. Архитектурный орнамент..., с. 48, 70—72.

² Kohn-Wiener E. Turan..., ss. 21—22, abb. 4; его же. Notes, A. Turanic monument of the Twelfth century A. D. Ars Islamica, vol. VI, pt. I. Michigan, 1939, pp. 88—91, fig. 1—9.

³ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники..., с. 86—95.

⁴ Бернштам А. Н. Историко-археологические очерки..., с. 253.

⁵ Дьяконов М. М. Несколько надписей на кайраках из Киргизии. — ЭВ, вып. 2. — М.—Л., 1948, с. 9—15.

ных и художественных особенностях памятника и в части строительного и декоративного исполнения находил аналогии ему в Среднем узгенском мавзолее. Дата постройки мавзолея определена XI в., когда по мнению Б. Н. Засыпкина, в связи с распространением суфизма в Фергане¹ мог быть канонизирован культ Шах-Фазила.

Домонгольским временем датировала мавзолей Н. С. Гражданкина. По данным анализа строительных материалов она пришла к заключению, что между возведением Северного узгенского мавзолея и усыпальницы в Сафид-Булане был небольшой временной промежуток². Этой же датой определен мавзолей в упомянутом обобщающем труде Г. А. Пугаченковой и Л. И. Ремпеля по истории искусства Узбекистана. Авторы отмечали, в частности, его своеобразие и, хотя относили его к Ферганской архитектурной школе, но отличной от школы узгенских мастеров³.

В 60-е годы Госстроем Киргизской ССР предусматривались ремонтные работы, в связи с чем был составлен проект частичной консервации памятника. Автор проекта В. Е. Нусов по итогам работы издал брошюру о памятниках архитектуры Киргизии. На основании сравнительного анализа кирпича и декора узгенских и сафид-буланского памятников В. Е. Нусов датировал мавзолеем Шах-Фазиль XI—XII вв.; по его мнению, он был построен культовыми организациями с целью распространения и закрепления ислама в этой местности⁴.

Краткое описание памятника, анализ преданий дает в упомянутых выше публикациях о «святых местах» Ферганы Ю. Г. Петраш⁵.

Этим перечнем работ и ограничивается история изучения мавзолея Шах-Фазиль⁶. И хотя некоторые исследователи про-

¹ Засыпкин Б. Н. Выдающиеся памятники..., с. 61—99.

² Гражданкина Н. С. Некоторые способы..., с. 131—136.

³ Пугаченкова Г. А., Ремпель Л. И. История искусств Узбекистана..., с. 223.

⁴ Нусов В. Е. Памятники архитектуры Киргизстана..., с. 45—54; его же. Архитектура Киргизии с древнейших времен..., с. 29—36.

⁵ Петраш Ю. Г. «Святые» места обмана..., с. 52—60; его же. «Священный» обман, с. 40—52.

⁶ В связи с предстоящей реставрацией памятника в 1978 г. производились небольшие зачистки и заложены шурфы у стен и внутри мавзолея археологом узбекских СНРПМ М. С. Мершиевым. О результатах работ, ко-

водили археологические работы (шурфовки у стен мавзолея, осмотр кладбища и сбор кайраков), многочисленные тепе вокруг памятника и отдельные предметы старины (керамика, монеты, кирпич и т. д.) никем из них не отмечены. Наоборот, В. Е. Нусов, например, утверждает, что «во время исследования и обмеров памятника не было обнаружено каких-либо других археологических данных (кроме кайраков. — В. Г.), по которым можно было бы сделать археологическое описание местности»¹. А между тем окружающая мавзолей Шах-Фазиль территория оказалась очень интересной в историко-археологическом отношении.

ОТКРЫТИЕ ПОСЕЛЕНИЯ

Расположение с. Мазар на остатках древнего поселения не вызывает сомнения даже при беглом осмотре местности. По всей территории села и за его пределами на поверхности встречаются фрагменты керамики, останцы небольших тепе, в большей части сnivelированных под пашню и застройку. Наиболее значительные из них расположены у самого подножия горы Арча-мазар, окаймляющей село с востока и юго-запада. У местного населения они известны под названием Мунчак-тепе, Катавай или Катта-теке-тепе. Древнее кладбище расположено на Мазар-тепе.

К северо-западу от мавзолея Шах-Фазиль, на надпойменной террасе реки Чанач-сай раскинулась территория со следами средневековых построек так называемой Кыргыз-мечети, к юго-западу от нее — высокий холм естественного происхождения с остатками квадратного в плане каменного сооружения, видимо, сторожевого назначения — Яранг-тепе. На юго-западной окраине села возвышается холм, именуемый Бузтал-тепе; на северо-востоке, у самой реки Падша-ата, современная автострада (соединяющая Караван и Наманган) прорезала Иски-курган. Тепе «с площадкой», где нами подняты фрагменты

которые подтверждают наши наблюдения, он любезно сообщил нам. Внутри мавзолея было заложено 4 шурфа, в которых обнаружены мусульманские погребения (в насыпном слое земли); несколько захоронений — в деревянных гробах, т. е. погребальный обряд такой же, как в буранских и узгенских мавзолеях.

¹ Нусов В. Е. Памятники архитектуры..., с. 47.

античной керамики, расположено на южной окраине села и именуется Ак-курган¹.

Городище, которое мы назвали Мазарским, в большей своей части не сохранило первоначального рельефа. Лишь перечисленные холмы, да огромное кладбище имеют следы древней застройки. Мазар-тепе сплошь покрыто многоярусными могилами, хорошо видными в откосах дороги, прорезавшей кладбище с юго-запада на северо-восток. Это — наиболее значительные развалины городища, которые могут быть сопоставлены с цитаделью. Поскольку территория застроена, размеры цитадели определяются приблизительно; площадь ее едва ли превышала 3 га. С востока она примыкала к подножию горы Арча-мазар, склон которой покрыт толстым слоем наносного лёсса. Сейчас здесь расположено современное кладбище, где, по словам местных жителей, с конца XIX в. хоронили покойников из 12 окрестных сел, в то время как средневековый некрополь служил местом погребения умерших жителей Сафид-Булана.

На юг и запад от цитадели раскинулась территория шахристана, также вытянутая вдоль подножья горы Арча-мазар. Он занимал площадь 1200 x 200—280 м. Микрорельеф шахристана заметно возвышается над окружающей местностью; не исключено, что в древности эта часть поселения имела стену. В юго-западном и юго-восточном углах шахристана сохранились следы крепостных (сторожевых) сооружений на высоких естественных скалистых возвышениях — Катавай-тепе и Яранг-тепе. С трех сторон к цитадели, шахристану и горе примыкала территория, в которой можно усматривать рабад, имевший довольно плотную застройку в центре и отдельные усадьбы по окраинам. Восточной и юго-западной границами рабада служили горы, с севера и северо-востока его территорию опоясывали реки Падша-ата и Чанач-сай. С запада селение окружал крепостной вал, остаток которого фиксируется среди полей в юго-западной части села. Ширина вала в оплыве 15—20 м, высота — до 8 м. Вал насыпной, следов кладок не прослежено. Этот прием возведения оборонительных сооружений

¹ Тепе «с площадкой» Ак-курган не идентично городищу и современному селу Ак-Курган, расположенному в 6 км к юго-западу от с. Гулистан.

встречается и в других раннесредневековых поселениях Южной Киргизии¹.

По топографической структуре Мазарское городище, например, напоминает хорошо изученное Карабулакское (Ляйлякский район) неукрепленное поселение, расположенное в небольшой котловине, окруженной горами; с юго-запада, где долина расширяется и естественный рельеф не мог использоваться в оборонительных целях, его окружал вал в 4 км от шахристана². Эту особенность — зависимость топографии поселений от рельефа и географической среды — исследователи отмечают для многих городищ Ферганы.

Кроме мавзолея Шах-Фазиль древних сооружений на городище сохранилось мало. Глинобитные мазары, соборная мечеть и «Кыргын-мечеть» — постройки XVIII—XIX вв. Рядом с кладбищем и цитаделью до сих пор функционирует средневековый хауз с питьевой водой, резервуар которого вымощен жженым кирпичом. Площадь хауза 10×10 м, глубина просматривается до 2 м. Хауз в древности наполнялся водой из Чанач-сая; от реки был проложен водопровод в виде линии кубуров, в нескольких местах обнаженный бульдозерами при застройке северо-западной окраины с. Мазар.

Материал с городища представлен фрагментами керамики IX—XIV вв. и несколькими монетами. На территории кладбища (бывшей цитадели города) найдены попавшие сюда во время свершения захоронений или поминальных обрядов фельсы «ним-данга» чекана Бухары XV в. и пулы Коканда XVIII — начала XIX вв. На территории шахристана в пределах Катавай-тепе поднят илекский дирхем середины XI в.; на Мунчак-тепе — саманидские медные монеты Мансура б. Нуха 358/968—969 г. и 359/969—970 гг., по всей вероятности, чекана Андукана (Андижана). На территории рабада найден тимуридский фельс Бухары 836/1432—1433 гг., т. е. поры правления Улугбека. Два дирхема конца XII — начала XIII в. были переданы нам рабочим Б. Рустамовым, жителем с. Мазар³.

¹ Заднепровский Ю. А. Археологические памятники южных районов Ошской области. — Фрунзе, 1960, с. 18—19.

² Брыкина Г. А. Карабулак. — М., 1974, с. 117.

³ Эти два бронзовых кружка принадлежали кладу, обнаруженному при рытье котлована под совхозную баню в 1968 г. Монеты оказались интересными с нумизматической точки зрения. Они просмотрены рядом специалистов. М. Е. Массон прочел на них следующее: «Ал-хакан ал-Му'аз-

Разведочные шурфы и разрезы, выполненные по всей территории городища, выявили довольно насыщенный культурный слой: от 2 м на территории рабада и шахристана и до 3,5 м — на Мазар-тепе.

Наиболее детально изучались центральные развалины городища в непосредственной близости от мавзолея. На Мазар-тепе было заложено три шурфа, произведен археологический разрез. При этом выявлены остатки кладки внешней стены монументального сырцового сооружения, каменный фундамент которого подстилается утрамбованным слоем глины и щебня, посыпанного на материковый лёсс. На данном участке стена в докольной части несет следы ремонта в виде «каменных заплат» на высоту 0,6—0,7 м. Фасад стен облицован кирпичом (фигурной выкладкой). Ширина выявленного участка стены превышает 2 м. Верхние слои кладки повреждены двумя погребениями в сырцовых ящиках — цистах, сложенных из того же кирпича.

При помощи шурфа установлен факт полного погребения этой древней постройки под поздними мазарами. Комплекс находок немногочисленной керамики датирует культурный слой шурфа X—XII вв. с выделением, насколько позволяют малые размеры раскопа, двух четко выраженных этапов обживания. По характеру покрытия и цветовой гамме (форм целиком установить не удастся) эта керамика может быть датирована X—XII вв.

Поскольку Б. Н. Засыпкиным установлен факт сооружения мавзолея на скале, шурф у памятника был заложен с целью выявить культурный слой, накопившийся после возведения мавзолея. При работах извлечено несколько фрагментов керамики XIV—XIX вв. Видимо, посуда была оставлена паломниками у входа в мавзолей, на полу. Площадка перед мавзолеем была вымощена жженым кирпичом, сохранившимся у порога ныне заложённого входа в мавзолей. Ремонтные кладки пола производились плитами сланца, из которого и состоит порога под фундаментом мавзолея.

зам тига ад-Дунйа ва-д-дин ал-Музаффар-хан, ал-Наер» (год и место чекана не разобраны). Одну из монет Б. Д. Кочнев прочел: «Ал-хакан ал-Му'аззам Му'изз ад-Дунйа Улуг Тогрул-хан, Касан, 605 (1208—1209 гг.)». Также прочел эту монету и В. Н. Настич. Надпись на второй монете разбирается не полностью: «Джалал-ад-Дунйа ва-д-дин... [улуг?] султан Кадир-хакан». На реверсе — религиозная формула.

Чтобы выяснить, существовали ли пристройки к мавзолею, в 15 м по прямой от южного угла памятника был заложен еще один шурф до глубины скальной породы. Из шурфа извлечено два десятка мелких фрагментов керамики XI—XII и XIV вв. Остатков других построек не обнаружено.

Археологический разрез был сделан на противоположном конце цитадели, в обрыве кладбища, где просматриваются мусульманские погребения в сырцовых ящиках-цистах и грунтовых ямах. Для разреза культурного слоя был выбран участок, менее всего потревоженный захоронениями. За обрывом кладбища идет ровная «терраса» шириной 10—30 м, занятая приусадебными участками, ниже — территория огородов и колхозного сада. Эти обрывы были зачищены и углублены на 1,0—1,2 м в материк. Стратиграфия культурного слоя свидетельствует, что в средние века данная местность имела тот же рельеф и осваивалась террасами.

Керамический материал из шурфов и разрезов на городище показал, что территория цитадели после XII в. не была обжита. Единичные экземпляры посуды позднесредневекового времени были занесены позже, в момент захоронений. На остальной территории средневекового города жизнь продолжалась вплоть до нового времени.

На основе данных археологического исследования Мазарского городища установлено, что заселение местности вокруг мавзолея относится к концу IX — началу X в. Структурно поселение формировалось в соответствии с рельефом, т. е. террасами, которые сохранились и в настоящее время. Культурный слой наиболее обжитой части городища достигает 3,5 м и приходится на X—XII вв. Интенсивная жизнь отмечена также для XIII—XV вв.; не прекращалась она и в последующее время.

Одним из интересных историко-топографических моментов жизни Сафид-Булана является процесс сложения мусульманского кладбища на протяжении нескольких столетий. Формирование его началось в начале или середине XII в. на заброшенной цитадели, от которой оно разрасталось территориально.

Однако сам мавзолей был построен на естественном останце скалы, примыкающем к культурным наслоениям. Рядом с мавзолеем обнаружены остатки монументальной постройки из сырцового кирпича, на развалинах которой в позднефеодалное время были сооружены мнимые мазары «Сафид-Бу-

лан» и «Голов 2700 мучеников», погибших, согласно преданию, при завоевании этой местности арабами (см. далее).

В связи с открытием городища на месте расположения мавзолея Шах-Фазиль должна быть пересмотрена точка зрения А. Н. Бернштама о принадлежности сафид-буланского кладбища городу Заркенду (Заркану), тождественному якобы городищу Ак-курган. Другое дело, что в процессе все более развивающегося культа сафид-буланских мазаров на его «святом» кладбище старались хоронить своих предков и жители окрестных сел, в том числе и Заркента, расположенного всего в 5 км к востоку от с. Мазар, но по другую сторону горы Арча-мазар. Значительные остатки этого поселения были осмотрены нами в пределах современного Заркента; они, конечно, могли принадлежать средневековому Заркану.

Для определения места Сафид-Булана среди других поселений этой части Ферганы мы обследовали территорию ближайшей округи с. Мазар в радиусе до 12 км. В процессе рекогносцировок в окрестностях Сафид-Булана были осмотрены и вновь открыты поселения античного и раннесредневекового времени, свидетельствующие о развитой оседлоземледельческой культуре в этом районе Ферганы, по соседству с владениями скотоводческих племен Тянь-Шаня. Вокруг Сафид-Булана зарегистрированы такие крупные городища, как Кашкалак, Ак-курган, Ак-там, Падак, Мамай, Нанай, Керван, Заркент. Все они расположены по трассе средневекового караванного пути из Ахсикета и Касана на север — в Чаткальскую и Кетмень-Тюбинскую долины и функционировали в X—XII вв., а такие, как Ак-курганское поселение, Мамайское, Падакское — со времен античности и до позднего феодализма.

По сведениям арабо-персидских письменных источников, эти поселения входили в округа Неджм и Керван с городами того же названия. От Касана до Неджма (можно предполагать под ним городище Кашкалак, в 10 км к северо-западу от Испид-Булана) — однодневной переход; от Касана до Кервана (городище у современного села Караван) — 4 фарсаха, т. е. 26—28 км; от Ахсикета до Кервана — 9 фарсахов¹.

¹ Бартольд В. В. Соч., т. I, с. 219.

Таким образом, средневековый Исбид-Булан располагался между Касаном и Керваном, в зоне развитого земледелия, по соседству с кочевниками. Не выделяясь размерами среди окружающих его поселений, он тем не менее пользовался большой популярностью.

ИЗ УСТ В УСТА

С целью выяснения конкретных данных по истории памятников и места их расположения во время пребывания в с. Мазар нами был проведен опрос местного населения. В памяти старожиллов о былой действительности сохранилось немного, а сообщенные сведения носили полуполюгендарный характер. Агиологическая сторона этих преданий была на первом месте. Это становится понятным, если учесть, что почти треть населения с. Мазар ранее считала себя потомками шейхов, имамов, хаджей. Кроме того, предания приобрели «налет» нашего времени, когда рассказ дополнялся сведениями по истории края, почерпнутыми из школьных учебников и популярной литературы. В рассказах разных лиц вместо пришельцев-арабов фигурируют «калмыки» и «монголы», либо просто «неверные». Претерпело изменение и имя девушки Сафид-Булан, которую теперь именуют Билял (или искаженное «Буленд»).

Предания о гибели арабов в местности Исбид-Булан были настолько популярны в Фергане, что в XVIII в. они были оформлены неизвестным автором в поэму «Шах-и Джарир». Ее содержание сжато передано в «Краткой истории Кокандского ханства» В. П. Наливкина¹. В 1896 г. легенда была записана Н. Щербиной-Крамаренко, двумя годами позже она повторена Н. Бряновым в протоколах Туркестанского кружка любителей археологии за 1898—1899 гг.² Легенда встречается и в архивных материалах по киргизскому землепользованию начала XX в. В них, в частности, отмечается привилегированное положение Сафид-Булана во времена Кокандского хан-

¹ Наливкин В. П. Краткая история Кокандского ханства. — Казань, 1886, с. 7—10.

² Брянов Н. О следах древнего города Касана в Ферганской области. — ПТКЛА за 1898—1899 гг. — Ташкент, 1899, с. 148—149.

ства благодаря местным мазарам¹. В последующих изданиях о памятниках Сафид-Булана эти предания приводились на основе данных предшествующих авторов, в сокращенном и несколько измененном виде². Однако критического анализа преданий с точки зрения истории края они не давали. В работах Ю. Г. Петраша, напротив, проявляется резко отрицательный подход к местному материалу и истории, сохранившейся в устной легендарной форме.

Очень интересный разбор легенды о Шах-Фазиле и осмысление ее данных приводит Б. Д. Кочнев, связывая предания с вопросом о первых среднеазиатских мусалла. Подобные легенды, по его наблюдениям, были широко распространены и в других районах Средней Азии³.

Устные предания о Сафид-Буланской старине сводятся к следующему. Во времена завоевания Ферганы арабами в северной ее части обитали муги. Их крепости как будто сохранились до сих пор в Касане (Муг-тепе и Муг-курган) и Мамае (Муг-тепе), а могилы их — в горных долинах Чанач-сая и Чаткала в виде каменных «гумбезов» — курумов.

На месте современного села до прихода сюда арабов якобы рос лес. Пришельцы, победив ферганского правителя по имени Ахшид, резиденция которого была в Касане, и встретив сопротивление майского правителя — Карван-баса, расположились в лесу на берегу Чанач-сая. Войском арабов командовал сахиб Мухаммед Хазрет Шах-и Джарир (или Шах-Джалил), внук пророка.

Обосновавшись в этих местах, он женился на касанской девушке, был в хороших отношениях с касанским правителем Ахшидом, но не ладил с Карван-басом, который вынашивал планы изгнания арабских захватчиков с территории своих вла-

¹ Протокол от 10 марта 1900 г. поземельно-податного комиссара подполковника Кошневского. — ЦГА Уз. ССР, ф. И—19, оп. I, ед. хр. 33273, л. 40—42.

² Кузнецов П. Е. О таджиках Наманганского уезда. — Изв. ТОРГО, т. XI, вып. 2, ч. I. — Ташкент, 1915, с. 6—7; Засыпкии Б. Н. Архитектурные памятники Ферганы..., с. 71; Бернштам А. Н. Архитектурные памятники Киргизии..., с. 42—44; Петраш Ю. Г. «Святые» места обмана..., с. 52—54; и др.

³ Кочнев Б. Д. Сказка — ложь, да в ней намек. — Литературный Киргизстан, 1970, № 3, с. 108—110; его же. Средневековые загородные культовые сооружения Средней Азии. — Ташкент, 1976, с. 9—10.

дений. Наконец, дождавшись большого годового праздника мусульман (Ид-ал Кабир. — В. Г.), когда безоружное арабское войско собралось на праздничный намаз, Карван-бас внезапно напал на молящихся и обезглавил 2700 воинов. Части мусульман удалось бежать за гору, где были привязаны к арке их лошади (отсюда название горы — «Арча-мазар»), и затем отойти к Касану. Но Карван-бас нагнал беглецов и всех уничтожил, за исключением Шах-и Джарира с семьей, которым удалось скрыться.

Никто из местных жителей не смел подойти к месту гибели чужестранцев. Лишь девушка-мусульманка из города Ак-курган по имени Булан (Билял) не побоялась меча Карван-баса и похоронила головы убитых. От усердия кожа ее побелела (или руки стерлись до кости), и это «чудо», по легенде, заставило местное население и «неверного» Карван-баса принять ислам. Впоследствии жители Ак-кургана похоронили девушку рядом с останками шахидов-«мучеников», а местность была названа ее именем — Сафид-Булан. Постепенно часть жителей-мусульман переселилась поближе к «святыням». Так, якобы образовалось селение.

В дальнейших событиях, по преданию, также отражен факт вторичного завоевания местности арабами. Уже через 40 лет после трагического события в Сафид-Булан прибыл с войском внук Шах-и Джарира и сын Усмана — Хазрет-и Шах-Фазиль. Он изгнал Карван-баса и мирно прожил в Сафид-Булане 15 лет. Похоронили его рядом с мешхедами «Сафид-Булан» и «Голов 2700 мучеников» («Коллахана»), построив над его могилой гумбез. По рассказам местных жителей, он будто бы был возведен по приказу и на средства самого эмира Тимура, а сооружение осуществлялось под наблюдением его сына Омар-шейха. Последний якобы впоследствии был похоронен в усыпальнице рядом с Шах-Фазилем.

Так в бытующих издавна местных легендах мифические элементы причудливо переплелись с отголосками реальных событий раннего средневековья, которые исторически можно увязать с продвижением тюрков в Фергану, борьбой коренного населения против арабского нашествия, с распространением мусульманской религии в Фергане и утверждением культа «святых» в исламе, а также с реакционной политикой мусульманского духовенства на протяжении многих столетий.

Представляется вполне вероятным, что на данной территории имело место сражение в VII в., но не арабского войска, а местных ихшидов (титул ферганских правителей, искаженный в преданиях на «Ахшид») с тюрками, которые в VII в. утвердились в северной части Ферганы. Из письменных источников известно, что в многолетней борьбе между 627 и 649 гг. тюрками был убит правитель Ферганы, после чего город Касан стал резиденцией тюркской династии¹.

В VII—VIII вв., как известно, происходило завоевание арабами Средней Азии. Первый поход на Фергану связан с именем Кутейбы в 94/712—713 гг.; однако в течение двух столетий между местными жителями и завоевателями шла упорная борьба, и лишь в середине IX в. арабам удалось завоевание. Всякий раз в Фергану посылались многочисленное войско, что и нашло отражение в сафид-буланских преданиях².

По сведениям средневековых восточных авторов, самое упорное сопротивление иноземцам-завоевателям оказывали жители областей Касана и Уреста, т. е. той части Ферганы, где и расположен исследуемый памятник. Достоверно известно, что саманид Нух ибн-Асад был последним наместником, при котором арабам пришлось вновь завоевывать эти области вследствие отхода их жителей от ислама³. Лишь к началу X в. ислам стал здесь господствующей религией, что подтверждается и сведениями текстов кайраков Сафид-Булана, из которых явствует факт принятия новой религии жителями этой местности на рубеже IX—X вв.⁴ (см. ниже).

На территории села есть еще несколько мазаров, связанных, будто бы, с описанными выше событиями. «Мазар Алам-дара» — могила знаменщика арабского войска — находится на склоне горы Арча-мазар, она имеет вид небольшой глинобитной постройки нового времени на обширном кладбище.

«Таш-мазар» — серый камень с торчащей из земли отшли-

¹ Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 528—529.

² Согласно преданиям, войсками арабов руководил Шах-и Джарир; это имя символическое, не зарегистрированное ни в одной генеалогической таблице или историческом источнике. «Джарир» (араб.) — значит «многочисленный», «несметный», «хорошо вооруженный».

³ Бартольд В. В. Соч., т. III, с. 530.

⁴ Дьяконов М. М. Несколько надписей на кайраках из Киргизии, с. 14—15; ЦГА Уз. ССР, ф. И-19, оп. I, д. 4642, л. 29.

фованной паломниками вершушкой. Он находится рядом с мавзолеем и является, как справедливо полагает Б. Н. Засылкин, предметом доисламского фаллического культа. По легенде, перед засухой или каким-либо трагическим событием камень якобы врастает в землю, а перед радостным известием — вырастает на несколько сантиметров.

Во время двух мусульманских праздников на свершение намаза в Сафид-Булан прежде собирались мусульмане всех окрестных сел. Богослужение проводилось в «Кыргын-мечети», территория которой до недавнего времени представляла собой огороженный двор с садом, михрабом, местом заклания, развалинами былого глинобитного минарета и «могилой мучеников» в виде тепе. Теперь «Кыргын-мечеть» расположена на берегу Чанач-сай, но до XX в. намазгах, по словам старожил, располагалась рядом с мавзолеем Шах-Фазиль.

Эти сведения несут отпечаток доисламских культов, распространенных среди населения Ферганы, и их пережитков в исламе. У самих арабов до принятия ими этой религии многие обряды совершались под открытым небом на свободной площади, на току или гумне. Это было отражением особого отношения к земле, символом которой и являлся ток, гумно, мусалла¹. В Средней Азии арабам пришлось отказаться от этой традиции. По свидетельству Наршахи, первая мусалла в Бухаре, вопреки предписаниям пророка, была устроена «внутри города» и Кутейба ибн-Муслим приказал правоверным приходить на моления с оружием².

Таким образом, привлеченный фольклорный материал в той или иной мере затрагивает один из важных вопросов историографии и этнографии, а именно соотношение исторических фактов с данными устных преданий, что свидетельствует об определенной ценности его в качестве сравнительного источника, иногда существенно дополняющего страницы истории и духовной культуры. Совершенно очевидна связь между этими видами источников, хорошо прослеживаемая на памятниках Сафид-Булана.

¹ Цит. по кн.: Кочнев Б. Д. Средневековые загородные культовые сооружения..., с. 9 (со ссылкой на: Wensinck A. J. Musalla, Et, Bd. III, Leiden-Leipzig, 1936, s. 805—806).

² Мухаммед Наршахи. История Бухары /Пер. Н. Лыкошина. — Ташкент, 1897, с. 68.

О ЧЕМ ПОВЕДАЛИ КАМНИ

Для выяснения истории поселения и мавзолея Шах-Фазиль немаловажное значение имеют местные эпиграфические памятники — кайраки с арабскими текстами эпитафий¹.

Средневековое кладбище, занимая площадь около 3 га, функционирует наряду с новым. Намогильные камни с древнейших захоронений, по сообщениям местных старожил, уже в конце XIX в. были перенесены к главной «святыне» — мавзолею Шах-Фазиль и помещены внутри него, а также снаружи, рядом с окружающими его надгробиями местных шейхов. Установлено также, что сохранившиеся до настоящего времени кайраки составляют лишь малую часть тех, что находились там еще в прошлом столетии; многие камни в разное время бесследно исчезли или же сильно повреждены.

Еще в 80-х годах прошлого века краевед А. Н. Арванитакис по надписям на кайраках датировал сафид-буланское кладбище XII—XIV вв.² Снятые им копии текстов осмотрел в свое время Н. И. Веселовский, отметивший «массу надгробных камней с именами шейхов». Древнейшие из кайраков отнесены им к середине IV в. хиджры, т. е. XII в., а наиболее поздние — к IX в. х. — XV в.³

Один из намогильных камней, наиболее примечательный по художественному и каллиграфическому оформлению, прочел по слепку, сделанному в 1925 г. Е. К. Бетгером, академик В. В. Бартольд. Он указал, что надгробие принадлежит ученому из Испид-Булана — Мухаммеду ибн Дауду⁴.

Этот кайрак вместе с другими эпиграфическими памятниками из Сафид-Булана был прочтен и опубликован М. М. Дьяконовым по эстампам, снятым в 1946 г. А. Н. Бернштамом. Автор публикации дает подробный разбор текстов эпитафий, анализирует различные мусульманские

¹ См.: Горячева В. Д., Настич В. Н. Кайраки из Сафид-Булана. — ЭВ, вып. 22. М.—Л. (в печати).

² Автор благодарен Б. Д. Кочневу, указавшему на наличие рапорта А. Н. Арванитакиса военному губернатору Ферганской области от 6 декабря 1884 г., содержащего сведения о кайраках Сафид-Булана. См.: ЦГА Уз. ССР, ф. И—69, оп. I, ед. хр. 4642, л. 29.

³ Веселовский Н. И. Дагбид..., с. 89.

⁴ Из письма Е. К. Бетгера по поводу кайраков из Киргизии. — ЭВ, вып. V. — М.—Л., 1951, с. 134—135.

термины и титулатуру духовных лиц, отмечает наличие в родословной погребенных тюркских имен, делает ряд интересных выводов по истории края и духовной жизни его обитателей, о наличии городской торгово-ремесленной среды суфиев. Но он также отмечает, что, поскольку эстампажи были утрачены, остались неучтенными особенности почерков, не разобраны отдельные слова, которые правильно прочесть можно было лишь в оригинале — на самом камне.

При разборе на месте текстов надгробий, сопровождавшемся тщательной прорисовкой и фотографированием, и особенно при последующем чтении их В. Н. Настичем выяснилось, что в некоторых случаях чтение и перевод одних эпитафий расходится с предложенным М. М. Дьяконовым, других — нуждается в отдельных поправках или же требует значительных дополнений. В настоящее время сафид-буланские кайраки представлены 14 камнями, в том числе двумя осколками. Кайрак, соответствующий № 7 в публикации М. М. Дьяконова, на месте нами не обнаружен. Нет также надгробия, рукописный текст которого без перевода и каких-либо описаний (кроме указания о принадлежности этого памятника мавзолею Шах-Фазиль) приведен в полевом дневнике Б. Н. Засыпкина, проводившего археолого-архитектурные работы на мавзолее в 1947—1951 гг.

Как и большинство среднеазиатских надгробий кайраки представляют собой плоские гальки цвета «пустынного загара», темно-коричневые или серые, различной величины и формы. Эпитафии кайраков в основном исполнены на арабском языке, но на двух камнях — на персидском. Наиболее ранние из них, относящиеся ко второй половине XII в., исполнены красивым «слегка цветущим» куфи с элементами насха и диакритическими точками; более поздние — насхом, часто нечетко, с ошибками в диакритике, а подчас и небрежно, безграмотно. Эпитафии надгробий также различны: либо многословные, объемные по содержанию родословные погребенного (так называемые куньи) либо лаконичные, в 4—5 строк (таких, однако, немного). Некоторые из упоминаемых в текстах лиц в 8—9 колена своей родословной имели тюркские имена, что отражает время принятия тюрками ислама в X в. или на рубеже IX—X вв.

Из текстов эпитафий выясняются имена и титулы погребенных, известных для своего времени богословов — в основном,

имамов и шейхов. Некоторые из них — пришлые из отдельных мест так называемого «мусульманского Востока» — Аравии, Хорасана, Азербайджана и других.

Кайраки сообщают частично о социальной принадлежности и о роде занятий погребенных сафидбуланцев в XI—XIV вв.: «Слава купцов» (хваджа) родом из Азербайджана, торговец хлопчатобумажными тканями, ткач, переписчик и др., хотя большая часть надгробий принадлежала шейхам. Некоторые из них носили высокие титулы: «приближенный к царям и султанам», «гордость знаменитых людей», «ученейший из ученых», «украшение имамов в мирах».

Один кайрак сообщает о принадлежности ученого Мухаммеда ибн Да'уда ал-Испидбулани (умер в 1266 г.) к суфийской среде: «аскет, подвижник, отрешившийся от мирских желаний». Этот кайрак замечатель тем, что содержит нисбу (или лакаб) ученого по месту погребения — «ал-Испидбулани». Это же указание на местное родовое имя содержится и в другом кайраке.

Такое же название местности дает в своем упоминании о трагических событиях в Испид-Булане и Джамаль Карши. Сохранилось оно с некоторым искажением и в памяти народа. Не исключено, что именно эта местность в форме «Булан» названа в рассказе Тимурида Омар-шейха о сражении с Инга-Тюря /Торе/, содержащемся в персидском источнике XV в. «Зафар-наме» Низам ад-Дина Шами¹. В этнографическом сочинении «Джами ал-мукамат» при описании событий, протекавших в Фергане в первой половине XVI в. Испид-Булан упоминается уже как Сафид-Булан².

Этимологический разбор термина «Сафид-Булан» показывает, что название местности состоит из двух слов: искаженное в тюркском произношении «сафид» — «испид» или «эспид» — «белый» и «булан», встречающееся у Махмуда Кашгарского как название мифического единорога в тюркских сказаниях³. В тюркско-монгольском лексиконе это слово оз-

¹ МИКК, вып. I, с. 106.

² «Джами ал-мукамат». Рукопись № 7638 ИВАН Уз. ССР, л. 221. Автор признателен А. Мокееву за указание источника.

³ Махмуд Кашгарский. Девону дуготит турк. Словарь-индекс. — Ташкент, 1967, с. 77. (МК, I, 391—16, ар. 346—II).

начает «лось»¹. Термин «Булан» совершенно непонятен современным жителям, поэтому они заменили его на женское имя; иногда услышишь — «Булом» — «борода», а по Н. Щербине-Крамаренко и А. Н. Бернштаму — «Буленд», что означает «высокая», «вышина», но отнюдь не «женщина».

Кроме кайраков с надписью на могилах можно встретить шаровидные камни, также древнего происхождения; на некоторых из них начертан орнамент. Подобные могильники весьма распространены в Средней Азии, особенно в Туркмении². До недавнего времени сохранялась традиция класть на могилу камень или кирпич, иногда с надписью староузбекским, русским или арабским письмом.

Поскольку установление кайрака с надписью, а чаще окатанной гальки или кирпича — явление довольно распространенное на исследуемых нами памятниках архитектуры и окружающих их кладбищах, уместно коротко остановиться и на генезисе этой традиции. Известно, что как возведение особого архитектурного сооружения, так и установление намогильников в виде каменных стел или валунов, галек, кирпичей противоречит мусульманской обрядности погребения, о чем говорилось выше. Поэтому данный обычай логично связать с местными доисламскими традициями, а именно — тюркскими.

Ученые уже высказывали мысль о древнетюркском происхождении некоторых категорий намогильников. Так, С. Е. Малов в болгаро-татарских намогильниках с вертикальным расположением строк арабской эпитафии усматривал отзвук традиций древнетюркских надгробий³. М. Е. Массон высказал предположение о древнетюркском происхождении туркменских каменных фертообразных и человекоподобных намогильников позднего происхождения и поры феодализма⁴. Наличие среди киргизстанских кайраков значительного числа женских

¹ Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий, т. IV, ч. 2. — СПб., 1911, с. 1838.

² Ходжагельдыев А. Об орнаментах намогильных камней. — Памятники Туркменистана. — Ашхабад, 1970, № 2(10), с. 9.

³ Малов С. Е. Болгарские и татарские эпиграфические памятники. — ЭВ, вып. 2. — М. — Л., 1948, с. 48.

⁴ Массон М. Е. О происхождении некоторых каменных намогильников Южного Туркменистана. — Материалы ЮТАКЭ, вып. I. — Ашхабад, 1949, с. 42—53; его же. Плоскоплиточные каменные намогильники Южного Туркменистана XVIII в. (Из истории Мерва XVIII столетия). — Труды ЮТАКЭ, т. XIV. — Ашхабад, 1964, с. 270.

эпитафий М. Е. Массон также объясняет возможностью их изготовления для представительниц «аристократин, вышедшей из кочевой среды»¹. «Турецкими надгробиями» именуют Х. Глюк и Э. Дин каменные намогильники различных форм с арабскими текстами эпитафий, в том числе стеллы с навершием в виде «тюрбанов», особняком расположенные на азиатском кладбище в Константинополе².

Не вдаваясь в проблему и историю изучения намогильных эпиграфических памятников, мы хотели лишь подчеркнуть, что мысль о тюркском происхождении их (хотя и о разных категориях памятников) высказывалась неоднократно. Б. В. Бартольд отмечал, что в самой Мекке не встречалось камней с датой и надписью ранее XII в.³ В Персии и Исфахане они также получили распространение с середины XII в.⁴, что произошло, на наш взгляд, не без влияния тюркок-огузов. И если для Египта и некоторых островов Средиземноморья надгробные памятники мусульман известны уже с I/VII в.⁵, то здесь, вероятно, должны проследиваться еще коптские и древнеримские традиции. При этом для указанных надгробий характерен краткий стандартный религиозный текст: бисмалла, выдержки из Корана, формула, вводящая имя усопшего или усопшей, формула исповедания веры, отдельная сура Корана и дата.

На киргизстанских же намогильниках, как и на большинстве среднеазиатских кайраков и намогильников Поволжья (в исламизации которого ведущую роль играла Средняя Азия), религиозный текст играет скорее второстепенную роль. Главное место в эпитафиях этих намогильников отводится имени погребенного с родословной, титулатурой, восхвалениями и описаниями достоинств при жизни и благопожеланиями в потустороннем, загробном мире. Эти сведения как бы дают заявку на почитание, культ его личности, перекликаясь с до-

¹ Массон М. Е. Среднеазиатские намогильные кайраки. — ЭВ, XI. — М.—Л., 1956, с. 7.

² Glück H. und Diez E. Die Kunst des Islam. Bd. V. Berlin, 1934, s. 557, fig. 278—279.

³ Бартольд В. В. Соч., т. IV, с. 264.

⁴ Miles G. C. Epitaphs from an Isfahan Graveyard. — Ars Islamica, vol. VI, pt. 2. Michigan, 1939, pp. 151—157.

⁵ Крачковская В. А. Арабские надгробия музея палеографии АН СССР. — Тр. музея палеографии, вып. III. — Л., 1929, с. 2 и сл.

исламскими традициями поклонения предкам. Лишь немногие надгробники, в большинстве случаев XIII—XV вв., включают выдержки из Корана и бейты на фарси.

Нельзя не отметить, что кайраки XI—XIV вв. напоминают каменные надгробники древних тюрков. Как отмечает С. Г. Кляшторный, жанровая принадлежность тюркских памятников весьма разнообразна. Многие мемориальные надписи VII—X вв. содержат восхваления деяний виднейших представителей древнетюркской, уйгурской и кыргызской знати, составленные их ближайшими родственниками или же ими самими еще при жизни. «Эпитафийная лирика» представлена, как правило, короткими надписями, в которых отражены имя, титулы, возраст умершего, а также несколько важнейших событий из его жизни¹.

Анализируя сохранившиеся древнехакасские тексты, написанные тюркоязычным енисейским письмом, Л. Р. Кызласов делает вывод, что у древних хакасов существовала самобытная поэзия, имевшая свои литературные традиции². Киргизскими же тюркологами, например, отмечено, что даже по сравнению с местными сиро-тюркскими (несторианскими) надгробными гальками, древнетюркские тексты богаче, они содержат до десяти и более строк³. Характерно, что по форме несторианские и мусульманские кайраки Семиречья одинаковы: это — окатанные речные гальки и кирпич, наиболее доступный и легко поддающийся резцу местный материал. В других районах надгробниками могли служить иные породы камня, диктовавшие по-видимому, и различные их формы.

С принятием ислама на территории расселения тюркоязычных народов этот древний обычай не был забыт, но вместо рунического (орхоно-енисейского) письма стало употребляться арабское.

Таким образом, местные эпиграфические памятники служат важным историческим источником, существенно восполняющим данные археолого-топографического изучения Сафид-Бу-

¹ Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники..., с. 53.

² Кызласов Л. Р. Низами о древнехакасском государстве. — СА, 1963, № 4, с. 75.

³ Джумагулов Ч. Язык сиро-тюркских несторианских памятников Киргизии. — Фрунзе, 1971, с. 18.

лана, а также подтверждающим некоторые страницы истории поселения, которая еще живет в памяти народа.

В самом факте установления на могиле мусульманина кайрака с надписью, окатанной гальки или просто кирпича можно усмотреть доисламские, скорее всего тюркские традиции, не противоречащие, однако, древнему местному обычаю, связанному с почитанием могил и культом предков. Тексты эпитафий раннесредневековых надгробников Киргизстана как бы свидетельствуют о продолжении древних традиций погребальной обрядности, несколько трансформированной и видоизмененной с принятием ислама и новой письменности.

КОГДА И ДЛЯ КОГО СООРУЖЕН МАВЗОЛЕЙ ШАХ-ФАЗИЛЬ

В историко-археологической литературе высказываются самые различные точки зрения о датировке памятника. Археологические исследования на окружающей его территории выявили основные этапы жизни средневекового Сафид-Булана, но не историю самого мавзолея. Поэтому ответы на вопрос, когда и для кого он был сооружен, следует искать в самом памятнике.

Изучаемый объект представляет собой редкое, если не уникальное среди известных памятников зодчества сооружение. Не случайно родились самые разноречивые суждения о его происхождении. Б. Н. Засыпкин, посвятивший много лет изучению Шах-Фазилы, считал этот мавзолей стоящим «особняком в среднеазиатской архитектуре в связи с отсутствием каких-либо аналогий и параллелей в истории архитектуры Средней Азии и сопредельного Востока»¹. Не вдаваясь в подробный анализ его архитектурно-художественных особенностей, хорошо разработанных в свое время Б. Н. Засыпкиным, остановимся на том, что, на наш взгляд, может служить основанием для датировки сооружения и предположений о его назначении.

Шах-Фазиль — купольно-центрическое сооружение, ориентированное углами по сторонам света. Основной его объем представляет квадратное в плане сооружение с арочными

¹ Засыпкин Б. Н. Выдающиеся памятники..., л. 62.

парусами в интерьере, прикрывающими снаружи трехступенчатый восьмигранник. Общая высота памятника от древнего уровня пола до верха купола — 15,5 м; внешний периметр по основанию — 11,1 x 11,7 м, длина внутренних сторон — 7,85 м. При столь значительных размерах основания и высоты постройки основной четверик возвышается всего на 5,2 м, поэтому главенствующее место в пропорциях мавзолея принадлежит массивному переходу к куполу и вытянутому вверх перекрытию.

По мнению Б. Н. Засыпкина, в момент строительства мавзолей имел более разработанный фасад. В архивных документах хранится сделанный им карандашный набросок предполагаемого первоначального вида памятника, очевидно, впоследствии переросший в проект реставрации, о котором упоминается в монографии. Судя по рисунку, фасад был подчеркнут тремя арочными проемами, наибольшим из которых был средний. Под боковыми арками располагались розетки наподобие узгенских (Северного и Южного мавзолеев). Углы четверика фланкировали трехчетвертные колонны.

Это предположение Б. Н. Засыпкина подтвердил В. Е. Нусов, который в 1951 г. зафиксировал остатки декора в углах северного фасада мавзолея¹. Однако автор не сообщает, каким он был. Нами же ничего подобного не замечено. Правда, северный угол памятника сохранил явные признаки ремонта, но декора не прослеживается. Б. Н. Засыпкин предполагал также наличие полосы с надписью на верхней части четверика.

В один из периодов купол мавзолея был надстроен, в результате чего приобрел неровную поверхность и чрезмерно вытянутые пропорции. Тогда же, видимо, был заложен световой фонарь, через который первоначально освещалось помещение. Б. Н. Засыпкин относил последнюю переделку фасада к XIX в., когда были перестроены дверные проемы с прокладкой дощатых перемычек и заложением верха кирпичом. К этому же периоду он относил сооружение мазаров «Сафид-Булан» и «Коллахана», которые вместе с мавзолеем Шах-Фазиль образуют «ансамбль памятников»². Ремонтный кирпич довольно массивен, имеет стороны в 40,41 и 44 см при толщине

¹ Нусов В. Е. Архитектура Киргизии с древнейших времен..., с. 33

² Засыпкин Б. Н. Выдающиеся памятники..., л. 65.

6 см, в то время как основная кладка здания выполнена из кирпича другого формата (26—27 x 14—14,5 x 3,5 см, 32 x 32 x 4,5 см). Этот формат кирпича близок формату строительного материала узгенских памятников.

Внешне скромному фасаду памятника противостоит богатое кружево ганчевой облицовки интерьера. Стены несущего четверика имеют высоту около 4 м; плоскость их расчленена в штукатурке на панель, широкий фриз с медальонами, между которыми проходят пояса куфических надписей. Выше идет ярус парусов, где заполнение пазух выполнено в форме заостренных куполов и фестончатых стрельчатых арок. По верху этого яруса у основания купола проходит еще одна полоса надписей (см. ниже).

Кирпичная кладка интерьера выполнена в пустошовку с расчетом на покрытие ганчем. Сферическое заполнение парусов выложено тычками, а нижней части — спаренным кирпичом. Характерно построение стрельчато-арочных надстенных ниш «елочной» кладкой.

Резные ганчевые штукатурки Шах-Фазиль сохранили следы некогда обильной раскраски в синие, голубые, желтые, красные цвета. Этот прием красочной тонировки резного ганча довольно распространен в архитектуре Средней Азии, — как культовой, так и гражданской, — отражая определенный эстетический вкус эпохи.

А. Н. Бернштам относил появление мавзолея к послемонгольскому времени, обосновав это тем, что «традиция отсутствия декора на внешней стороне здания и особый акцент на украшение росписями интерьеров продолжается в мавзолеях послемонгольского периода в районах, занятых собственно кочевниками, прежде всего в Казахстане. Самый характер такого соотношения показателей для той части Чагатайского улуса, которая сохранила кочевой образ жизни. Это дает основание полагать, что мавзолей Шах-Фазиль именно этого происхождения...»¹. Эта аргументация А. Н. Бернштама не отражает действительности. Выше уже говорилось, что мавзолей расположен в зоне развитой оседлоземледельческой культуры и жизнь в Сафид-Булане не прекращалась на протяжении тысячелетия, так что о «чисто кочевом» образе жизни в исследуемом районе говорить не приходится.

¹ Бернштам А. Н. Архитектурные памятники..., с. 95.

Штукочный декор мавзолея, как доказала Н. С. Гражданкина, по химико-технологическим признакам характерен для XI—XII вв.¹ Орнаментальные мотивы и манера исполнения резьбы также сближают его с памятниками XI—XII вв.² К фактам, указывающим на такую же датировку, можно отнести и прием выведения арочных настенных ниш кладкой «в ёлочку». Этот вид конструктивно-архитектурной орнаментации (как уже отмечалось нами выше) получил широкое распространение в среднеазитском монументальном зодчестве именно в указанные столетия. Не противоречат этой дате и многочисленные надписи мавзолея. В. Л. Воронина справедливо указала на необходимость передатировки сафид-буланской эпиграфики именно домонгольским временем³.

Надписи в мавзолее Шах-Фазиль покрывают большие плоскости стен. В литературе имеется публикация монументальной арабской надписи, якобы принадлежащей этому мавзолею⁴. Однако при осмотре памятника мы пришли к заключению, что надпись, прочитанная в 1925 г. (опубликована лишь в 1951 г.) В. В. Бартольдом по фотографии Э. Кон-Винера, не принадлежит исследуемому мавзолею. У В. В. Бартольда она приведена на арабском языке, в то время как в мавзолее Шах-Фазиль надписи, содержащие сведения светского характера, написаны, по определению проф. М. Е. Массона, на персидско-таджикском. Арабским шрифтом исполнены надписи в круговых розетках, но они, по чтению В. Н. Настича, представляют собой религиозные тексты. Таким образом, сведение о смерти «святого» в 741 г. принадлежит другому, а именно одному из несуществующих ныне касанских мавзолеев. В 1927 г. их осмотрел и прочел надписи на порталах М. Е. Массон⁵.

Эпиграфику мавзолея Шах-Фазиль можно разделить на два вида не только потому, что они исполнены на разных языках, но и по манере исполнения. «Первым стилем» можно условно назвать арабские тексты, заключенные в розетках; «вто-

¹ Гражданкина Н. С. Некоторые способы..., с. 136.

² Ремпель Л. И. Архитектурный орнамент..., с. 227.

³ Воронина Л. В. Стиль надписей колонн соборной мечети в Хиве. — НЭ, вып. 2. — М., 1962, с. 85.

⁴ Из письма Е. К. Бетгера..., с. 134—135.

⁵ Массон М. Е. Рец.: Засылкин Б. Н. Памятники архитектуры..., с. 238.

рым» — надписи, расположенные горизонтально отдельными поясами по стенам мавзолея. Тексты «первого стиля» написаны великолепным почерком, одинаковым для всех сохранившихся надписей розеток как в орнаментальном поясе над панелью, так и в поясе тропов. Разница в размерах букв; в поясе тропов надписи, заключенные в круговые розетки под стрельчатой аркой, идут более широкой полосой. Высота «алифов» и «ламов» равна 11—12 см, в поясе розеток над панелью высота букв 8—9 см. Поскольку эти надписи идут по кругу, то и стволы букв в некоторых местах наклонены. В полной мере «цветущим куфи» этот почерк назвать нельзя, поскольку редкие из букв имеют орнаментальные ответвления. Промежутки между буквами заполнены изящными витками растительного орнамента. Надписи выполнены плоской резьбой с выборкой фона. Глубина резьбы не более 1,5—2,0 см.

Тексты «второго» стиля, сохранившиеся отдельными кусками на юго-западной и северо-восточной стенах, также имеют разные размеры; нижняя полоска их не превышает 25 см, в то время как верхняя, над ярусом тропов, достигает 60 см. Почерк этих надписей массивен и строг. Пробелы между буквами заполнены сеткой мелкого растительного орнамента, иногда заключенного в круги. Надпись выполнена в высоком рельефе, что достигнуто дополнительным налепом к вырезанным по штукатурке буквам. Большая часть сохранившихся текстов давно утратила этот налепной слой.

Шах-фазильские надписи представляют собой редкий экземпляр монументальной эпиграфики Средней Азии. Найти точные аналоги им, во всяком случае, среди ступочных декораций, очень трудно. Наиболее близки к ним по стилю надписи резных деревянных колонн XII в. из хивинской мечети¹. Сходная манера письма исполненных в кирпиче надписей на фасаде мавзолея рубежа XI—XII вв. Абдуллы ибн-Бурейды², а также надписей мавзолея Мухаммеда ибн-Зейда в Старом Мерве, содержащих дату 506/1112—13 гг.³. По общему стилю с исследуемым текстом сближаются надписи мавзолея Ярты-

¹ Воронина В. Л. Стиль надписей колонн..., с. 85, рис. 5.

² Пугаченкова Г. А. Новое в архитектуре средневекового Мерва. — Тр. ЮТАКЭ, т. XII. — Ашхабад, 1963, с. 242—243, рис. 16—17.

³ Массон М. Е. Куфическая надпись мавзолея Мухаммеда сына Зейды в Старом Мерве. — Тр. ЮТАКЭ, т. XIV. — Ашхабад, 1969, с. 199.

Гумбез близ Серакса, отстроенного на рубеже XI—XII вв.¹, соборных мечетей XI—XII вв. в Савэ² и Газни³. В эпиграфике этих памятников соблюдены одинаковые пропорции, венчания букв — «алифа» и «лама», петлеобразные «нун» и «айн», выведены U-образные украшения. Нельзя не отметить и надписей Рабат-и Шерефа 549/1154—55 г.⁴, стуктовую панель 533/1138 г., вывезенную из Хорасана, хранящуюся в Бостонском музее⁵, и др.

Приведенный перечень аналогий позволяет датировать надписи мавзолея Шах-Фазиль рубежом XI—XII вв., а скорее всего — первой половиной или серединой XII в.

Надписи мавзолея трудночитаемы. В. Н. Настич видит в арабских надписях коранические выдержки. На одной из розеток 9 раз по кругу повторена фраза «ал-мульк ли-ллах» («власть принадлежит Аллаху»), на другой — религиозная формула «бисмалла». Эти надписи «первого стиля», по всей вероятности, вырезались по трафарету.

Большая куфическая надпись на персидско-таджикском языке содержит исторические сведения. По разрозненным фотографиям, сделанным в 1951 г. Е. Н. Юдицким, М. Е. Массону удалось рассмотреть лишь отдельные слова, а именно «шахид» (мученик за веру), «скорбь» и «плач», «ханака», каковым термином, видимо, именовался памятник в момент его создания; можно прочесть слова: «сарай» (дворец), «фазл» /?/ — (ученый) и религиозную формулу: «Нет бога кроме Аллаха, и Мухаммед посланник его».

Но и эти скудные сведения представляют интерес для выяснения назначения постройки. Упомянутые в тексте «ханака» и «сарай» свидетельствуют скорее о светском, чем мемориальном характере постройки в момент ее возведения. «Ханака» могла означать и «мазар», но в XI—XII вв. этот термин чаще имел другой смысл, а именно — «обитель суфиев». История этого заведения тесно связана с мусульманским отшельничест-

вом, которое протекало на Востоке под непосредственным влиянием христианского и манихейского культов¹.

Первые сведения о ханаках именно как о месте обитания дервишей и суфиев имеются у ал-Мукаддаси и Джами. Последний, например, сообщал, что знаменитый имам Мухаммед Газали, умерший в 505/1111 г., построил в Тусе «ханаку для суфиев и медресе для стремящихся к познанию»². По мнению В. В. Бартольда, ханаки и медресе строились преимущественно в таких местах, которые и ранее (до ислама) были местами культа. Только к XV в. под ханакой стали подразумевать иногда и мазар, но в большинстве случаев термин употреблялся именно в своем первоначальном значении: обитель для суфиев (дервишей). Ханака могла служить местом погребения светского лица, строителя ханаки, но могла быть также и мазаром, так как в ней хоронили и духовных лиц, бывших настоятелей обители. В настоящее время ханака для мавзолея совсем не употребляется, он известен лишь как мазар.

Само здание построено по типу усыпальницы, чему как будто противоречит следующее: главный фасад, отмеченный тремя входами, находится в северо-западной стороне, а боковой вход, сделанный, видимо, позднее, — в юго-западной. Можно предполагать, что в момент строительства в этой стороне была ниша, подобная сохранившейся в северо-восточной стене. Два погребения, явно позднего происхождения, ориентированы, как и все могилы на кладбище, по оси северо-запад — юго-восток, т. е. согласно мусульманскому обычаю. Однако центральный вход в мавзолей расположен с противоположной стороны, и каждый входящий проявлял элементарное непочтение к погребенному, поскольку оказывался не у его ног, а у изголовья. Поскольку боковое «надгробие» предание связывает с именем младшего сына Тимура — Омар-шейха, оно могло быть возведено лишь много лет спустя после его смерти³. Возможно, что в этот период ханака и была перестро-

¹ Пугаченкова Г. А. Ярты-Гумбез. — ЭВ, вып. XIV. — М.—Л., 1961, с. 19, рис. 8.

² Godard A. Les anciennes mosquées de L'Iran. — Ars Asiatiques, t. III, fasc. 1. — Paris, 1955, fig. 9.

³ SPA, vol. V, pl. 305.

⁴ Godard A. Khorasan. — AI, t. IV, fasc. 1. — Paris, 1949, p. 11, fig. 3.

⁵ SPA, vol. V, pl. 520.

¹ Бартольд В. В. О погребении Тимура.—Соч., т. II, ч. 2, с. 432—434.

² Там же, с. 430.

³ Это явная фальсификация. Омар-Шейх был вторым сыном Тимура. В конце XIV в. управлял Ферганой при жизни отца, который пережил сына. Омар-Шейх был убит при осаде одной из курдских крепостей и тело его погребено в Кеше. См.: Бартольд В. В. Соч., т. II, ч. 2, с. 427; т. VIII. — Л., 1973, с. 188.

на под мазар. Однако более вероятно, что она располагалась где-то рядом. Упоминание о ханаке в надписи мавзолея может свидетельствовать о погребении в ней его строителя или основателя. Во всяком случае, до полного прочтения надписей мавзолея Шах-Фазиль вопрос о назначении постройки остается открытым.

Раскопки у памятника показали, что в древности он составлял ансамбль с другими монументальными зданиями и, по всей вероятности, с мавзолеями. Согласно нормам мусульманского права, возведение строений гражданского назначения на месте разрушающихся культовых сооружений было недопустимо и считалось святотатством. Поэтому не исключается наличие других древних мавзолеев — «мешхедов», о которых писал Джемаль Карши; всего вернее, они стояли на месте нынешних мазаров Сафид-Булан и Коллахана. Показательно также, что Джемаль Карши в своем сочинении XIII в. не упоминал мавзолея Шах-Фазиль. Это свидетельствует о том, что в то время культ Шах-Фазиль еще не сложился. В условиях средневекового ханжества автор мог даже не отметить другие сооружения, поскольку существовали «святые» для мусульманина могилы. Видимо, древние постройки располагались рядом с мавзолеем Шах-Фазиль в одном архитектурном ансамбле противоположащих зданий «кош», очень типичном для феодального среднеазиатского зодчества.

Территория, где находятся изучаемые объекты, в свое время была удобным местом для расположения суфийской общины: на окраине поселения, на склоне горы с древними местами языческого поклонения. Вполне закономерна и близость гуристана, что характерно также для других подобных сооружений Средней Азии, в частности для ханаки и мавзолея Хаким-и Тармизи в старом Термезе¹.

Безусловно, в древности мавзолеем Шах-Фазиль был окружен рядом построек. До сих пор Сафид-Буланский комплекс заключен в мощную кирпичную ограду, сохранил двор и суфы вдоль стен, легкую каркасную мечеть и оформленный порталом вход. Во дворе среди построек стоит камень (с доисламских времен), чуть поодаль — развалины халимхоны и тохаратхоны.

¹ Массон М. Е. Надписи на штурке из архитектурного ансамбля..., с. 65.

Косвенным доказательством бытования суфийской общины и других сект служат не только кайраки Сафид-Булана, но и многочисленные рисунки внутри мавзолея (раскрытая ладонь, рука с растопыренными пальцами, дерева граната, различные знаки и символы, арабские и другие надписи). Вместе с кайраками на некоторых могилах и, в частности, на сагоне в самом мавзолее, лежат рога горных козлов и баранов. В среднеазиатских легендах баран и козел являлись одними из самых почитаемых животных. Они якобы изгоняли из человека злых духов. У туркмен, например, особо почитались черные бараны. В старину бараньи черепа считались надежными оберегами от сглаза. Издревле рога выставляли на «священных» деревьях и могилах предков. Таким образом дошли до нашего времени отголоски тотемического культа¹.

Все эти изображения и предметы, требующие специального этнографического исследования, свидетельствуют, однако, о значительных пережитках доисламских культов в этой местности. Это само по себе характеризует всякое мистическое учение в исламе и суфизм, в частности². Появившись в VIII—IX вв. в Ираке, суфизм очень скоро распространился в странах ислама, существенно влияя на литературу, духовную жизнь и идеологию. Первоначально суфийские теории выражали протест ортодоксальному вероучению; проповеди суфиев призывали к отказу от всех земных радостей, были направлены против роскоши и богатства, как порождения зла. В проповеди аскетизма нашел отражение растущий протест ремесленников и низших слоев города и деревни против гнета феодалов, против несправедливого распределения благ. Суфийские шейхи и старцы-наставники приобрели большой авторитет среди широких масс и политическую силу, прибрав к своим рукам сотни послушных учеников и последователей. Этого не могли не заметить господствующие классы, которые стали привлекать шейхов на свою сторону. Вскоре многие из них становятся приближенными «к царям и царевнам», подчас влияя на внутреннюю и внешнюю политику государства. Постепенно появилась новая форма суфизма, отвечающая интересам феодалов. К XIII—XIV вв.,

¹ Агаджанов С. Г. Очерки истории огузов..., с. 138, прим. 5.

² Массе А. Ислам. — М., 1963, с. 163 и сл.

когда суфизм жил перепевами старых идей и стал клониться к упадку, в Средней Азии повсеместно наблюдалось особое рвение духовенства к закреплению своего авторитета, самой религии в народных массах путем внедрения в их сознание культов многочисленных «святых» и сооружения мазаров. Это наглядно отразилось в описанных выше кайраках, как Сафид-Булана, так и Узгена и Баласагуна.

Итак, в процессе археолого-топографического изучения мавзолея Шах-Фазиль были зафиксированы остатки средневекового городища, сопоставляемого с Испид-Буланом (или Сафид-Буланом) письменных источников.

Поселение появилось на трассе караванного пути из центральной части Ферганы в долину Чаткала и Кетмень-Тюбе на рубеже IX—X вв. Вследствие многовекового функционирования поселения на одном месте на городище общей площадью около 3,5 кв. км не сохранилось четко выраженных составных частей памятника. Наиболее интенсивной жизнь в Испид-Булане была в XI—XII вв., что отразилось в его территориальном росте. С начала XII в. часть шахристана пустеет и на ней формируется кладбище.

Жизни Сафид-Булана придавали своеобразие многочисленные «святые места» древнего поклонения, восходящие к доисламским культам, которые в эпоху распространения мусульманства не только не потеряли своего значения, но были переосмыслены и использованы служителями культа в соответствии с новой религией и веянием времени. Местные эпиграфические памятники указывают на наличие суфийской общины в Сафид-Булане, о принадлежности к ней разного рода ремесленников и торговцев, а также части высокопоставленных лиц из числа улемов, сейидов, шейхов.

Таким образом, последние исследования в Сафид-Булане свидетельствуют, что на северо-востоке Ферганской долины в X—XV вв. сложился и функционировал не просто некрополь, как представлялось раньше, а городское поселение и крупный культурный центр этого региона.

* * *

Все, о чем говорилось в нашей книге, — результат работы многих поколений историков и археологов, архитекторов и искусствоведов, лингвистов и этнографов, любителей-краеведов и маститых ученых. Накопленные по крупицам сведения

о каждом из памятников приближают к нам эпоху их создания — далекое средневековье.

Киргизы в недавнем прошлом — кочевой народ, и тем ценнее для нас памятники далекой старины, свидетельствующие о развитой оседлоземледельческой культуре их предков. Эти памятники не поражают грандиозностью, но ярко демонстрируют самобытность народного творчества, строительные и художественные традиции, идущие из глубины веков. Общность исторических судеб народов Средней Азии, многовековые контакты между тюрками и согдийцами на территории Семиречья и Ферганы имели важное значение для этногенеза киргизов и сыграли большую роль в их истории. Постоянно смешиваясь и взаимообогащаясь, наполняясь живительными соками новизны, красоты и целесообразности, культура земледельцев и степняков-кочевников развивалась, чтобы пережить века.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — «Вестник древней истории»
 ГИМ — Государственный исторический музей
 ЗВОРАО — «Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества»
 ЗАН — «Записки (Императорской) Академии наук»
 ИРГО — Императорское Русское географическое общество
 ИИАЭ АН — Институт истории, археологии и этнографии Академии наук СССР
 ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана»
 ИРАИМК — «Известия Российской Академии истории материальной культуры»
 КАЭЭ — Киргизская археолого-этнографическая экспедиция
 КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР».
 МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР»
 МИТТ — «Материалы по истории туркмен и Туркмении»
 МИКК — «Материалы по истории киргизов и Киргизии»
 НЭ — «Нумизматика и эпиграфика»
 ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане»
 ПИДО — «Проблемы истории докапиталистических обществ»
 ПТКЛА — «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии»
 РИНИОН — Российская Ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук
 СА — «Советская археология»
 САГУ — Среднеазиатский государственный университет им. В. И. Ленина

- СКСО — «Справочная книжка самаркандской области».
 СНРПМ — Специальные научно-реставрационные производственные мастерские Министерства культуры Киргизской ССР
 Средазкомстарис — Среднеазиатский комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы
 СТ — «Советская тюркология» (Баку)
 СЭ — «Советская этнография»
 ТВОРАО — «Труды Восточного отделения Русского археологического общества»
 ТОВЭ — «Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа»
 ТОРГО — Туркестанское отделение Русского географического общества
 ФАН — Филиал Академии наук СССР
 ФПИ — Фрунзенский политехнический институт
 ЦГА — Центральный государственный архив
 ЭВ — «Эпиграфика Востока»
 ЮТАКЭ — Южнотуркменистанская археологическая комплексная экспедиция
 AI — «Athâr-è Iran. Annales du Service Archeologique de l'Iran» (t. I—IV, Paris, 1936—1949)
 EI — «Enzyklopaedie des Islam. Geographisches, ethnographisches und biographisches Wörterbuch der Muhammedanischen Völker», Bd. I—IV, Leiden — Leipzig, (1908), 1913—1934.
 SPA — «A Suvvey of Persian Art, from prehistoric times the present». Ed. A. u Pope (vol. I—VI, London — New-York, 1938—1939).

С Л О В А Р Ъ

арабских, персидских
и тюркских терминов, использованных в тексте

- Айван — открытое помещение, портал с большой нишей, перекрытой сводом.
Арк — цитадель, крепость города
Балбал — каменное изваяние на могиле древних тюрков
Барабан (купола) — цилиндрическая часть здания, служащая опорой перекрытию
Бисмалла — религиозная формула, с которой начинаются суры Корана
Бустан — сад
Вафк (вакуф) — имущество, завещанное или переданное каким-либо лицом в пользу мусульманского учреждения (мечети, медресе) без права продажи
Вали — правитель области, губернатор
Восьмерик — восьмигранный объем части здания
Ганч (ганчхак) — местная разновидность алебаstra (иногда с добавкой лёсса)
Гирих — геометрический орнамент
Гумбез — купол, куполообразное здание
Гуристан — мусульманское кладбище
Гурхан — титул киданьского правителя
Гурхона — усыпальница; собственно, мавзолей для светского лица
Гяз — мера длины, размеры его колебались в разные эпохи и в разных местностях, приблизительно, 0,7—1 м.
Дарваза — ворота, въезд
Дервиш — отшельник, странствующий монах
Джами (джума) — соборная мечеть в городе
Динар — золотая монета; в монгольское время — крупная серебряная монета

- Дирхем — серебряная монета
Дихкан — в раннем средневековье — представитель знати, феодал
Замок (арки) — клинчатая кладка, завершающая арку (или свод)
Зиаратхона — место поклонения; зал для поминальных обрядов
Зир — мера длины (локоть), равная 65—81,28 см
Ид ал- (Курбан) Кабир — большой, великий праздник
Ид ал-Фитр — праздник Разговения
Изразец — покрытая поливой керамическая плитка
Илек — тюркский титул удельного правителя в государстве Караханидов
Имам — глава мусульманской общины
Ислам — дословно «покорность»
Ислими — растительный орнамент в виде побега (вьюнок)
Ихшид — титул правителей Согда и Ферганы в раннем средневековье
Кайрак — дословно «галька», надгробный камень с эпитафией
Караван-сарай — постоянный двор, место стоянки караванов
Кафир — человек иной (немусульманской) веры
Кенотаф — надгробный памятник (могила), сооруженный в честь погибшего вдали от Родины человека
Кешк — раннесредневековый укрепленный замок
Кибла (кыбла) — направление к Мекке, сторона, в которую мусульмане обращаются при молитве
Коран — священная книга мусульман
Кош — дословно «пара», здесь — стоящие друг против друга здания
Кубуры — керамические трубы водопровода
Курум — каменное погребальное сооружение на поверхности земли
Корук (курук) — ханский заповедник, ханское кладбище
Кухендиз — старая крепость, то же, что арк
Куфи — один из почерков древней арабской письменности, отличается угловатостью и вычурностью
Лакаб — своеобразная мусульманская фамилия по названию родных мест, прозвище
Ляхад — подбой в могиле

Мазар — место поклонения и погребения мусульман в период позднего средневековья
Малик (мелик) — персидский титул князя
Махалла — квартал, район города
Медина — то же, что шахристан, т. е. внутренний город; священный город мусульман наряду с Меккой
Медресе — высшая духовная школа мусульман
Мешхед — могила, которой поклоняются мусульмане
Мечеть (масджид) — молитвенное здание или помещение у мусульман
Минарет (монара) — башня при мечети для созыва мусульман на молитву
Минбар — кафедра имама в мечети
Михраб — ниша (алтарная) внутри мечети, ориентированная в сторону Мекки
Муги — огнепоклонники (зороастрийцы)
Мугхона — дословно «жилище муга», надгробное наземное сооружение из кирпича или камня
Мударрис — глава кафедры в медресе
Мулла — мусульманский служитель культа, ученый-богослов
Мусалла — место общественной молитвы в два годовых праздника; загородная праздничная мечеть для целой округи города
Муфтий — ученый-богослов у мусульман, толкователь Корана, дающий заключения по духовным и юридическим вопросам, возглавляющий орган духовного управления
Муэззин (муэдзин) — служитель религиозного культа у мусульман, созывающий с минарета верующих на молитву
Намаз — молитва, совершаемая пять раз в день; основа мусульманской веры
Намазгах — то же, что мусалла
Насх — разновидность почерка в арабской письменности
Науруз — праздник Нового года в домусульманской Средней Азии
Наус — родовая усыпальница, костехранилище в домусульманской Средней Азии
Нисба — родовое прозвище, обычно от названия города и местности
Парус — переходная конструкция от стен помещения к куполу, часть сферической поверхности

Пештак — арочный портал с большой нишей, служащий входом в здание
Пилон — квадратный или прямоугольный устой, одна из опор арки, свода, купола
Пул — мелкая разменная медная монета
Рабат — торгово-ремесленная часть города; предместье
Рабат — укрепление; укрепленный монастырь, иногда — караван-сарай
Рустак — селение, сельская округа, район
Сагана (сагона) — сводчатый склеп для одиночного наземного захоронения
Садр — духовный глава; в средневековой Бухаре — наследственный правитель
Сахиб — сподвижник Мухаммеда; титул министра
Сарай — дворец, зала
Сейид — господин, потомок пророка Мухаммеда
Софит — архитектурно обработанная поверхность перекрытия
Стук (штук) — твердая ганчевая или глиняная штукатурка с резьбой
Султан — титул светского правителя в государствах Арабского халифата
Сульс — разновидность почерка арабской письменности, отличающегося пластичностью
Сура — стих Корана
Сунна — мусульманское священное предание о пророке Мухаммеде
Суфа — лежанка
Суфий — человек, исповедующий или проповедующий суфизм на мусульманском Востоке
Суфизм — мистико-аскетическое направление в исламе
Тагора — чаша больших размеров, таз
Тамга — родовой знак, печать, клеймо у тюрков
Тегин — принц (тюркский титул)
Терракота — обожженная (резная) глина
Тимпан — западающая внутрь основная часть арки
Тохаратхона — помещение для ритуальных омовений
Тромп — особый вид сводчатой конструкции, применяемый для перехода от квадратного основания сооружения к куполу, имеет форму части конуса
Турткуль — букв. четыре стены; остатки четырехугольной в плане постройки

Улемы — ученые-богословы и правоведы
Факих — законовед; знаток мусульманского канонического права
Фарсанг (фарсах) — расстояние пути, равное 6—7 км
Фельс — медная монета
Фикх — мусульманское правоведение
Фонарь — завершающая часть минарета
Фриз — ленточная скульптурная (лепная) или живописная композиция
Хадж — паломничество в 12-м месяце лунного (мусульманского) года
Хаджа — человек, совершивший паломничество в Мекку
Хаджиб — придворный чин, сановник при караханидском дворе
Хадисы — рассказы Сунны со слов пророка
Хакан (каган) — верховный правитель древних тюрков
Халимхона — помещение, где готовили ритуальное блюдо — халим — из пшеницы (риса), мяса
Ханака — обитель странствующих дервишей и паломников; центр дервишеского ордена
Хауз — открытый искусственный водоем
Хафиз — знаток и декламатор Корана
Хиджра — начало летоисчисления в исламе; исходным для него принято считать 1-е число 1-го месяца (мухаррама), т. е. 16 июля 622 г.
Ходжа (хваджа) — почетный титул придворного сановника
Хорезмшах — титул правителя Хорезма
Худжра — келья, жилая комната в медресе или других зданиях
Циста — могила, сложенная из сырцового кирпича в грунтовой яме
Шариат — мусульманское право
Шахристан — собственно город, то же, что и медина
Шейх — старик, глава религиозной общины
Шейх-уль-ислам — то же, что муфтий; глава мусульманского духовенства
Эмир (амир) — военачальник, вождь (употребляется как титул); правитель

ПРИЛОЖЕНИЕ

Рис. 1. Буранинский минарет X в. (до реставрации 1974 г.).

Рис. 2. Часть экспозиции музея под открытым небом на базе Буранинского археолого-архитектурного комплекса.

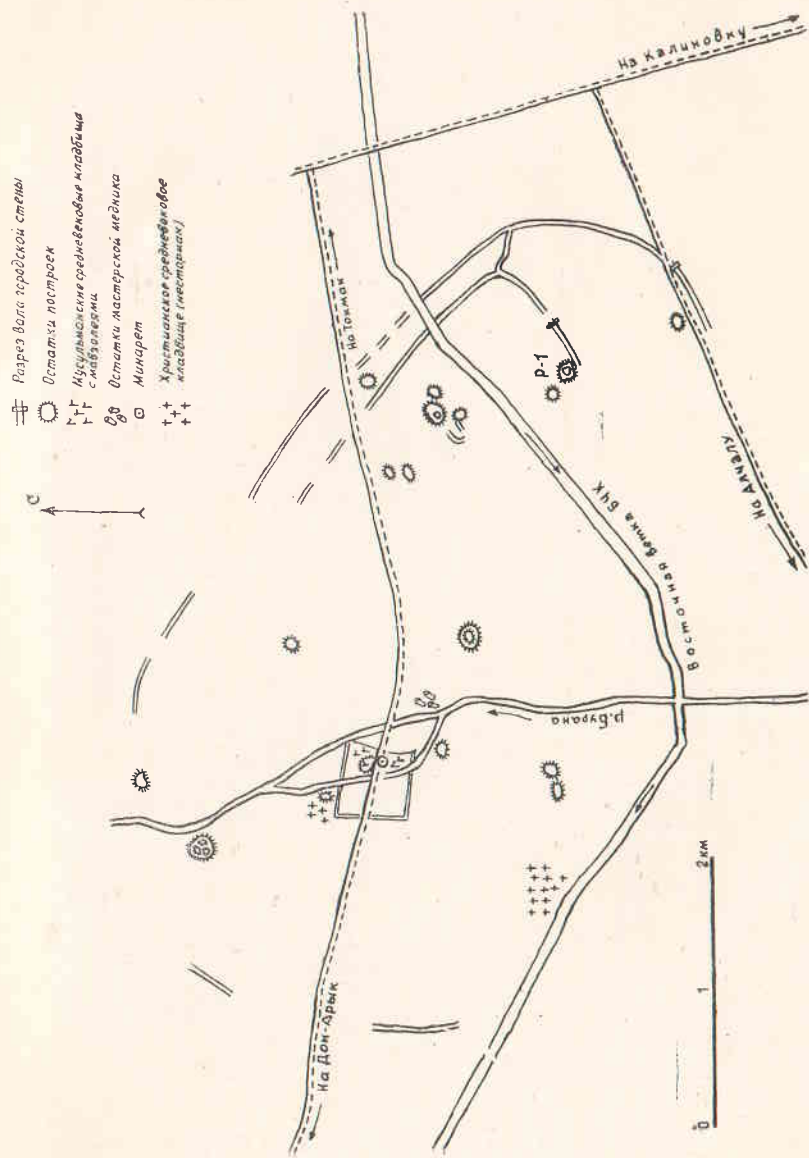

Рис. 3. Схематический план городища Бурана (Баласагуна) X—XIV вв.

Рис. 4. Характер кладки восьмигранного мавзолея XI—XII вв.

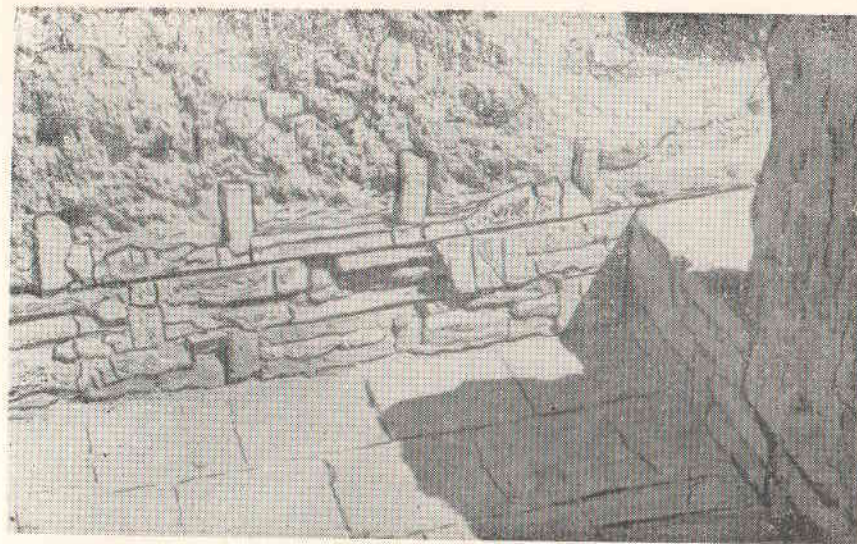

Рис. 5. Орнаментальная панель в помещении № 1.

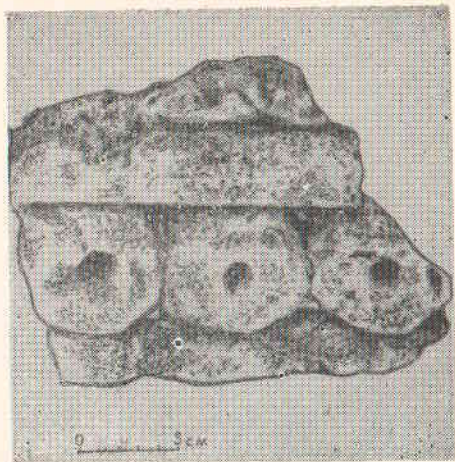

Рис. 6. Резной штук
буранинских мавзолеев.

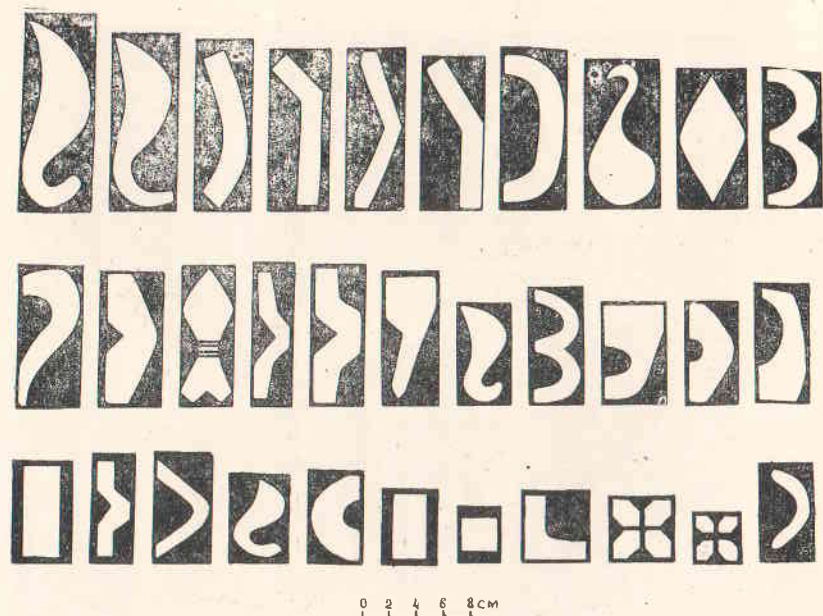
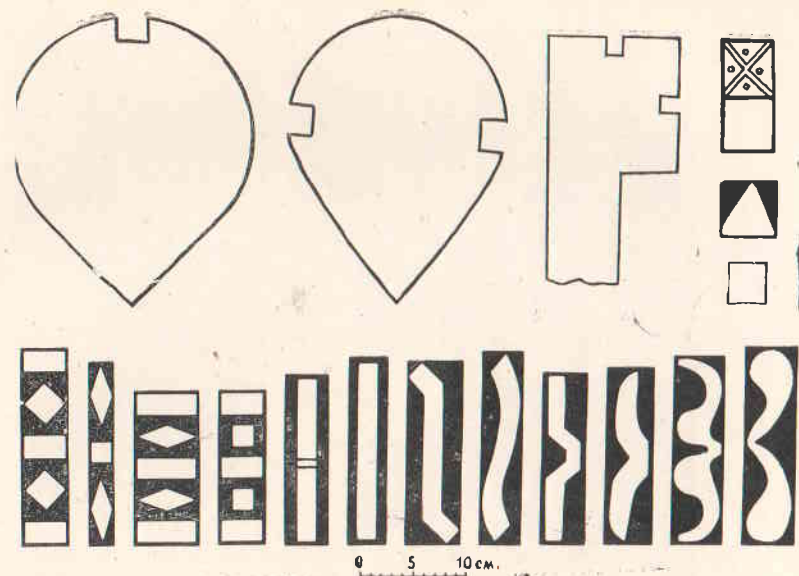
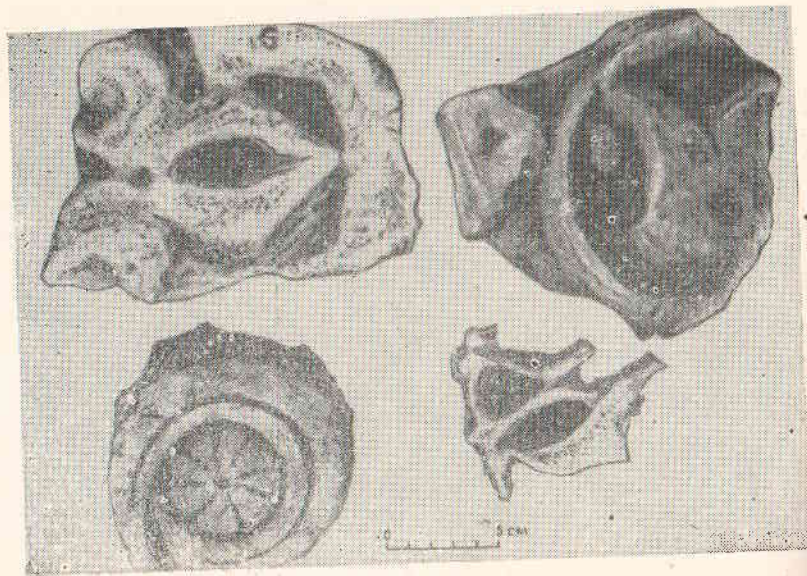

Рис. 7. Основные типы резных кирпичиков буранинских мавзолеев.

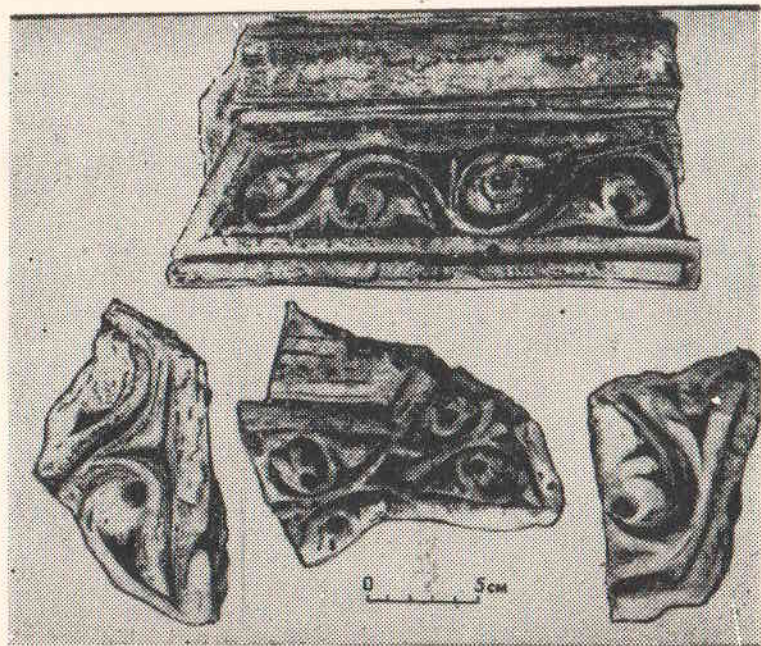
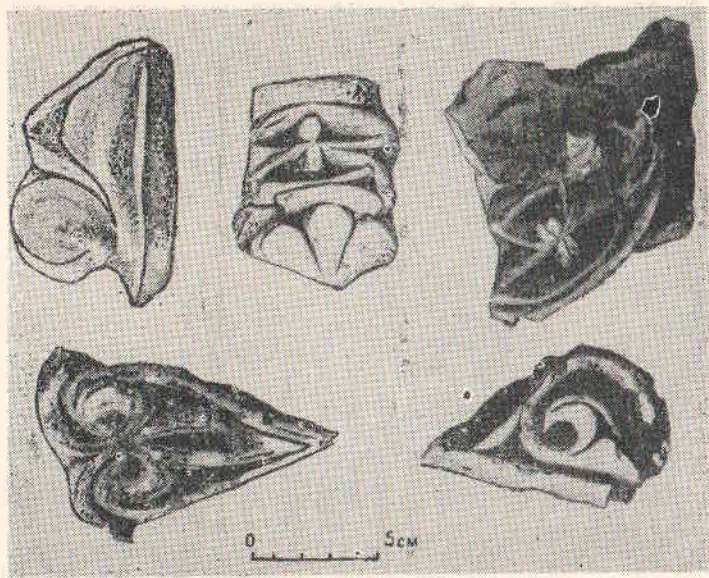

Рис. 8. Архитектурная терракота мавзолея № 1.

Рис. 9. Бурана.
Осколок кайрака XII в.

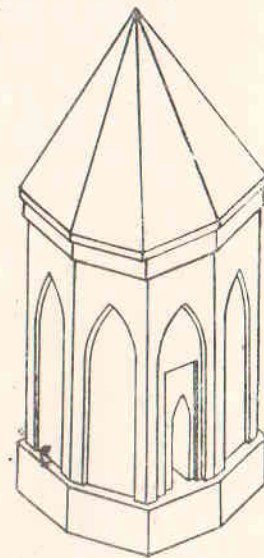

Рис. 10. Проект графической
реконструкции восьмигранного
мавзолея Бураны.

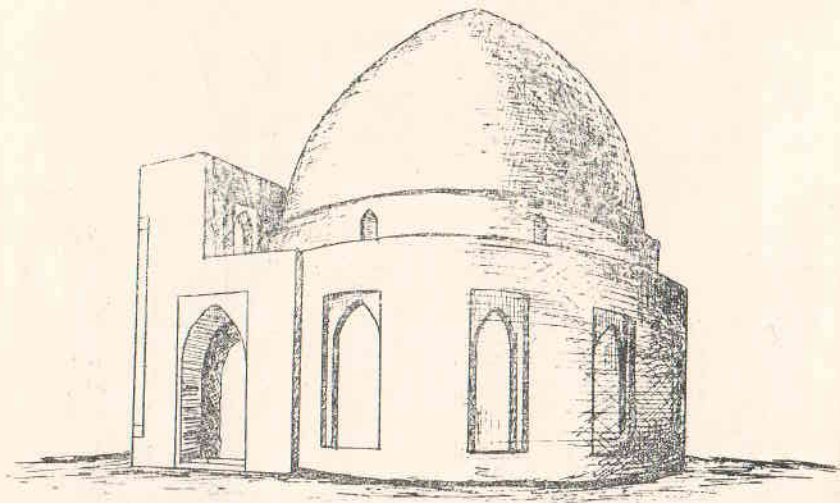
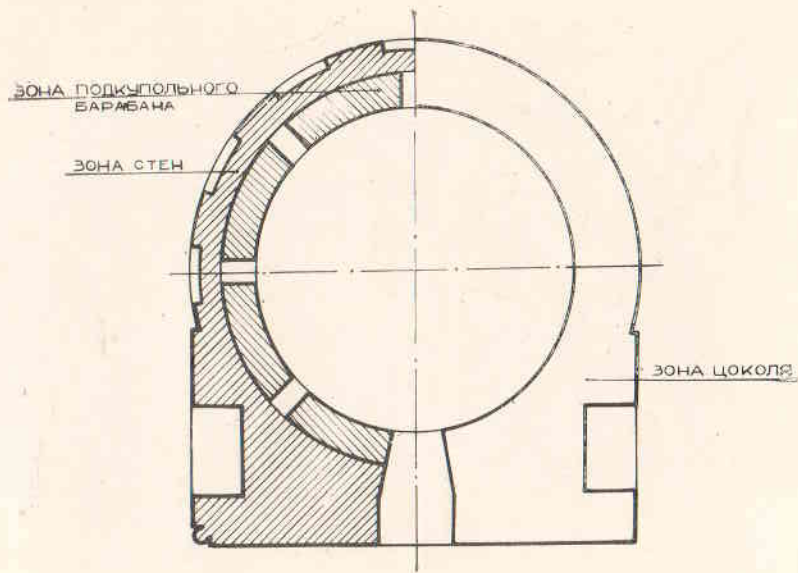

Рис. 11. Проект графической реконструкции буранинского мавзолея № 2. План и общий вид (по Г. А. Пугаченковой).

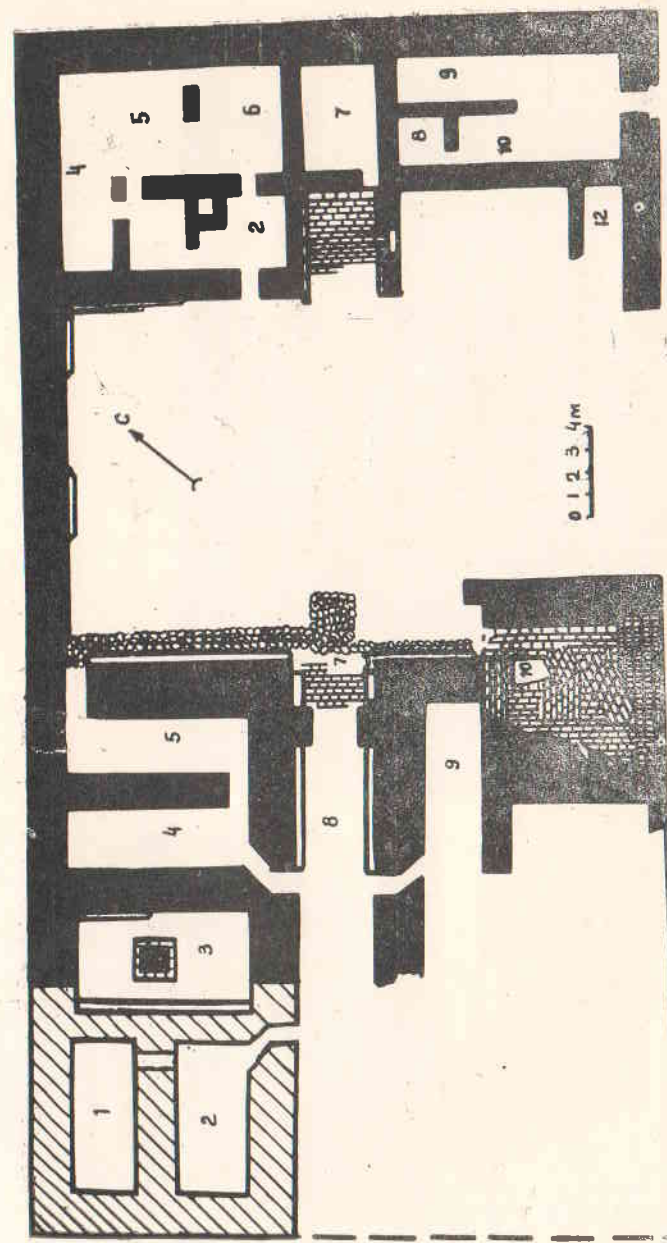

Рис. 12. План дома в усадьбе в юго-восточной части Бураны (XI в.).

Рис. 13. Бурана.
Арабская эпитафия
на кайраке XII в.

Рис. 14. Серебряный дирхем
чекана Бухары нач. XI в.

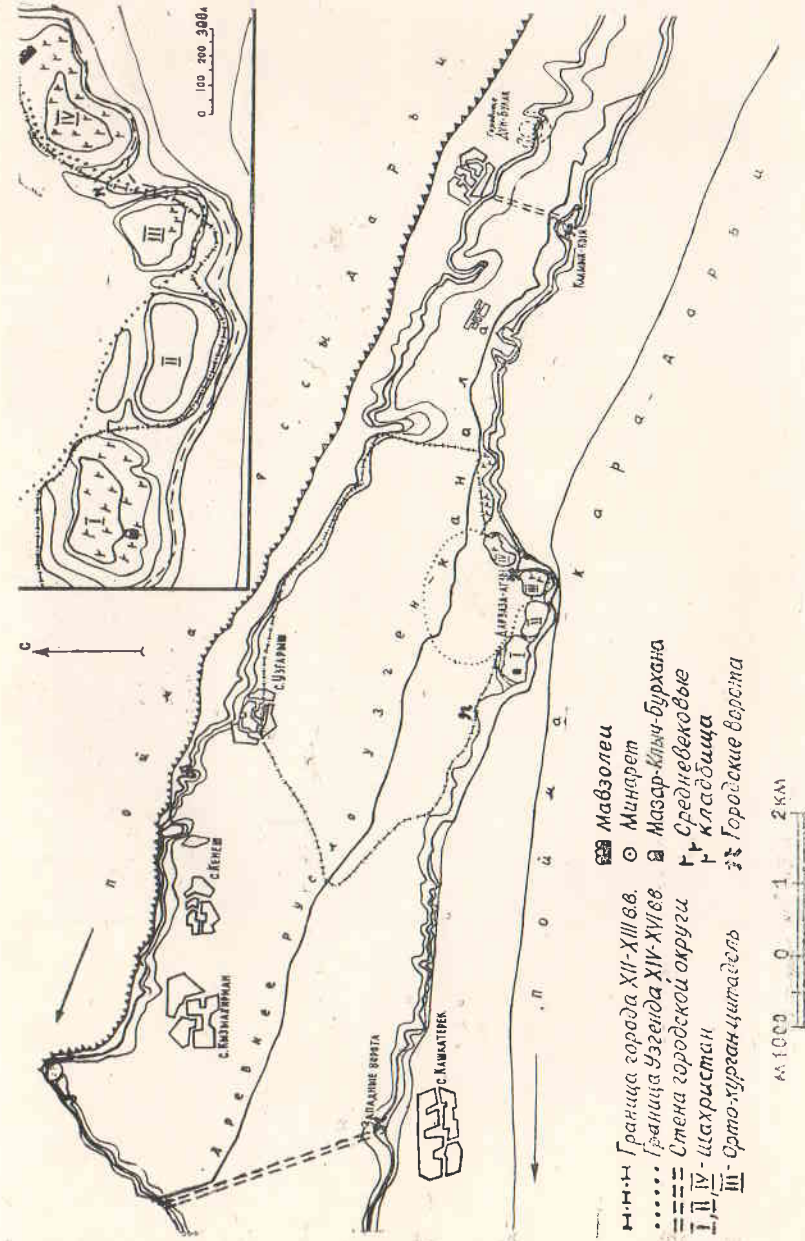

Рис. 15. План-схема средневекового Узгенда.

Рис. 16. Часть орнаментальной кладки узгенского минарета XII в.

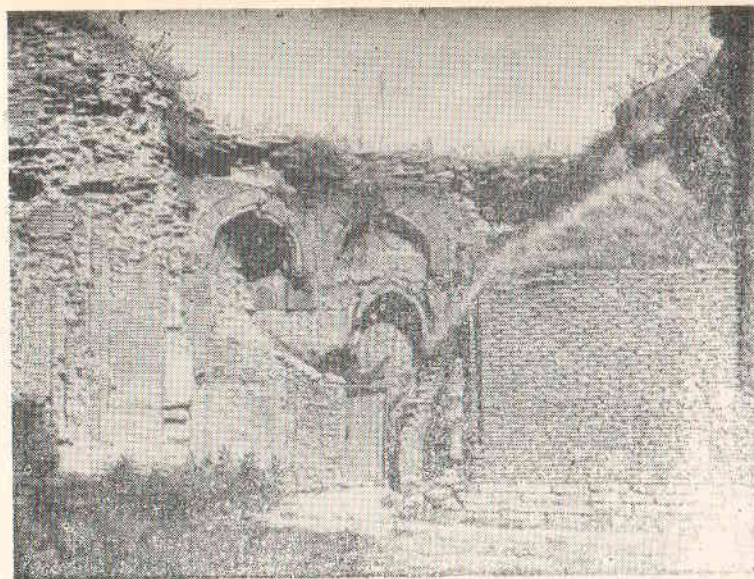

Рис. 17. Средний узгенский мавзолей XI—XII вв.
Вид памятника до реставрации.

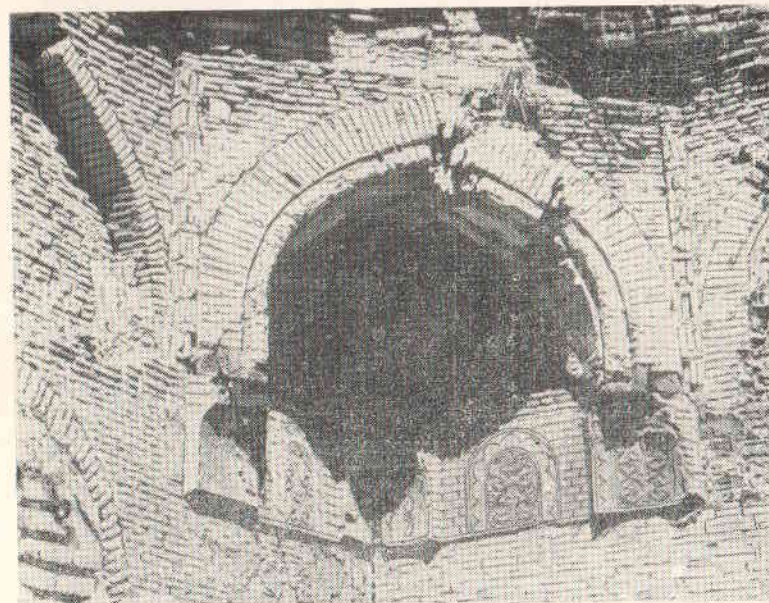

Рис. 18. Средний мавзолей. Часть интерьера.

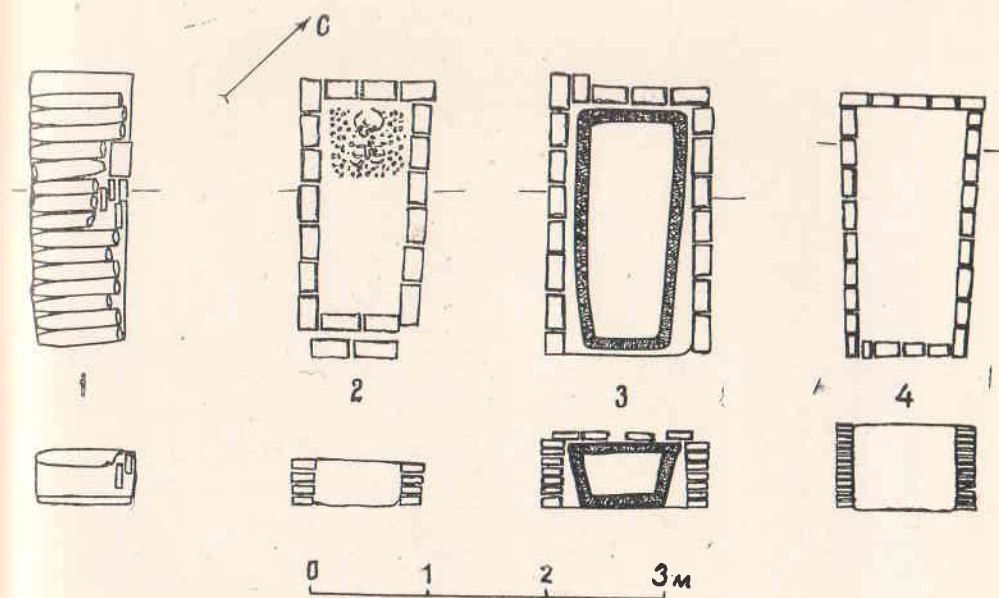

Рис. 19. Фрагмент надписи из шлифованных кирпичиков на юго-западном портале Среднего мавзолея.

Рис. 20. Средний узгенский мавзолей. Конструкции вскрытых могил.

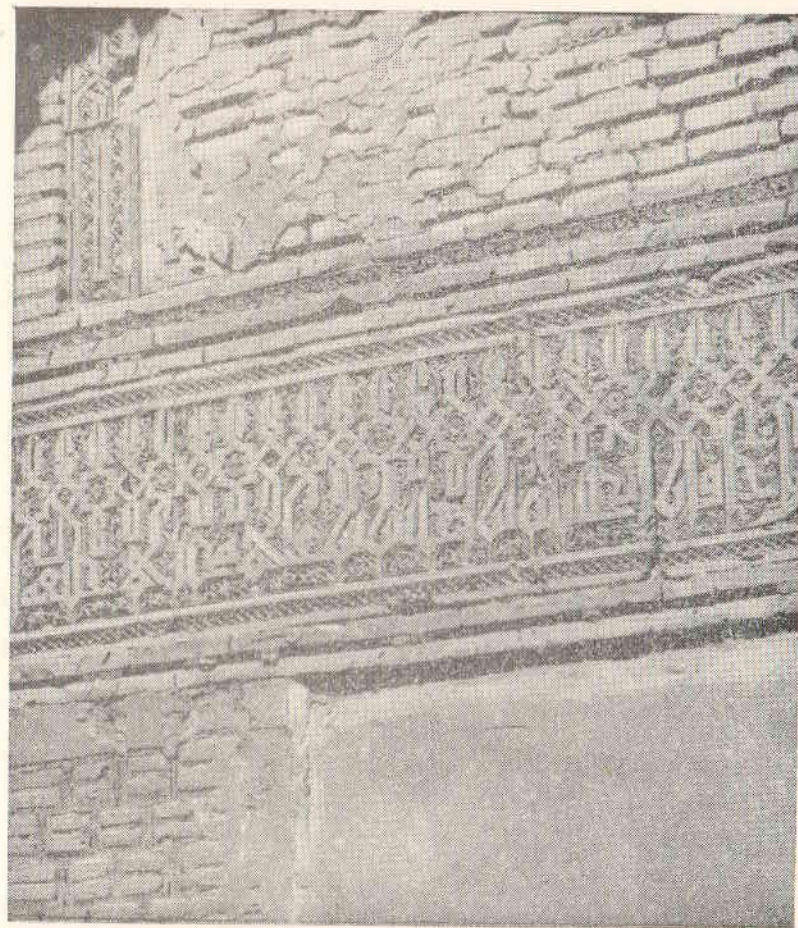

Рис. 21. Общий вид
Северного узгенского мавзолея
до реставрации.

Рис. 22. Кufические надписи
на портале Северного мавзолея.

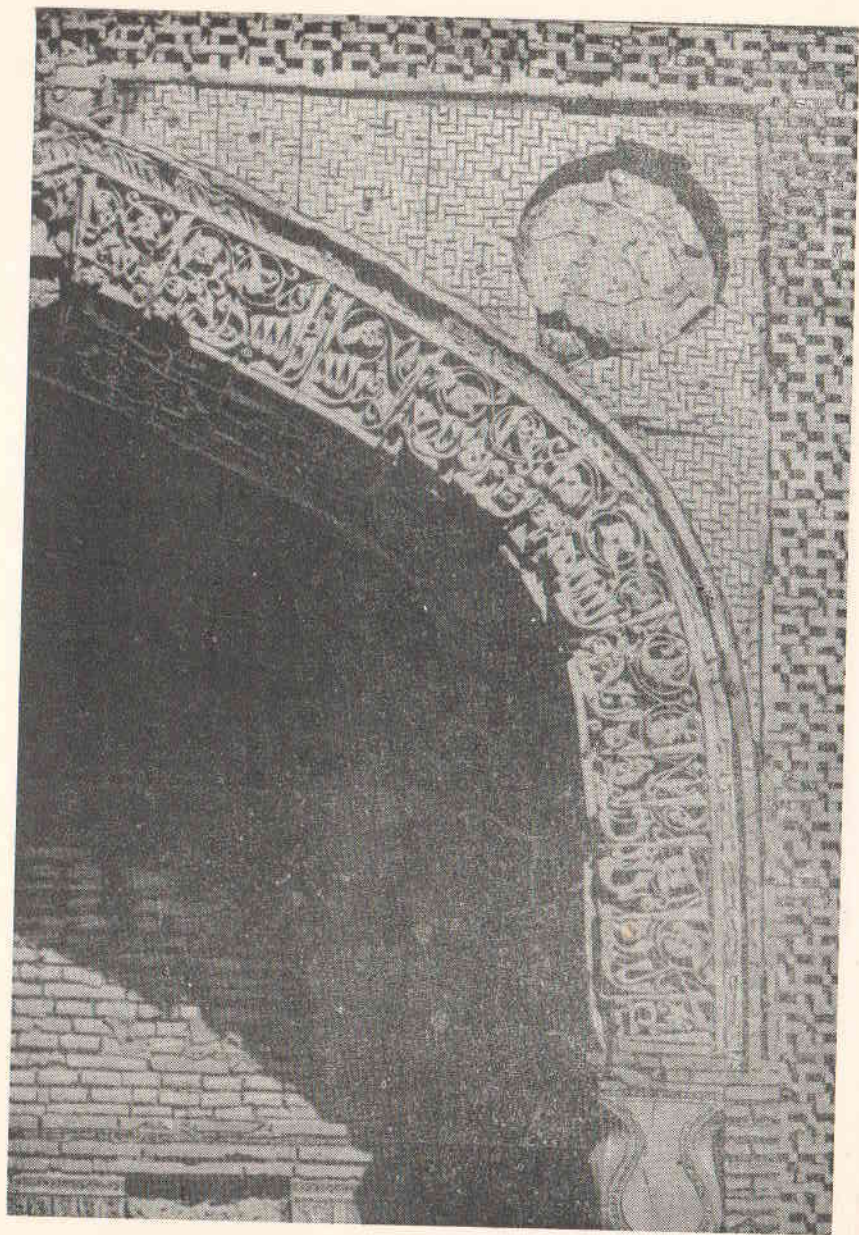
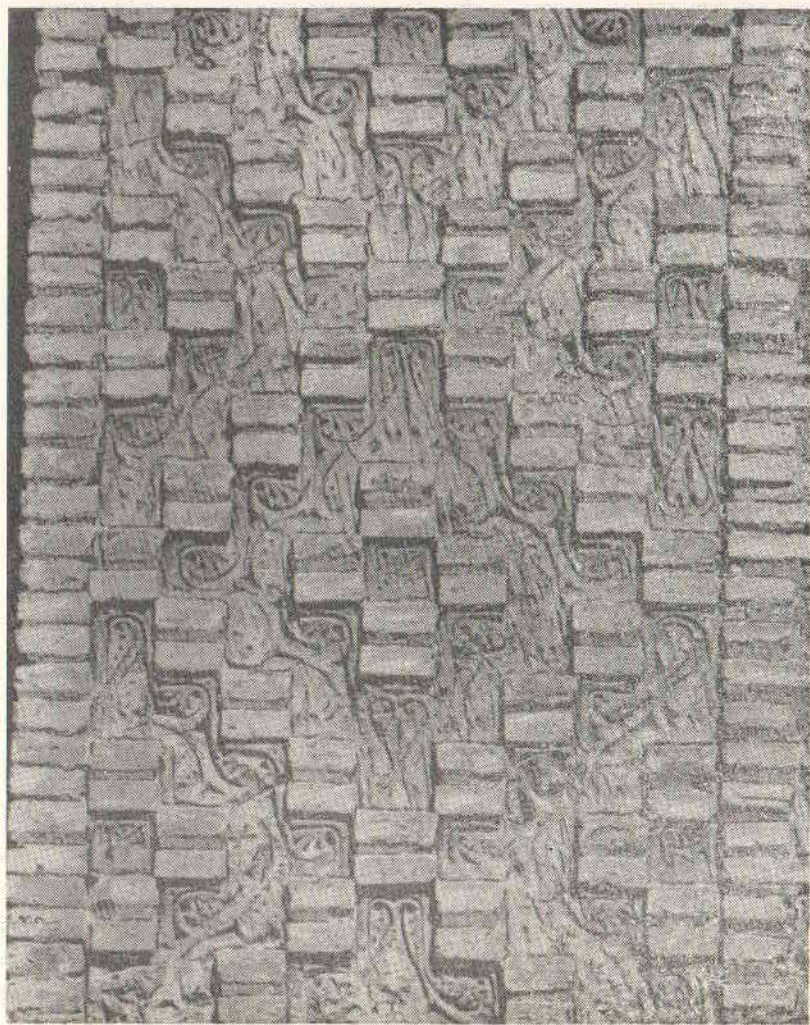

Рис. 23. Деталь входной арки портала Северного мавзолея
(надписи почерком насх).

Рис. 24. Фигурная кладка кирпича
в сочетании с резным ганчем.

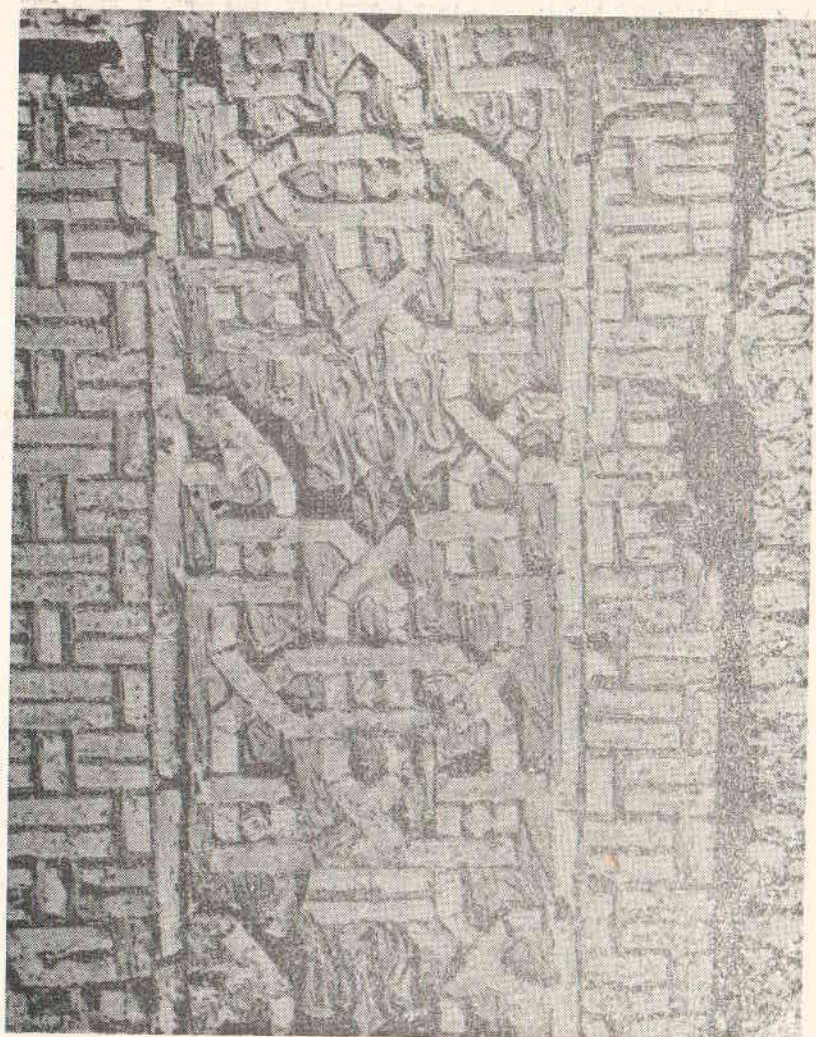

Рис. 25. Северный мавзолей.
Деталь орнаментальной кладки.

Рис. 26. Южный узгенский мавзолей
(до реставрации 1977 г.).

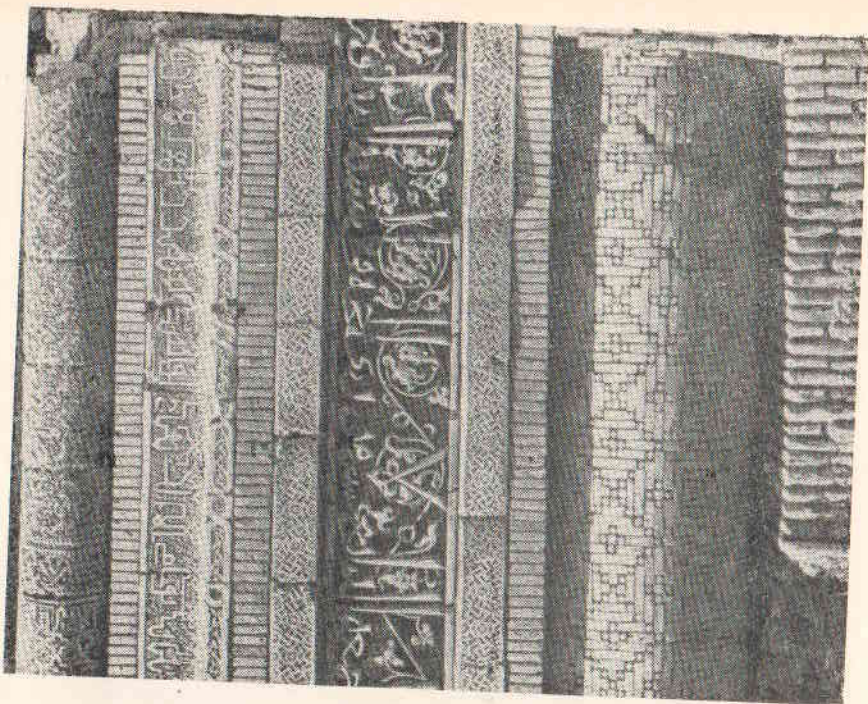

Рис. 27. Часть портала
Южного узгенского мавзолея.

Рис. 28. Фрагмент трехчетвертной колонки
на портале Южного мавзолея.

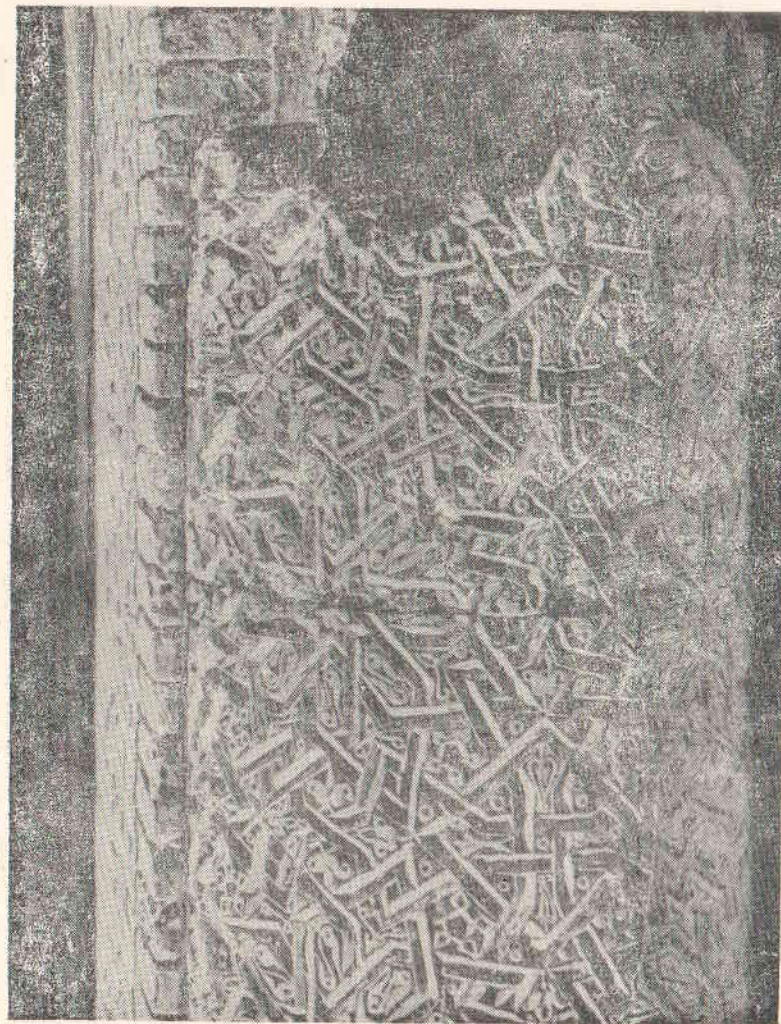

Рис. 29. Архитектурная терракота
Южного мавзолея. Деталь.

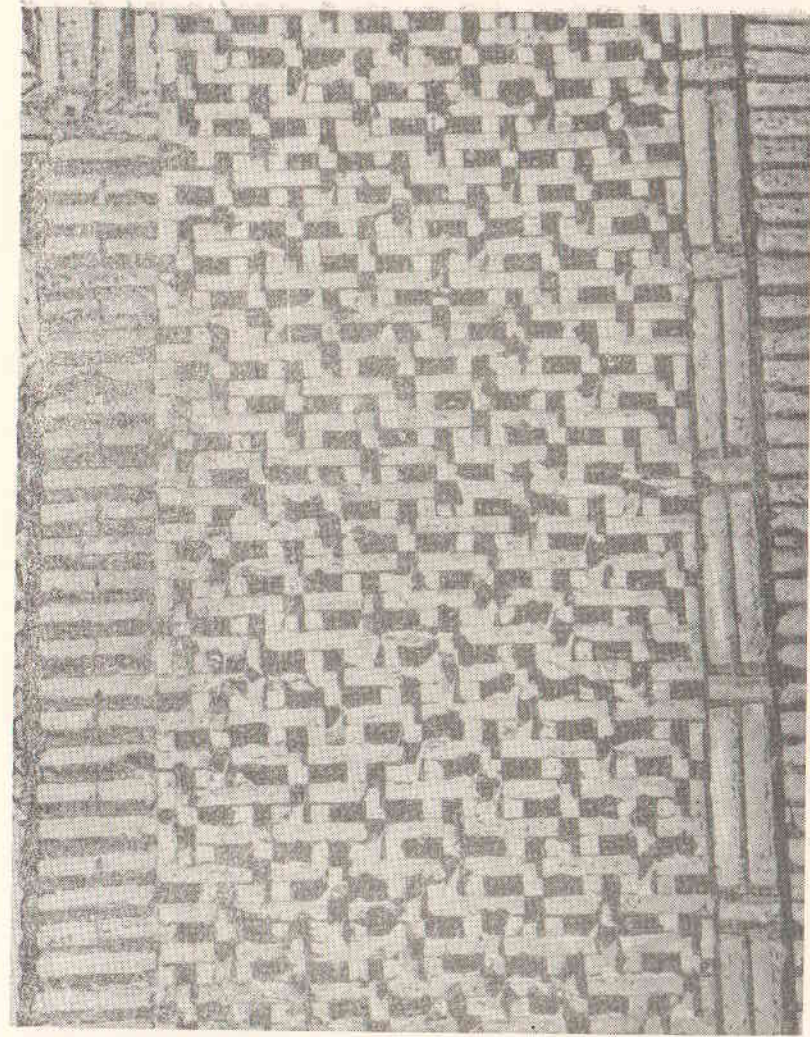
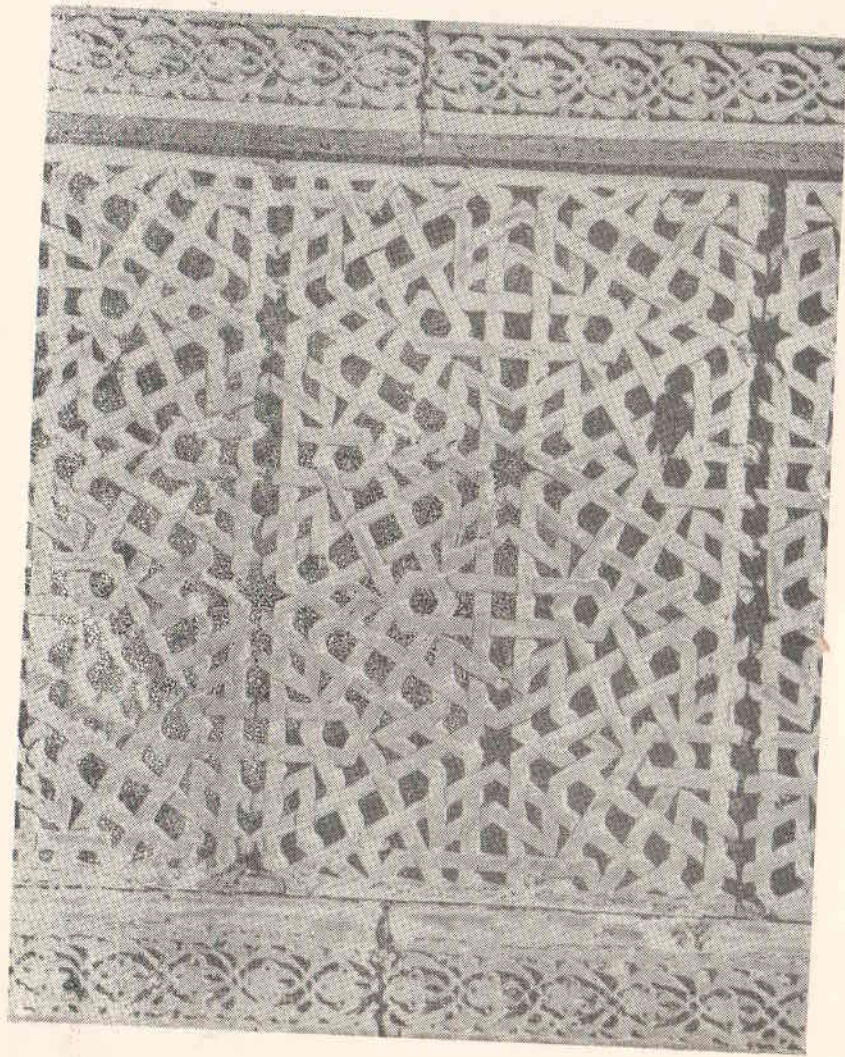

Рис. 30. Архитектурная терракота.
Южного мавзолея. Деталь.

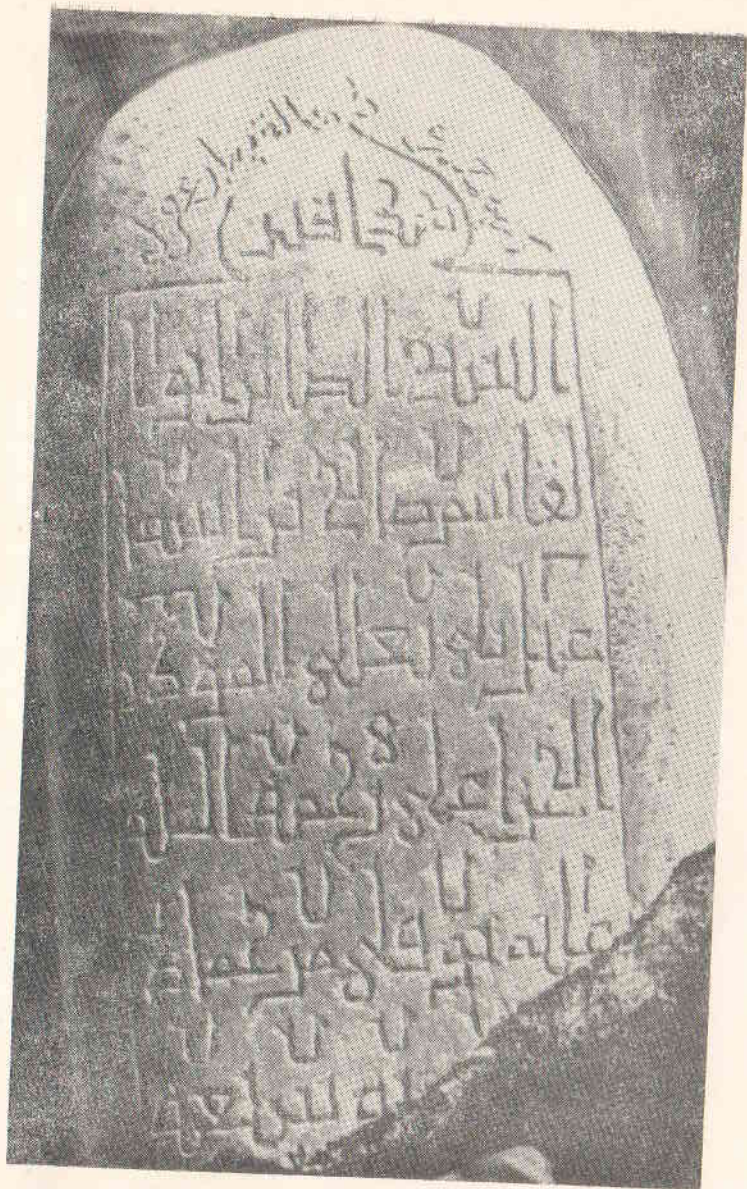

Рис. 31. Узген, Намогильный кайрак XI—XII вв.

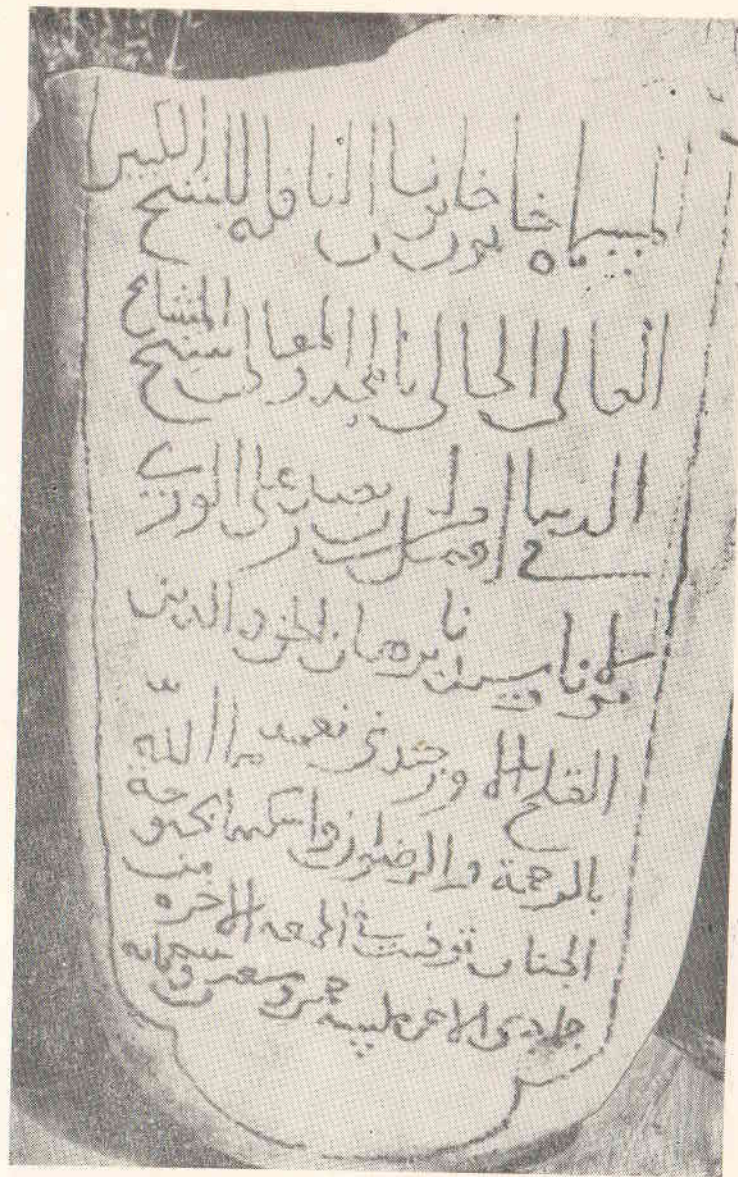

Рис. 32. Узген, Намогильный кайрак XIV в.

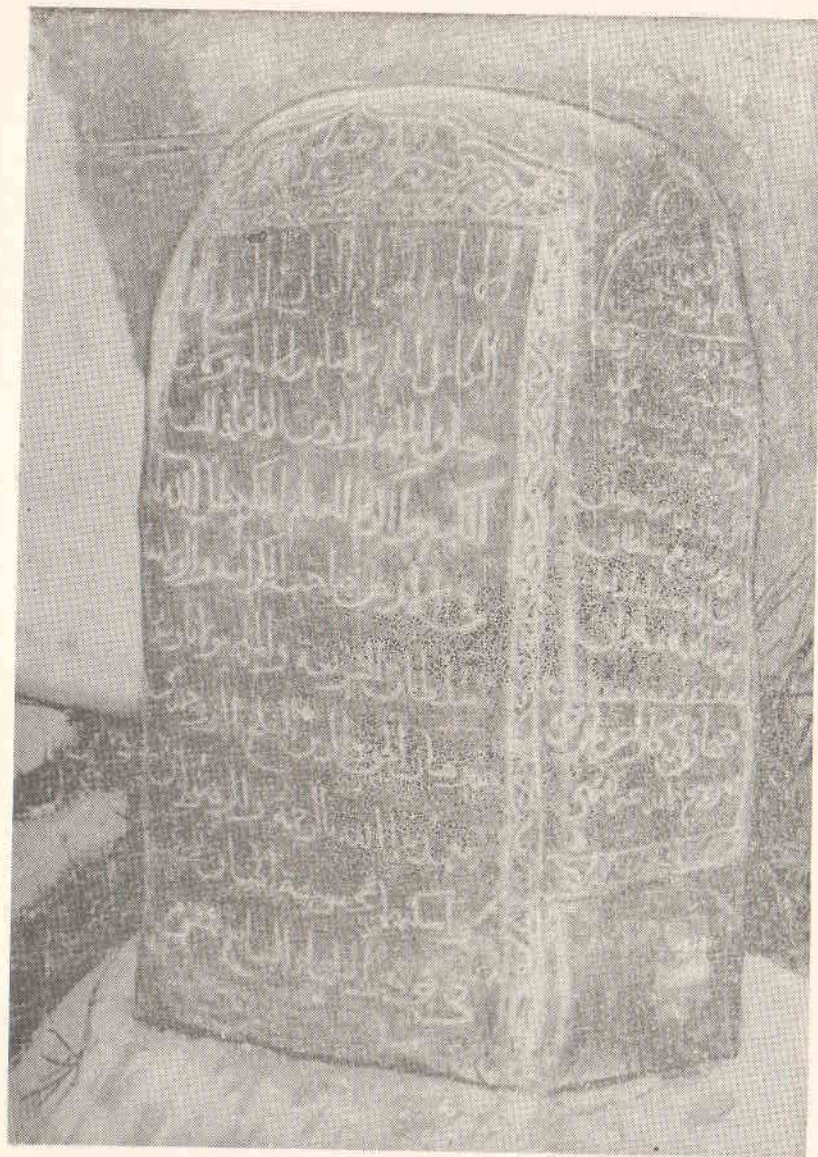
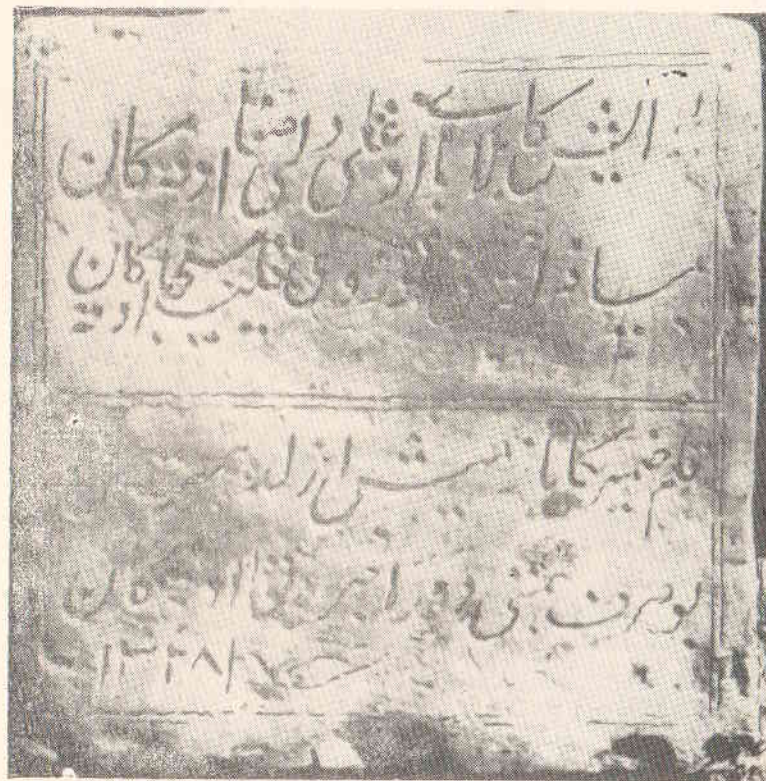

Рис. 33. Узген. Намогильник XIV в.
с двусторонним текстом эпитафии.

Рис. 34. Узген.
Кирпичный намогильник начала XX в.

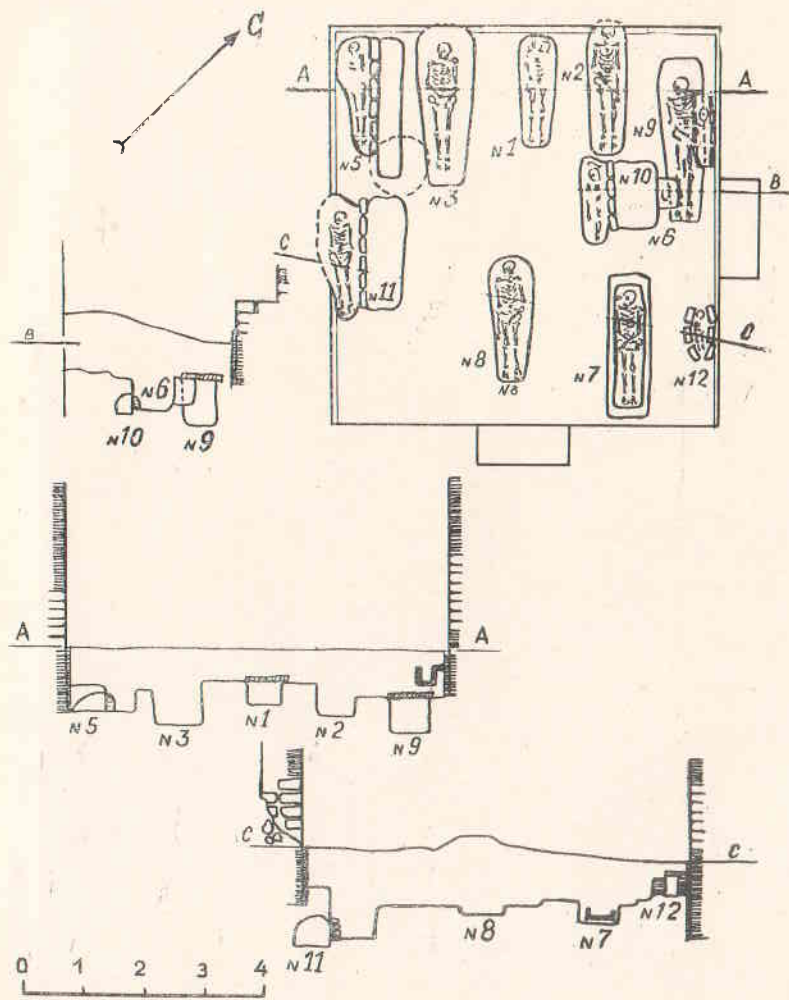
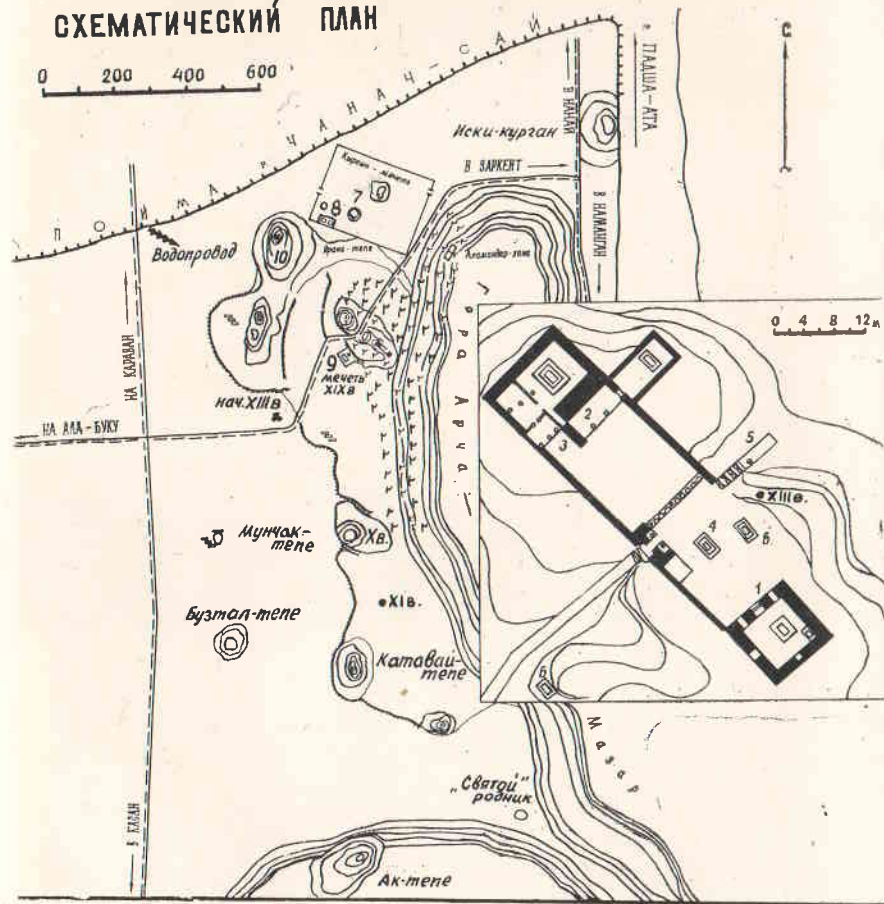

Рис. 35. План и профили погребений под полом Южного мавзолея (по раскопкам Е. З. Зауровой).

МАЗАРСКОЕ ГОРОДИЩЕ (САФИД-БУЛАН) СХЕМАТИЧЕСКИЙ ПЛАН

⌈ ⌋ ⌈ ⌋ ⌈ ⌋	Кладбище	1	Мавзолей Шах-Фазил	•	Могила с кайраками
⌈ ⌋ ⌈ ⌋	Остатки постройки	2	Мазар Сафид-Булан	•	Могила тел 2700 воинов-арабов
•	Находка монет	3	Мазар египет 2700 воинов-арабов	•	Праздничная мечеть (мусолла) XIX в.
•	Клад монет	4	Могила с кайраками	•	Средневековый склеп
○	Находка сума	5	Священный камень	•	Фундамент мавзолея

Рис. 36. Схематический план развалин средневекового Сафид-Булана.

Рис. 37. Мавзолей Шах-Фазиль.
Общий вид.

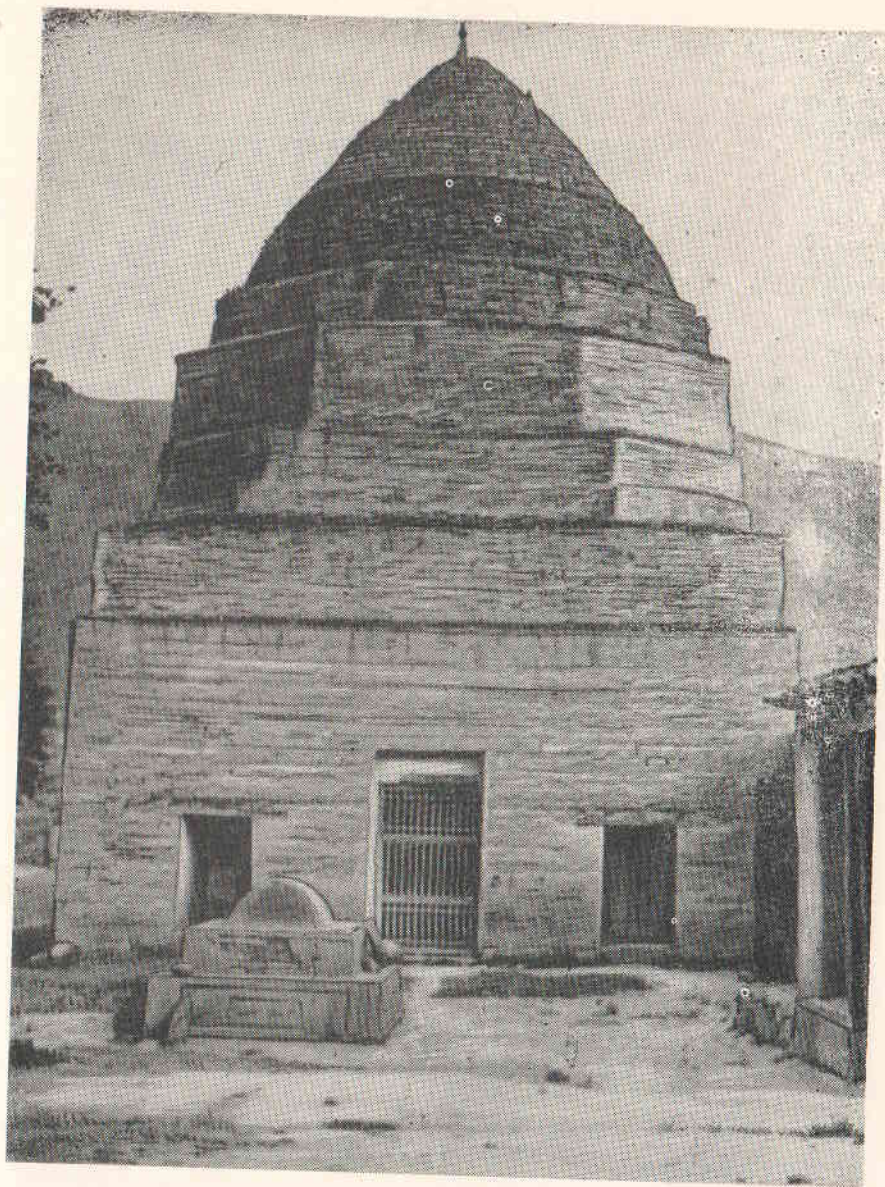

Рис. 38. Северо-западный фасад мавзолея Шах-Фазиль.

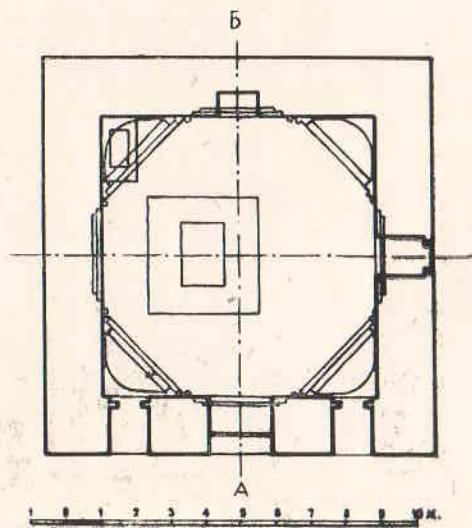
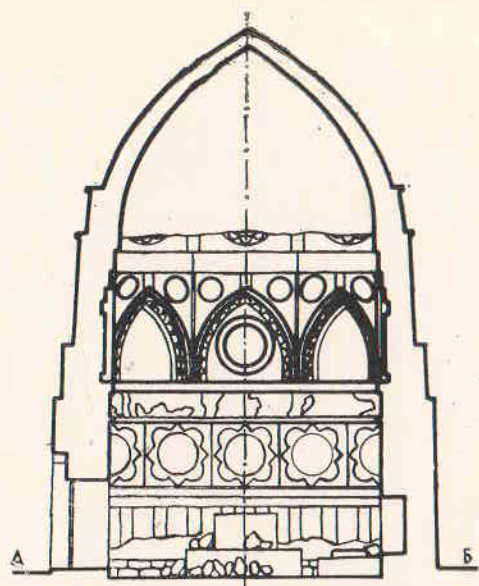
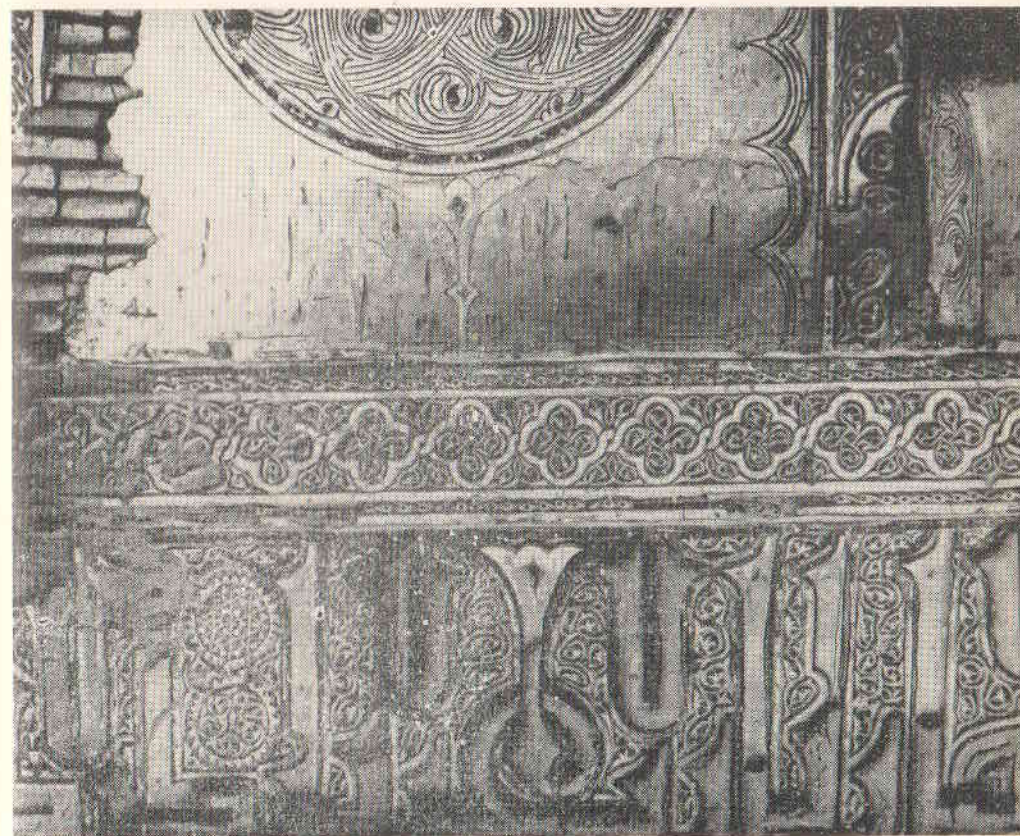

Рис. 39. Архитектурный разрез и план мавзолея (по обмерам Б. Н. Засыпкина).

Рис. 40. Интерьер мавзолея Шах-Фазиль. Резной ганч.

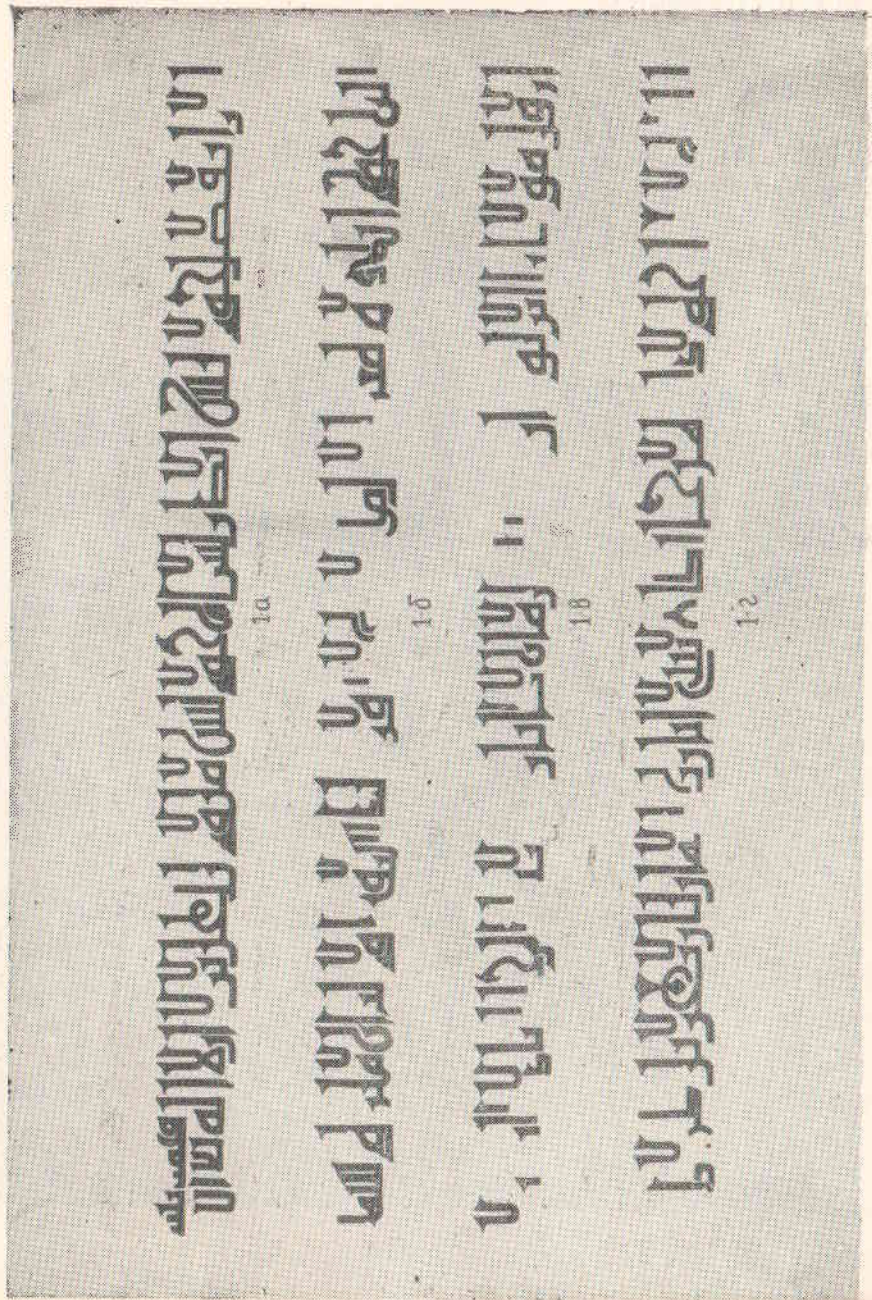

Рис. 41. Большая кувфическая надпись мавзолея Шах-Фазиль (зарисовка с натуры Ю. В. Жуксва).

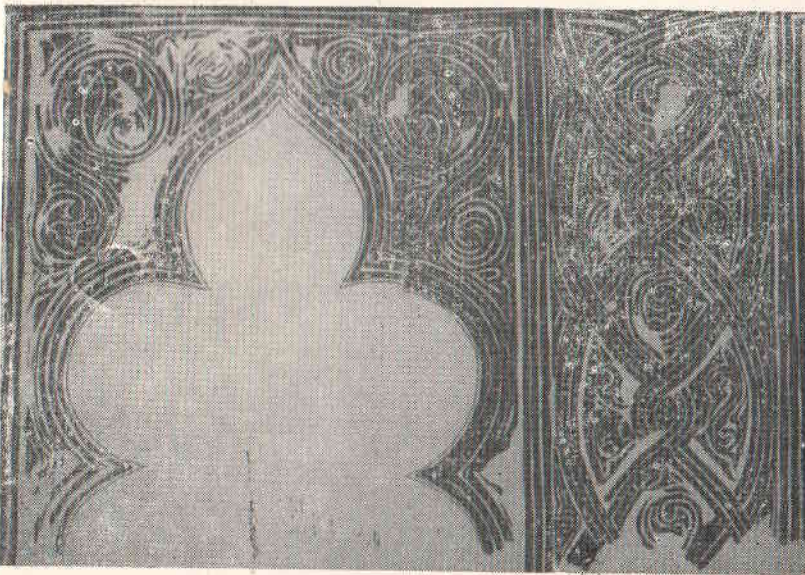

Рис. 43. Фестончатая декоративная арка.

Рис. 42. Мавзолей Шах-Фазиль.
Фрагмент надписи над ярусом тромпов.

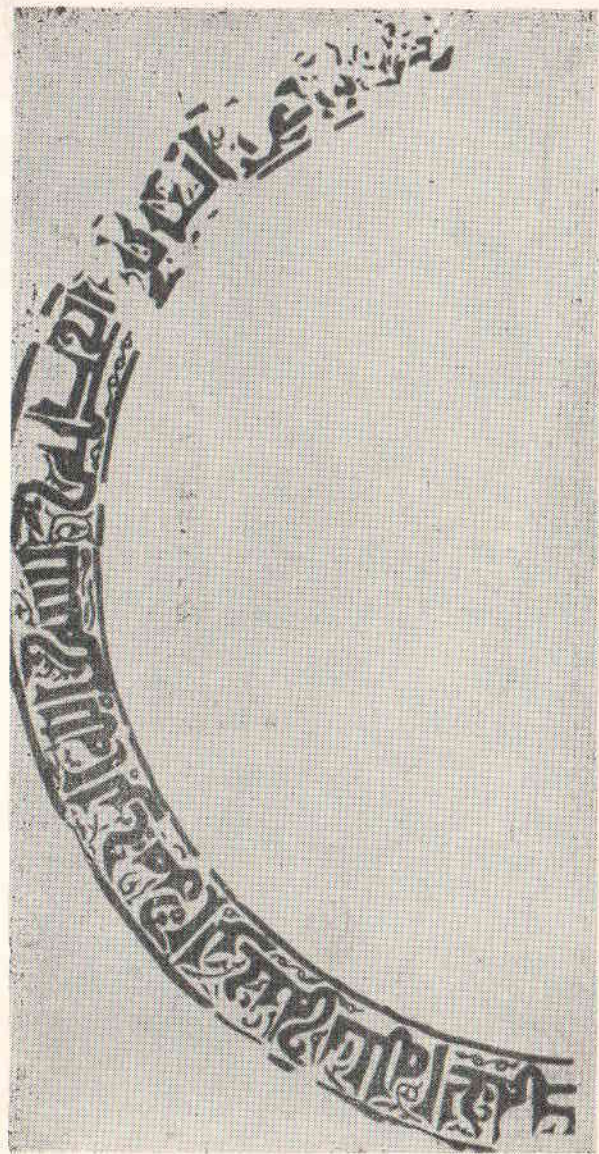

Рис. 44. Мавзолей Шах-Фазиль.
Фрагменты религиозных надписей в круговых розетках.

Рис. 45. Фрагмент круговой розетки.

Рис. 46. Мавзолей Шах-Фазиль. Пояс надписей над панелью.

0 12 24 см

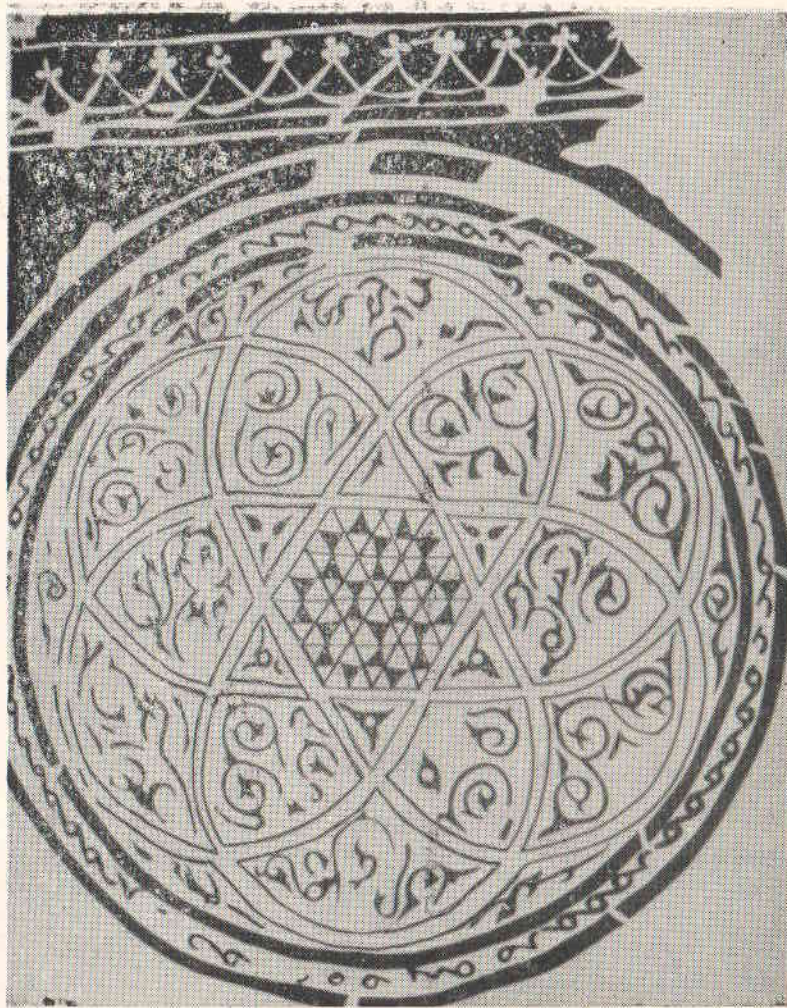
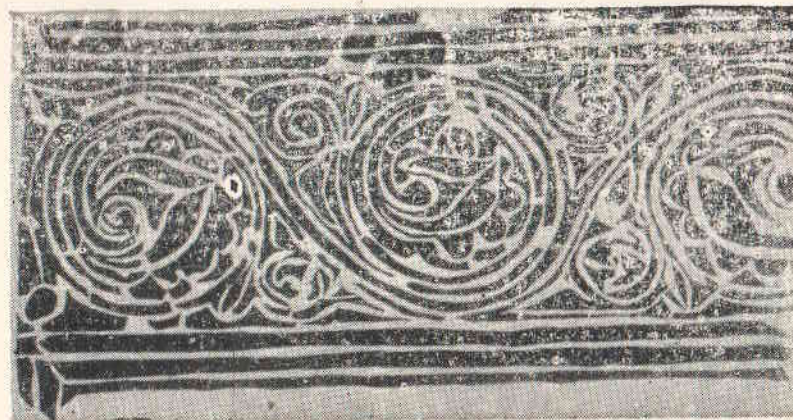
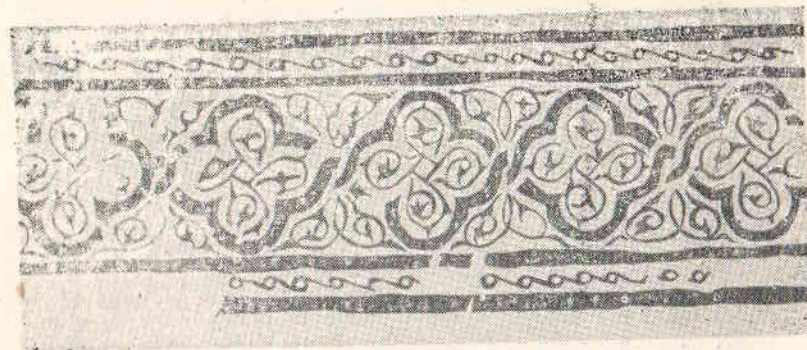

Рис. 47. Мавзолей Шах-Фазиль.
Мотивы орнаментальной резьбы по ганчу.

Рис. 48. Резной ганч.

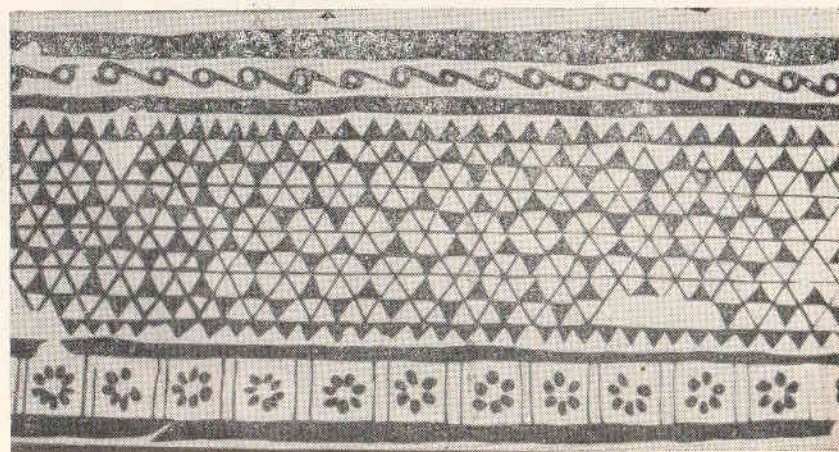
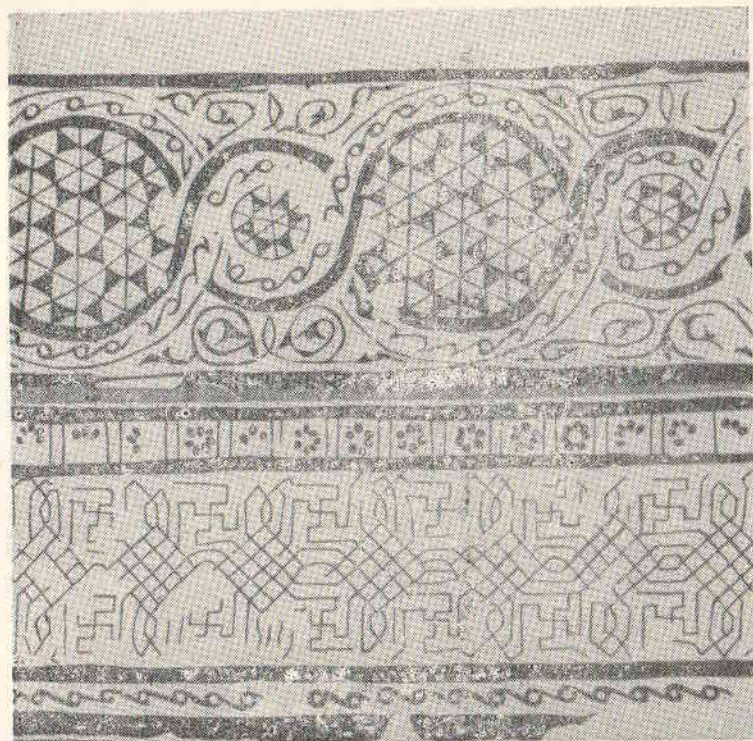
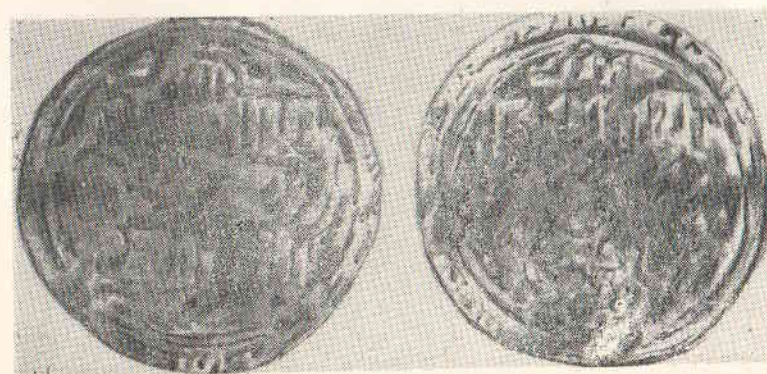

Рис. 49. Мавзолей Шах-Фазиль.
Резной шtuk.

Рис. 50. Дирхемы ферганских Караханидов.
Конец XII — начало XIII вв.

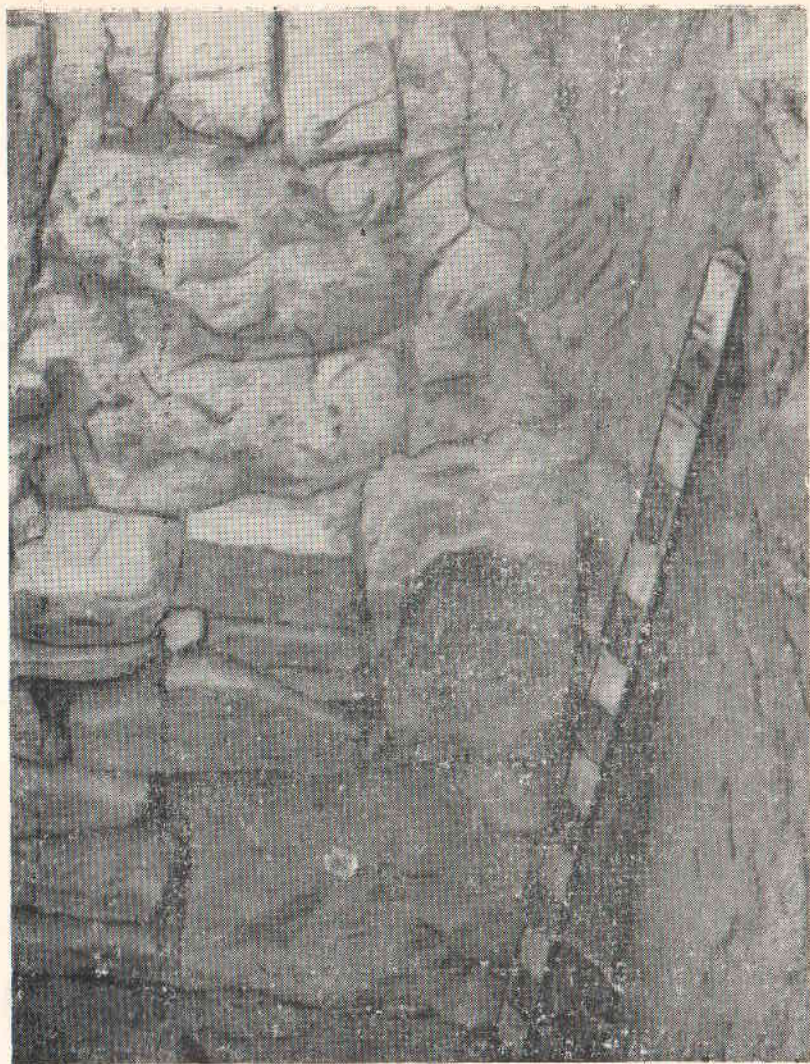

Рис. 51. Остатки монументальной сырцовой постройки X—XII вв. под мазаром Сафид-Булан.

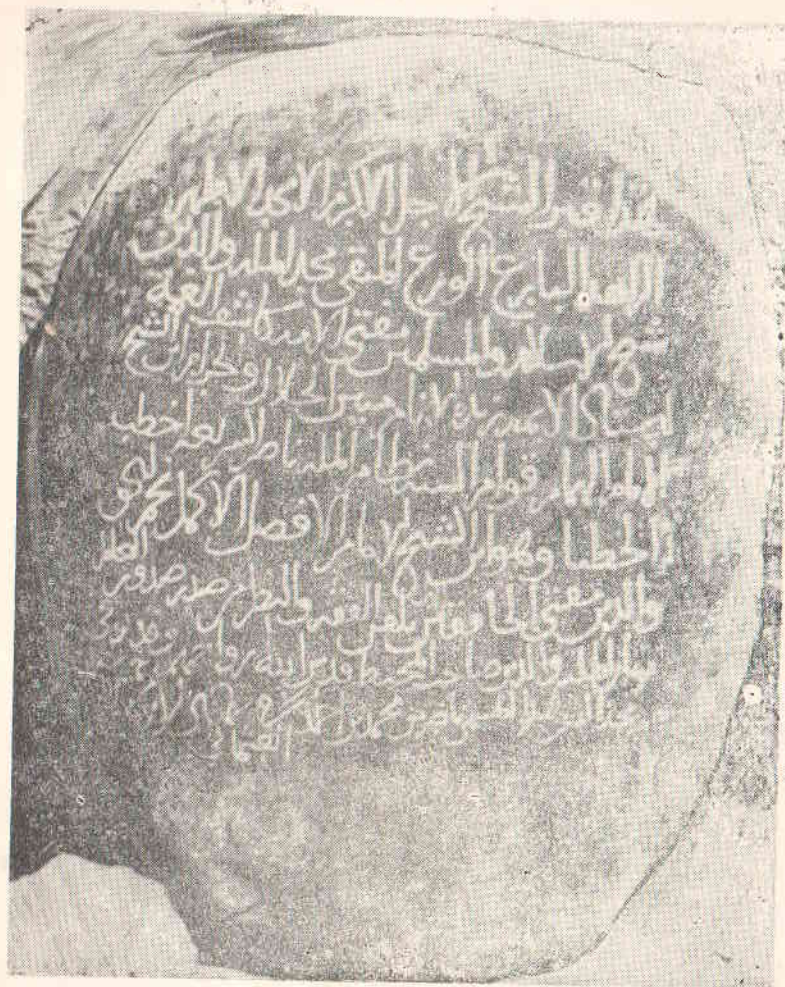
Рис. 52. Муг-хона в окрестностях Сафид-Булан.

Рис. 53. Намогильный кайрак XIII в. из Сафид-Булана.

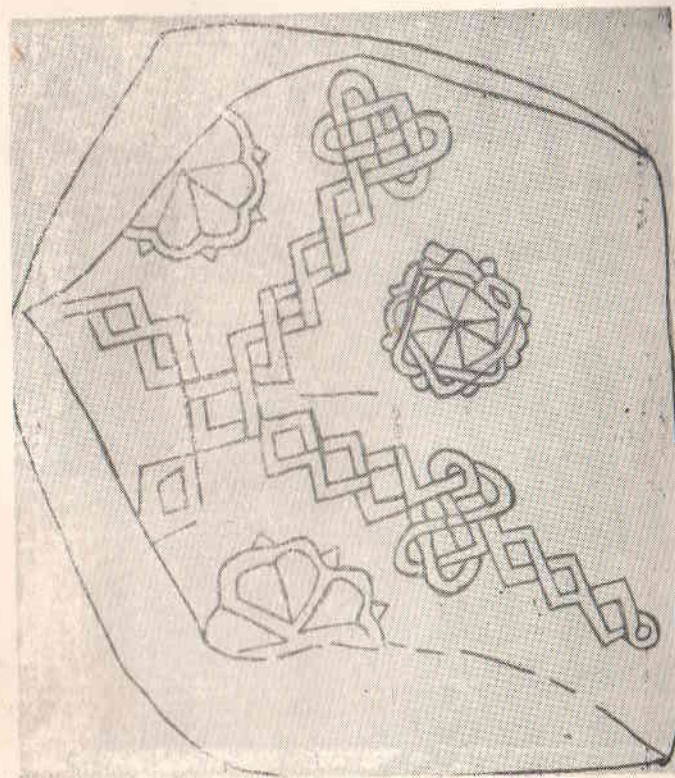
Рис. 54. Намогильный кайрак XIII в. из Сафид-Булана.

الله باقى
 معبنا اعزاز الاسلام واكرم
 الامام واجمع الكرام ودين
 بيت الابرار وزاد قبرهمك عليه السلام
 في ربه الله وهو محمد بن عبد الله بن عبد
 منمن بن اشعث بن قيس بن مهران بن ابي
 طالب بن عبد مناف بن عبد شمس بن عبد
 معيط بن كعب بن لؤي بن غالب بن فهر بن
 مالك بن النضر بن كنانة بن خزيمة بن
 مدركة بن إلياس بن مضر بن نضرة بن
 معد بن عدنان بن ابي اده بن ابي
 اسد بن عبد شمس بن عبد مناف بن
 قصي بن كلاب بن مرة بن كعب بن لؤي
 بن غالب بن فهر بن مالك بن النضر
 بن كنانة بن خزيمة بن مدركة بن
 إلياس بن مضر بن نضرة بن معد بن
 عدنان

Рис. 55. Прорисовка текста кайрака, середины XIII в. из Сафид-Булана.

Рис. 56. Прорисовка орнамента с намогильной гальки из Сафид-Булана

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Введение	5
Бурана	21
Что мы знаем о Буране	23
Характеристика памятников	29
К застройке Бураны	47
Где же располагался Баласагун?	54
Узгенд	67
Кто и когда изучал узгенские памятники	69
Письменные источники и предания об Узгене	75
О чем поведали раскопки	80
К исторической топографии города	88
Узгенская эпитафия	93
Сафид-Булан	105
Изучение Шах-Фазиль и его окрестностей	107
Открытие поселения	110
Из уст в уста	116
О чем поведали камни	121
Когда и для кого сооружен мавзолей Шах-Фазиль	127
Список принятых сокращений	138
Словарь использованных арабских, персидских и тюркских терминов в тексте	140
Приложение	145

Валентина Дмитриевна Горячева

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ГОРОДСКИЕ ЦЕНТРЫ И АРХИТЕКТУРНЫЕ АНСАМБЛИ КИРГИЗИИ

Редактор издательства *Е. А. Галкина*
Обложка художника *В. Ф. Роека*
Технический редактор *Э. К. Гаврина*

ИБ № 854

Подписано к печати 8.07.83. Д—00785. Формат 60×84¹/₁₆.
Бумага типографская № 2. Высокая печать.
Литературная гарнитура. Объем 9 л. л. + вкл. 3,25 п. л.,
11,45 уч.-изд. л. Тираж 1000 экз. Цена 1 р. 87 к. Заказ 4.

Издательство Академии наук Киргизской ССР,
720071, Фрунзе, Ленинский проспект, 265 а

Типография Академии наук Киргизской ССР,
720001, Фрунзе, ул. Пушкина, 144

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
139	2 снизу	Ed. A и Pore	Ed. A. U. Pore
139	3 снизу	A Survey	A Survey
140	1—2 сверху	Словарь арабских	Словарь архитектурных, арабских